

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КБНЦ РАН

ВОПРОСЫ КАВКАЗСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

9
ВЫПУСК

Нальчик · 2013

Редакционная коллегия

*Бгажноков Б.Х.,
Бижоев Б.Ч.,
Гузеев Ж.М.,
Гутов А.М.,
Кажарова И.А.,
Махиева Л.Х.,
Тимижев Х.Т. (ответственный редактор),
Толгуров З.Х.*

Вопросы кавказской филологии. Выпуск 9. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2013. – 212 с.

Печатается по решению Ученого совета ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

ISBN 978-5-91766-073-8

© КБИГИ РАН, 2013

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH KBCS OF THE RAS

ISSUES OF CAUCASIAN PHILOLOGY

9
edition

Nalchik • 2013

Editorial board

*Bgazhnokov B.H.,
Bizhoev B.Ch.,
Guzeev J.M.,
Gutov A.M.,
Kazharova I.A.,
Machiyeva L.H.,
Timizhev H.T. (editor),
Tolgurov Z.H.*

Issues of Caucasian philology. Edition 9. – Nalchik: Publications department of KBIHR RAS, 2013. – 212 p.

Published by the decision of the Academic Council of the Institute for the Humanities Research of the Kabardino-Balkar scientific centre of Russian Academy of Sciences.

ISBN 978-5-91766-073-8

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Тимижев Х.Т., Маремукова Д.А.</i> Формы интерпретации фольклорных мотивов в современной адыгской прозе (на примере психологических романов М. Емкужева и Х. Шекихачева)	9
<i>БакIуу Хь.И.</i> Ацкъан Руслан и сонетхэр	21
<i>Толгуров З.Х.</i> Мотивы поэзии Т. Зумакуловой (<i>последний сборник</i>) ...	36
<i>Шакова М.К.</i> Поиски и находки Раисы Хашхожевой (к 80-летию со дня рождения)	48
<i>Алхасова С.М.</i> Культурная парадигма и процессы идентификации в адыгской литературе постсоветского периода	58
<i>Ахмадова З.М.</i> Рефрен в лирике Руслана Семенова	68
<i>Сарбашланы А.М.</i> Ёз миллетини ёкюлю (Отарланы Керимни кечгюнчюлюк поэзиясыны юсюнден)	75
<i>Гуртуева М.Б., Шапарова А.К.</i> Пусть память об Али Асхадовиче продолжится в веках	82
<i>Къэжэр И.А.</i> ГъукIэкъул Даут и поэмэхэм теухуауэ	89
<i>Хъэвжокъуэ Л.Б.</i> «СхуэмыIуатэ гуэр соуc...» (ХъэIупэ Дж. и усыгъэм теухуауэ)	95
<i>Болатова (Атабиева) А.Д.</i> Принцип художественной условности в романе З. Толгурова «Большая медведица»	102
<i>Бозий Н.Б.</i> Къэрмокъуэ М.М. и «ПсыхэкIуадэ» повестым и дерсхэмрэ, тхакIуэм кыгIгъэсэбэп художественнэ Iэмалхэмрэ	114

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Малкондуев Х.Х.</i> Профессионально и вдумчиво написанная книга	121
<i>Берберов Б.А.</i> Зооморфные образы в карачаево-балкарской народной поэзии выселения	127

Хагожеева Л.С. Этнокультурные стереотипы поведения адыгской феодальной знати (на материале адыгской сказки)	135
---	-----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

БиццIо Б.Ч. Фразеологизмэхэр зэзыдзэкI псалгьалгэ еджапIэхэм яхузэхэлгьхэным и Iуэхур	142
Апажев М.Л. О первом советском русско-кабардинском словаре Б.Л. Хуранова (к 120-летию со дня рождения Б.Л. Хуранова)	153
Иванов Н.Р. К этимологии этнонима <i>наттыхъуай</i>	162
Аптоев А.К., Качалаева М.А. Антонимия кумыкского, карачаево-балкарского и английского языков как универсальное явление	169
Карданов М.Л. Родовая и безродовая принадлежность номинаций лексико-семантической группы «псэ зыIут щIыуэпс» – «живая природа» – кабардино-черкесского языка	175
Алиева Т.К., Айбазова М.И. Полисемия и омонимия наречий, образованных от форм падежей в тюркских языках	179
Качалаева М.А. Семантические особенности фразеологизмов, обозначающих возраст человека в кумыкском и английском языках	184
Локьяева Ж.М. Семантическая характеристика сложных глаголов типа неглагол+вспомогательный глагол <i>эт</i> в карачаево-балкарском языке	191
Черкесова З.В. Понятие концепта и методы его исследования в современной лингвистике (на примере концепта «Женщина»)	195
Сведения об авторах	203

CONTENT

LITERARY SCIENCE

<i>Timizhev H.T., Marenukova D.A.</i> Forms of interpretation of folk motifs in modern adygian prose (on an example of psychological novels of M. Emkuzhev and H. Shekihachev)	9
<i>Bakov H.I.</i> Ruslan Atskanov's sonnets	21
<i>Tolgurov Z.H.</i> Motives of poetry of Tanzilya Zumakulova's (last poetry collection)	36
<i>Shakova M.K.</i> Searches and finds of Raisa Hashhozheva (on the 80-th anniversary of her birth)	48
<i>Alhasova S.M.</i> The cultural paradigm of the identification process in the adyghe literature post-soviet period	58
<i>Ahmadova Z.M.</i> Refrain in Ruslan Semenov's lyrics	68
<i>Sarbasheva A.M.</i> Kerim Otarov's poetry	75
<i>Gurtueva M.B., Shaparova A.K.</i> Let the memory of Ali Askhadovich continue in centuries	82
<i>Kazharova I.A.</i> About Daut Gutyakulov's poem	89
<i>Havzhokova L.B.</i> «I write about the unexplained...» (about Dzh. Haupa's poetry)	95
<i>Bolatova (Atabieva) A.D.</i> Principle artistic convention in the novel Z. Tolgurov's «The Great Bear»	102
<i>Bozieva N.B.</i> Problems and artistic design of M. Karmokov's stories «Vain»	114

FOLKLORE

<i>Malkonduev H.H.</i> Vocational and thoughtfully write a book	121
<i>Berberov B.A.</i> Zoomorphic images in karachay-balkar folk poetry of deportation	127
<i>Hagozheeva L.S.</i> Ethnocultural stereotypes of behavior adygian feudal nobility (based on the adygian tales)	135

LINGUISTICS

<i>Bizhoev B.Ch.</i> On the problem of preparation bilingual school phrasebook	142
<i>Apazhev M.L.</i> The first soviet russian-kabardian dictionary of B.L. Huranov (to 120-th anniversary of the birth of B.L. Huranov)	153
<i>Ivanokov N.R.</i> For the etymology of the ethnonym "Nattyhuay"	162
<i>Appoev A.K., Kachalaeva M.A.</i> Antonyms of kumykian, karachay-balkar and english as a universal phenomenon	169
<i>Kardanov M.L.</i> Generic and belonging nominations lexical-semantic group of «Wildlife» of kabardino-circassian language	175
<i>Aliyeva T.K., Aybazova M.I.</i> Polysemy and homonymy adverb formed from forms ablative in turkic languages	179
<i>Kachalaeva M.A.</i> The inner form of the phraseological units representing the age of man in kumyk and english languages.....	184
<i>Lokyaeva Zh.M.</i> The semantic characteristic of difficult verbs like et not verb+auxiliary verb in karachay-balkar language	191
<i>Cherkesova Z.V.</i> Definition of the concept and its research methods in modern linguistics (on example the concept «Woman»)	195
<i>The authors of this issue</i>	203

УДК – 821.352.3.0-3

*Х.Т. Тимижев,
Д.А. Маремукова*

**ФОРМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ МОТИВОВ
В СОВРЕМЕННОЙ АДЫГСКОЙ ПРОЗЕ**
*(на примере психологических романов
М. Емкужева и Х. Шекихачева)*

В данной статье ставится цель выявить особенности развития романа в постсоветский период на материале творчества двух совершенно разных писателей, используя историко-сравнительный анализ в контексте литературного процесса в целом.

Ключевые слова: фольклорные традиции, просветительство, современная романистика, поэтика, жанр, литературный процесс, проза, конфликт, психологизм.

Сложный и драматический период пережило наше государство в 90-е годы XX века, породивший принципиально новые отношения в обществе и новое мировоззрение. Избрать европейский путь развития или взять за основу досоветскую формацию – подобные дискуссии, усиленные перманентными, тяжелыми реформами и контрреформами в политической жизни страны, не могли не отразиться и на состоянии культуры, в частности литературы. Поэтому, исследуя развитие национальной прозы в постсоветские годы, мы должны характеризовать его как литературу переходного периода. В таком непростом и масштабном жанре, как роман, бывает сложно уловить и воплотить ту быстротечную смену не только в политическом процессе, но и в мировоззрении людей. И самым сложным здесь становится нащупывание тонких нитей, которыми литература связывается с многочисленными сегментами меняющегося мира и восходит к духовному миру человека.

Точно так же неприемлемо рассматривать ход развития национальной литературы в отрыве от общекультурного процесса. Стоит отметить и то, что продекларированные в 80-е годы (период «перестройки») гласность и свобода слова не прошли бесследно для кабардино-черкесской литературы. Безусловно, были здесь свои плюсы, однако по большому счету наш народ оказался не готов к излишней открытости и свободе самовыражения. Как мы помним, именно это привело к бурным проявлениям недовольства, к народным выступлениям, общественно-национальным конфликтам и локальным войнам. Национальная проза не осталась в стороне от подобных коллизий (повести и рассказы З. Налоева, С. Хахова, А. Шамурзаева, Л. Слонова, З. Гучаева и др.). Хотя в адыгской литературе они так и не нашли отражения, сопоставимого с реальным масштабом событий, подготовили почву для новой литературы.

Характерным признаком адыгской прозы 90-х стало некое отвлечение от духовного роста и переживаний литературного героя в событийном контексте в пользу описания самих событий. Отныне писатели бросают все свои силы на исследование причин, повлекших столь серьезные сдвиги в обществе и в судьбах родины, за которыми последовала смена исторической формации, и на анализ – с разных точек зрения – исторического значения этих перемен. В литературе исследуемого периода появляется сюжетная и повествовательная многослойность. Вместо черно-белой палитры в описаниях персонажей адыгские авторы вводят в свои произведения жесткие коллизии, увязанные с национальными, религиозными, общественными конфликтами. Исходя из этого, охваченный современным адыгским романом отрезок времени можно условно разграничить на два этапа. Первый – этап рубежа двух формаций, смены одного общественно-политического строя на другой, приход нового мировоззрения на смену старому. Творческий признак этого отрезка – некая настороженность авторов, их неполная свобода от оков недавнего прошлого, оглядка на устоявшееся отношение людей и общества на перемены в новой жизни. Среди литературных персонажей уже появляются «честные князья как Касым; верно служащие религиозные деятели как сельский эфенди Махмуд, и новые революционеры, никак не соответствующие образу героя-большевика, а являющиеся всего лишь корыстолюбцами, использующими новую власть в своих интересах – Мурид»¹. Правда, та-

кие нетипичные герои – пока еще исключение из общего правила шаблонности.

Второй этап можно обозначить как период восстановления. Это время становления новой России, когда экономика, культура, жизнь общества начинают входить в свою колею, а общечеловеческие ценности вновь обретают смысл. На этом фоне возрождается национальное самосознание адыгов, почитание ими своих традиций, параллельно начинается процесс вовлеченности литературы в духовный мир народа во всем его многообразии. Преодолев период замешательства, национальная литература уверенно берется за правдивое и глубинное отображение прошлого. Один за другим выходят в свет крупные исторические, социально-философские романы адыгских авторов («Корни» А. Кешокова, «Гыбзы достойны», «Медвежьи когти» С. Мафедзева, «Песнь водопада» А. Туаршева, «Соленая роса», «Несостоявшаяся свадьба» В. Абитова, «Орлы возвращаются в горы» А. Эльмесова, «Посланник белого царя» С. Жилетежева, «Кавказ», «Черкесы. Балканская история» М. Кандура, «Жестокость» Х. Хавпачева и др.).

Не загоняя себя в рамки определенной идеологии, опираясь на исторические сведения и современные аналитические материалы, писатели стремятся освещать закрытые ранее страницы истории. Все смелее авторы показывают многовековой процесс духовного и нравственного становления адыгов. В произведениях крупного плана (романы, повести) проявилось многообразие творческих подходов к проблемам историзма и психологизма, изменилась и философия творчества в сторону углубления, и сам жанр приобрел новые очертания. Авторы стали уделять больше внимания выработке собственного стиля, обретению своего почерка и литературного языка. В годы рассматриваемого периода активно творили известные прозаики, как А. Кешоков, А. Налоев, М. Кармоков, Ц. Кохова, Ф. Кабардова, Х. Хавпачев, Х. Шехихачев, Х. Хапсироков, Б. Журтов, М. Эльберд, К. Эльгар, М. Губжев и др. Именно их заслугой следует считать то, что национальная проза в эпоху перемен не пошла по пути дешевого модерна и вступила в новое время со своими наработанными традициями.

Об одной из особенностей прозы этого периода – возвращение к этнокультурному пласту, в частности к древним обычаям

народа, и их интерпретация по канонам современных реалий будет идти речь в данной статье. Пережитки прошлого заново стали актуальной темой для больших романов, увидевших свет в исследуемый период: «Мечь» Хамиши Шекихачева², «Ночь Кадар, или Который справа» Мухамеда Емкужева³.

Нельзя сказать, что эта тема нова для адыгских (адыгейской, кабардино-черкесской, черкесского зарубежья) литератур (драмы А. Мидхата «Адыгские дворяне» и К. Ахматукова «Тяжелый долг», повесть А. Кешева «Абреки», романы и повести Т. Керашева «Абрек», «Последний выстрел», «Одинокий всадник» и др.). Однако произведения данных авторов отличается другой уровень отношения к фольклорным традициям и глубине психологической достоверности строения образов. Оба романа роднят еще и положенные в их основу фольклорные сюжеты. В первом случае это сказание и героическая песня о подвигах братьев Есеноко, во втором – адыгские предания перекаати-поле. И это еще не все. Значительнее фольклорных фабул – реальные события, пережитые и испытанные адыгами. Это и поднимает оба романа на исторический уровень.

В отличие от романа Х. Шекихачева, произведение М. Емкужева не связано с конкретной исторической личностью, и потому здесь явственнее звучат голос и мысли самого автора, его собственный подход к проблемам и ценностям, веками сопровождавшим адыгов. При этом он остается нашим современником, нацеленным на главные ориентиры в мировой культуре и общечеловеческие ценности. Стиль романа сложен, это своеобразная «история в истории». Его прочтение многим может показаться слишком трудным. Кажется, в книге собраны все «охотничьи рассказы» о практике кровной мести у всех народов Кавказа. Однако произведение, несомненно, зовет к размышлению.

Многослойное повествование о трагических событиях устами автора приводит к выводу: зло всегда наказуемо. Против этой истины бессильны и время, и сама природа, иначе зачем бы перекаати-полю бесцельно мыкаться по свету? Как уже сказано, автор подходит к своему повествованию современными мерками, тем самым, становясь связующей нитью между далекими временами и сегодняшним днем. Он советуется с нами, дает понять: ни новое время, ни улучшение условий жизни не смогли изменить человека, и до сих пор полно среди нас злых, завистливых, жадных, корыстолюбивых, нечистых на руку.

Персонажи романа «Ночь Кадар, или Который справа» гонимы тяжестью своих грехов, и они мыкаются в вечном поиске искупления. Но очень трудно найти искупление человеку, предавшего друга, совершившего злодеяние из зависти, бросившего на произвол судьбы стариков, которые заменили ему когда-то родителей. Нет, эта тяжкая ноша не только не становится легче, а только отягощается с ходом времени, сопоставляя и увязывая в единое целое завязку и развязку романа.

Одного из главных персонажей романа, Хасанша, похитили абреки-работорговцы. Он еще практически ребенок, но по пути рассуждает совсем не по-детски: «Не я первый, последним тоже, наверное, буду не я. Жаль только мать... Обидно, вам не понять, как обидно, что оставляю родину, так и не узнав имени убийцы моего отца. Вот как угораздило меня! Не повезло, да и только»⁴. В романе юноше удастся осуществить свой заветный замысел, но, увы, это не приносит покоя, потому что зло влечет за собой новое зло. Как вытекает из повествования, не все в жизни решается принципом «око за око». (Уи нэм кье!эм и псэм е!эж). Напротив, путь этот в никуда – прямая дорога к беде, к нескончаемому горю, к новому кровопролитию, к самоистреблению народа.

Это противостояние настолько укоренилось в сознании людей, что кажется им привычным и естественным, ненависть одерживает верх над здравомыслием, и любой, кто счел себя обиженным, должен во что бы то ни стало отплатить кровью за кровь.

Одержим жаждой мести и другой герой – Мурат, он не знает слова «жалость» до тех самых пор, пока не свершил акт возмездия. Но человек должен рано или поздно очнуться, одуматься, иначе не было бы в жизни движения вперед. Адыгам никогда не была присуща кровожадность, малодушие, бесчинство, хотя временами они плутали в тумане необразованности и смутных времен. Но он непременно очистится, распрямится, потому что никогда не был лишен чувства сострадания и прощения. Он непременно преодолет и навязанную ему обстоятельствами жестокость, и путы ненужных обычаев вроде кровной мести. В этом автор пытается убедить нас в заключительных строках романа, в которых, по сути, заключена и основная идея произведения: «Последнее физическое ощущение связано с тем, что кто-то шарит по его ногам, телу, неловко развязывает на нем узлы, и, прежде чем душа, освобожденная, воспарила, Мурат успел заме-

тить, что человек этот не зряч и что правое ухо у него надрезано сверху треугольником...»⁵.

Но драматизм этой сцены в другом. Пожалевший раненого Мурата оказался тем самым мальчиком, которому он сам когда-то нанес жестокую обиду, убив на его глазах его родителей в знак кровной мести. В тот день мальчик бесстрашно преградил путь убийце, пронзая его взглядом, и сказал ему, глядя в лицо, что отомстит за убийство родителей, если останется жив. В ответ Мурат выколол ребенку оба глаза и надрезал ухо со словами: «Поглядим, на что ты способен». А теперь злодей со смертельной раной, связанного и выкинутого на дорогу так же жестоко, как он сам поступал с другими, пожалел его лишь этот слепой юноша, в котором сочувствие взяло верх над чувством мести. Выходит, Тха (Бог) «показал, на что он способен...»⁶.

Лишь в последние мгновения своей жизни герой раскаялся в содеянном. Но через какие страдания он вынужден был пройти для этого: «... между тем, что было вчера, и тем, что есть сегодня, лежала огромная бездна, – грозная своей явью, – заглянул в нее, он ужаснулся: неужели он был там?! И какую великую силу имеет тогда это простое чувство – жалость, если подняла его отсюда!»⁷.

Роман Мухамеда Емкужева «Ночь Кадар, или Который справа», в сравнении с романом Хамиши Шекихачева «Мечь» более эмоционально насыщенный. Да, произведение изобилует непростыми событиями и описаниями насилия, и все же оно дает пищу для размышления, а главное, убеждает в несомненной ценности человеческой жизни. Роман написан на русском языке, но принадлежность автора к адыгскому этносу сквозит в каждой фразе, в его образе мысли и мировоззрении. М. Емкужев относится к числу лучших прозаиков, которым удалось вникнуть в самую сущность адыгства, в строй мысли и чувств адыга, в его радости и горести. Именно по этим параметрам мы выделяем этого автора в ряду других талантливых русскоязычных писателей, издавших свои произведения в указанный период (А. Пшигусов, А. Кушхаунов, В. Вороков, Дж. Кошубаев, М. Хакуашева, С. Алхасова и др.).

В основе романа Х. Шекихачева «Мечь» также лежат исторические веяния, донесенные до нас устным народным творчеством. Научные исследования историков говорят о том, что в средние века разграничение общества Кабарды по классовому

признаку соблюдалось как нигде строго. И все события, происходящие в романе Х. Шекихачева, привязаны к этим двум слоям – господ и рабов. По письменным сведениям путешественников и ученых, которые в прошлые века часто предпринимали поездки в Черкесию именно с исследовательскими целями, а также по сохранившимся архивным документам можно судить, какой неограниченной властью и почитанием пользовались князья и уорки. При этом на них в полной мере лежала и ответственность за безопасность, сохранность, благополучие своих подопечных. О таких благородных людях из высшего сословия народ слагал песни и легенды, которые дошли до наших дней. Но были и другие личности, чье злонаравие и корыстолюбие стали источниками бед и страданий для всего народа. Их имена также народ «увекочил» в образцах фольклора. Злодеяние одного из них – Дагужа Куйцукоко – и стало началом повествования в романе. В качестве отрезка времени автором выбран период, когда на смену главенству власти и силы стали приходить разум и знание, иными словами, когда феодальные отношения стали уходить в прошлое, уступая место новому веянию эпохи о необходимости объединения и создания единой государственности адыгов.

Объединению этноса сильно помешали такие негативные личности, как Куйцукоко. Сущность этого антигероя автор раскрывает в самом начале. «За эти пять слов – «адыги должны создать единую державу» – я загубил немало душ. Какая держава, какое государство? Кому это нужно? Голодранцам, бездельникам и трусам, вот кому! Да им не одно – сто государств создай, они такими же нищими останутся. И зачем мне эта путаница с общей державой? Место, где я живу – вот моя держава! От сих и до сих мое, и попробуй, тронь, враз руку отсеку. Не хочешь и голову сложить вслед за рукой – не привязывай своего козла к моему плетню!»⁸.

Этим узколобым господам невыносимо видеть рядом с собой людей с прогрессивными взглядами. Они всячески стараются унижить их, строят против них козни. Так рождается коллизия романа. Однако главная идея произведения строится на процессе зарождения борьбы за равенство людей, за свободу и человеческое достоинство трудового народа. Автору удалось донести ее до читателя умелым сочетанием художественных приемов с исторической достоверностью. Классовая борьба изображена в судьбах нескольких поколений родов. Прежде всего, это род

Ешаноко – дед Кубатий, его сын Атабий и внуки Озермес и Темиркан.

Для автора нет необходимости придумывать художественный конфликт, он пришел к нему в готовом виде из самого бытования адыгов. Тема неравенства, более того, культивирования этого неравенства, как необходимого условия существования общества, предстает перед читателем с первых страниц романа. Безнаказанно творящий зло, Куйцукоко Дагуж предпринимает всевозможные попытки унижить честного труженика и доброго человека Кубатия Ешаноко. «Уже не в первый раз это животное (хьэцхьэвыльэ) попрекает меня моим низким происхождением, – говорит Кубатий. – Ничего плохого я ему не сделал, не сказал, зачем он испытывает мое терпение? Два года тому назад он попытался унижить меня при людях, так мы едва за мечи не схватились. Если же попробует снова – тогда или я, или он...»⁹. А когда час расплаты все же наступил, благородство не позволило Кубатию убить поверженного врага, и тот отделался раной. Однако в душе его затаилась жажда мести. Кубатий умер, оставив сиротами двух сыновей, Атабия и тринадцатилетнего подростка Карашая.

Словно дождавшись долгожданной развязки, прибыл из Псижа (Кубани) в Джилыхстаней Куйцукоко, и провозгласил: «...Я пришел за своим кровным долгом. Кубатий Ешаноко унес его с собой в могилу»¹⁰. Подобно собаке, нападающей исподтишка, он нагрянул, схватил мальчика и ускакал. Позабыв о том, как его самого когда-то пожалели и оставили в живых, он безжалостно убил ребенка и скрылся. Поклявшись отомстить, в путь пускается теперь Атабий, и на этом пути ему выпадает немало испытаний.

Подобно М. Емкужеву, Шекихачев умело использует в романе прием «рассказ в рассказе». Внутри повествования как бы само собой нарождается новое повествование, и читатель по ходу узнает другие истории, как бы имеющие самостоятельное значение, на самом деле признанные сообщить нечто еще из жизни, обычаев, занимательных случаев. Писатель всякий раз стремится подчеркнуть, что мужество и человечность, отвага и сочувствие связаны неразрывно. Этот бесценный урок вынесен в конец романа «Ночь Кадар», а в романе Шекихачева он повторяется в каждом действии, больше всего – в образе Атабия и его

поступках, хотя и другие персонажи в какой-то мере являются носителями этой истины.

Если автор ставит своего героя перед испытанием мужества и характера, значит, есть и силы, противостоящие ему. Это носители зла, они безжалостны и коварны. Они начинают понимать, что их время уходит, на смену им идут новые люди, превосходящие их и силой, и умом, и высокой нравственностью. Будущее пугает их, и они всеми способами стараются отдалить его наступление. Пример подобного, крайне неприятного персонажа – Эльбаздуко Муртазов. Этот человек без чести и совести строит козни против Атабия и даже замышляет его убийство. Но Атабий одерживает верх, и свою победу знаменует отсечением уха у соперника. Жажда крови у Мартазова не проходит со смертью Атабия, до тех самых пор, пока не убиты его сыновья – Озермес и Темиркан. Сцена гибели братьев описана в романе крайне натуралистично. Преследователи заманивают их в открытое поле, чтобы они угодили в заранее вырытую яму, и жестоко расправляются с ними. Об этой трагедии в народе сложили песню, словами которой и заканчивается роман.

Бессмысленный в своей жестокости, работающий на самоуничтожение народа обычай кровной мести был болью в сердцах прогрессивных людей. Эту мысль писатель высказывает словами одного из героев: «Глядите, в кого превратились мы. Нет мира и покоя между нами: брат против брата, сын против отца... Тем временем пришлые грабят наши земли, угоняют наш скот. Нам бы сплотиться, как сыновьям одного отца, и стоять насмерть против врага, так нет же, сами себя истребляем. Кому на пользу то, что ведет к вырождению народа?»¹¹.

В этих словах – основная мысль и кредо самого автора: служить самосохранению народа, работать во благо его. В романе выписаны немало образов настоящих приверженцев ключевой идеи каждой нации – любви к родине и высокой нравственности. И автор не скрывает, что именно этим героям он наиболее симпатизирует. Х. Шекихачев наделяет самыми лучшими нравственными качествами семью Ешаноко, в ее старшем и младшем поколении. Наряду с непомерным бесстрашием, они в самых сложных жизненных ситуациях сохраняют достоинство, сердечную чистоту, человечность и истинное адыгство. Причина тому – умение ставить разум выше оружия. И истина эта проговари-

вается вслух одним из персонажей, другом Абатия – Айтеком: «Разве в оружии дело? У того, в ком было столько мужества и воспитания, должно быть столько же красивых помыслов. Трагично, что некому было передать их... Что ни говори, от жизни не приходится ждать подарка в виде сочувствия. Как ты сам к жизни, так и она к тебе. С ней не сразишься мечом, силой не переборешь... И то, если всякий захочет добыть свое счастье мечом, что тогда станется?.. Я так думаю, человек должен поменьше размахивать клинком. Пусть пашет, сеет, детей растит. Гораздо важнее то, что продвинет нашу жизнь вперед, улучшит ее»¹². Как видим, в «Мести» Х. Шекихачева выводится та же основная мысль о высших человеческих ценностях, что и в романах исследуемого периода – «Ночь Кадар» М. Емкужева, «Медвежьи когти» С. Мафедзева, «Песнь водопада» А. Туаршева, «Прощающие да простят» В. Ворокова.

Художественными методами писатель доносит до нашего сознания не что иное, как философию жизни. Посвятив себя журналистике, он, однако, не привносит публицистичность в свои художественные произведения, что часто случается с представителями этой профессии. Предназначение его персонажей – представлять позицию самого автора. Таким образом, он всесторонне расшифровывает чаяния народа, пронесенные им сквозь века, но так и не осуществившиеся. Главное, в ряду несбывшихся надежд, – объединение этноса. Далек простираются мечты и устремления любимых героев Х. Шекихачева. Атабий рассуждает о судьбах и делах известных людей, посвятивших свою жизнь делу объединения адыгских племен, и о причинах, помешавших этому. Герой вспоминает часто повторяемые в народе слова: «Да вернет нам Всевышний времена Инала» – о легендарном князе Инале Светлом, который превыше собственной жизни ставил благо народа и тем самым сохранил родную землю. Другой герой из этой плеяды – «князь князей» Асланбек Кетуко. Мудр был... сколько раз исходил он всю Черкессию вдоль и поперек, все с людьми говорил, увещевал, чтоб не пекся каждый о своем благе, а думал о целостности родной земли. Далек он глядел, но что же делать, если один видит мир от края до края, а другой – не дальше своего плетня. «Настанет день, – говорил князь, – когда адыги спохватятся, вспомнят науку Инала и равных им князей, но не поздно ли будет? Близок локоть, а попро-

буй достать! Боже, не дай нам такого дня, когда мы будем кусать локти!»¹³. К таким истинам автор подводит читателя, призывая держать при себе уроки прошлого, как кусок хлеба в дорогу.

Еще одна несомненная ценность романа «Мечь» – просветительская. Умелое воссоздание картин жизни адыгов в средние века, со всеми атрибутами труда и быта, особенностями домашней обстановки, традициями и речевыми оборотами. Читателя не могут не заинтересовать красочные описания событий, где зримо ощущается дух народа с его фольклором, обычаями, зажигательными танцами и игрищами. Так, запоминаются эпизоды, посвященные адыгскому панцирному воину и его коню (адыгэллымрэ адыгэшымрэ), обряду отвлечения больного (щЭпщаклуэ), старинному свадебному обряду (нысашэ), уникальные хохи-здравицы, иносказания и многое другое. Автору удалось не просто вставить эти картины в текст в виде аппликаций, а гармонично вплести их в повествование.

Отдельно стоит отметить авторский подход к описываемым событиям. Он не просто берет их из жизни, а увязывает сюжеты из далекого прошлого с сегодняшним днем, делает свои сравнения и преподносит читателю в виде готового урока, из которого, однако, каждому надлежит сделать свои выводы. Мысли современника прочными корнями связаны с жизненным путем этноса. Все эти особенности усиливают значимость произведения и дают ему право считаться весомым вкладом в национальную прозу.

Как видим, и Х. Шекихачев, и М. Емкужев смело осваивают новые подходы к старым проблемам. На примерах горьких уроков прошлого каждый из них старается своими методами раскрыть и дать ответ на сложнейшие вопросы, стоящие сегодня – в эпоху дефицита понимания, сострадания и прощения – перед человечеством. Эти романы стали началом освобождения кабардино-черкесской прозы от идеологических догм и построенных на них конфликтов – она поворачивается к общечеловеческим, жизненным темам. Наметился явный уход от формализма. Литература повернулась лицом к реальной жизни адыга, к его внутренним переживаниям, духовной жизни. Многообразнее стали художественные приемы, используемые нашими писателями, особенно в романтической и лирической прозе, такой как романы «Мечь» и «Ночь Кадар». Голос автора в произведении

ях приобрел твердость, самостоятельное звучание. Он все чаще слышится в диалогах персонажей, в лирических отступлениях, порой даже сводится к нравоучениям. Образы героев и окружающий их мир не страдают недосказанностью, они стали более открыты для читателя, и это – главная особенность национальной прозы 90-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Журтов Б. Смерч (Гъуэжькуий). Нальчик, 1998. С. 6.
2. Шекихачев Х. Месть (ЛъыщӀэж). Нальчик, 1993.
3. Емкужев М. Ночь Кадар, или Который справа. Москва, 2009.
4. Там же. С. 47.
5. Там же. С. 180.
6. Там же. С. 161.
7. Там же. С. 180.
8. Шекихачев Х. Месть. Нальчик, 1993. С. 42.
9. Там же. С. 46.
10. Там же. С. 48.
11. Там же. С. 184.
12. Там же. С. 186.
13. Там же. С. 109.

H.T. Timizhev, D.A. Maremukova

FORMS OF INTERPRETATION OF FOLK MOTIFS IN MODERN ADYGIAN PROSE

*(on an example of psychological novels
of M. Emkuzhev and H. Shekihachev)*

In this article, we aim: to identify the features of the development of the novel in the post-soviet period of works of two different authors, using historical and comparative analysis in the context of the literary process as a whole.

Keywords: folklore traditions, enlightenment, modern romance philology, poetics, genre, literary process, the prose, the conflict, psychology.

БакIуу Хъ.И.

АЦКЪАН РУСЛАН И СОНЕТХЭР

Статья посвящена проблеме становления жанра сонета в адыгской поэзии. В ней выявляются художественные особенности «итальянских» и «английских» сонетов одного из известных кабардинских поэтов Руслана Ацканова.

Ключевые слова: сонет, венок сонетов, поэтика, тема, строфа, рифма, лирика, диалектика, проблема, жанр.

Сонет жанрым щыпIэ хэха щеубыд адыгэ литературэм. Нобэ ар зэрыт щытыкIэр къэтхутэн ипэ кыхуэу тфIэйгыуэщ нэх гугъу дыдэу ябж мы жанрыр ди литературэм кызырыхы-хьам теухуауэ псалгэ зыбжанэ жытIэмэ. Сонетым теухуауэ адыгэ литературэджхэм ятхар мащIэ дыдэщ [1].

«Сонет» псалгэм итальянхэм я бзэкIэ «уэрэд цIыкIу» жиIэу аращ. Мы жанрыр XII лIэщIыгъуэм щыщIэдзауэ кыццаггэсэ-бэпыр литературэм, и кьежьапIэр Италиерщ. Япэу абы зезып-щытар усакIуэ Джакомо де Лентинощ, ауэ литературэм убгъуауэ хзыгыгъхар Ф. Петраркэщ (сонет 317-рэ кыщIэнащ). Сонет ятхыу щытащ Микеланджело, Дж. Бруно, Т. Тассо. ИужькIэ сонетыр яльбIэсыр Испанием, Португалием (XVI лI.), Франджым, Германием, Инджылызым (XII лI.), Урысейм (XVIII лI., В. Тредиаковскэр, А. Сумароковыр, н.). Зы зэман дэхуэхыу щIидзами, XIX лIэщIыгъуэм жанрыр нэх кьаггэсэбэп мэхъужыр (В. Брюсов, Вяч. Иванов, иужькIэ И. Сельвинский). Уеблэмэ Сельвинскэм «сонет Iэрамэ» лIэужьыгъуэр кыггэIурыщIэн лъэкIащ. ЦIэрыIуэ хъуауэ щытащ В. Шекспир, И. Бехер сымэ я сонетхэр.

Сонет жанрыр усэ сатыр пщыкIуплI мэхъур. Ар рифмэ ухуэкIэм елытауэ лIэужьыгъуэ зыбжанэу зэщхэщокI. Саты-

рым хэт стопахэм я кЫыхагъри щызэхуэмыдэ щыІэщ. Сонетыр лирикэм и жанру кьалыгтэ. ЗыкъомкІэ (сатыр бжыгъэкІэ) сонетым ещхьщ «онегин строфа» фІэщыгъэцІэ зыгъуэта А.С. Пушкин кьигупсыса строфа сатыр пщыкІуплІ хьур. «Евгений Онегин» романыр апхуэдэ бзыпхъэм тету тхащ. Строфа къэскІэ усакуэм кьыгъэсэбэпа рифмэ ухуэкІэри зэхуэдэщ. Сатыр пщыкІуплІыр зэхэтщ Іыхъэ плырыплІу щырэ иужьрей сатыритІ зэпхамрэу. Рифмэхэри зэкІэлъыхьащ зэблэдзарэ, тІурытІ-тІурытІрэ, къэ-зухъуреихьрэ, иужьрей зэгугъу уситІу. Зэратх графикэм тетмэ, мыпхуэдэщ: абаб+ввгг+деед+жж.

А.С. Пушкиным хузэфІэкІащ сонетым ещхьу эпосым и жанр лІэужьыгъуэ кьыгъэщІын. Ауэ ар сонетым пэувыркъым, икІи мы жанрым зыщииубгъуакъым урыс литературэм (абы ещхь иужькІэ зытхыфар М. Лермонтов, Е. Баратынский, И. Тургенев сымэщ). Апхуэдэу щытми, А.С. Пушкиным усэ гъэпсыкІэм хэлъхъэныгъэ хуищІащ, «урис гъащІэм и щІэнгъуазэ» зыфІаща романыр игъэпсащ еджэгъуафІэу щыт фащэ щІэщыгъуэкІэ.

Сонетыр хабжэ «бзыпхъэ быдэ» («твердые формы») зиІэ усэ жанр лІэужьыгъуэхэм. Мыр хабзэ хэхам тетын хуейщ. Адыгэ литературэм сонетыр кьызэрыхьхар зи фІыщІэр урыс поэзиерщ (езы урыс литературэм кьыздыхьхар итальянхэм, франджыхэм, инджылызхэм я литературэрщ). Урыс литературэм сонетым зыщииубгъуащ ХХ лІэщыгъуэм (Бальмонт, Бунин, Брюсов, Иванов, Волошин) [2].

Европэм кьикІри урыс литературэм кьыхыхьащ «сонет Іэрамэ» («веночек сонетов») жанр гугъу дыдэр. Урыс поэзием кьыхэкІри ар иужьыгъуэкІэ «къэлэпхуащ» адыгэ литературэми.

Сонетыр лІэужьыгъуитІу ягуэш: итальян сонетрэ инджылыз сонету. Мыхэр я пкыгъуэкІэ, строфа зэхэгъэувэкІэкІэ зэщхьэщокІыр. Итальян сонетыр зэхэтщ катрену (сатыриплІ хьу строфауэ) тІурэ, терцету (сатырищ хьу строфауэ) тІурэ зэкІэлъыкІуэу. Инджылыз сонетри сатыр пщыкІуплІщ зэрыхьур, ауэ мыбы и зэхэтыкІэр нэгъуэщІщ: катренищыр сатыритІ хьу строфакІэ иухуу. ЕтІуанэм и ухуэкІэр нэхъ тегъэпсыхьащ гупсысэр кьызэщІэзыкъуэж строфахэм. Апхуэдэ хьэл яІэщ, псалъэм папщІэ, пригчэм, басняхэм.

Сонетым и дежкІэ мыхьэнэщхуэ иІэщ рифмэхэм я кьэгъэсэбэпыкІэми. Рифмэхэр сатырым и кІэух зэпхам елыгтауэ сонетхэр илъэс куэдкІэ лІэужьыгъуитІу ягуэшащ.

1) Япэрейм, «итальян сонет» зыфлащам, мыпхуэдэ рифмэ ухуэкIэ иIэт: катренхэм деж: абаб – абаб е абба – абба; терцетхэм: сде – еде;

2) «франджы сонетым» и рифмэхэр: абба – абба, ссд – еед, е ссд – еде.

Мыпхуэдэ рифмэ ухуэкIэр литературэм щытепщэу щытащ лIэщIыгъуэ зыбжанэкIэ.

УсакIуэхэр ухуэкIэм щебакъуэхэри мащIэтэкъым, абыхэм рифмэм имызакъуэу, сатыр лей щыщIагъуи къэхурт, рифмэр къызымыдзи къахэкIырт. ИужылуэкIэ, Шекспир ижъ къыщIихуауэ, литературэм къыхыхьащ «инджылыз сонет» лIэужыгъуэр. Мыбы и рифмэ ухуэкIэри нэгъуэщIт: абаб – сдсд – ефеф – жж, строфа къыщагъэсэбэпри нэгъуэщIт – катрену (сатырищIа строфауэ) щырэ, кIэх усэ сатыритIрэ.

Адыгэ усыгъэм укIуэщIрыплъмэ, гу лъумытэнкIэ Iэмал иIэкъым ди усакIуэхэм «инджылыз сонетыр» нэхьыбэу къызэрагъэсэбэным. Къэбэрдей, шэрджэс, адыгей усакIуэхэм къахэкIащ сонетри, сонет Iэрамэри къэзыгъэлурыщIахэр. КъыжыIэпхьэщ абыхэм, литературэм и лъабжъэр зыгъэтIыла усакIуэ нэхьыжъхэм я цIэхэр (ПащIэ Бэчмырзэ, ЩоджэнцIыкIу Алий, КIыщокъуэ Алим, Гъуэщокъуэ Хъусин, Уэхьутэ Абдулхь, Андырхъуей Хъусен, Цей Ибрэхим, Цыгу Теувэж сымэ) зэрахэмытыр. Мыбы и цхъэусыгъуэр хуэбгъакIуэ хъунуц зы Iуэхугъуэм: а зэманым усэ тхыкIэм и Iэмал куэдэр нэгъэсауэ усакIуэ нэхьыжъхэм къагъэлурыщIэну зэфIэкI зэрамыIам. Къызэрыхэдгъэщаци, сонетыр лъэпкъ литературэ зызыужьахэми нэхъ гувауэщ къызэрыхыхьар. Урыс поэзиemi ар XVIII лIэщIыгъуэрщ къыщицтар. Урыс литературэм а жанрыр къигъэсэбэп щыхъуар XX лIэщIыгъуэм и еIуанэ Iыхьэрщ.

Сонет жанрым адыгэ литературэм зыщиужьыным хэльхьэныгъэ цхъэпэ хуащIахэщ ЩоджэнцIыкIу Iэдэм, Жылэтеж Сэлэдин, КIэщт Мухъэз, Мысачэ Петр, Сокъур Мусэрбий, Балъкъэр Фоусэт, IутIыж Борис, Уэрзэей Афлик, КIэмыргъуей Толэ, Ацкьан Руслан, Абазокъуэ Къантемыр (псори къэбэрдей усакIуэхэщ), Бемырзэ Мухъэдин (шэрджэс усакIуэщ), Бэрэтэрэ Хьэмид, Къуиикъуэ Налбий (адыгей усакIуэхэщ). КъедбжэкIахэм яхэтц «сонет Iэрамэ» жанр нэхъ гутъу дыдэхэм хабжэр къэзыгъэлурыщIа зыбжани (Бемырзэ Мухъэдин, Жылэтеж Сэлэдин, Уэрзэей Афлик, нэгъуэщIхэри).

Адыгэ литературэ щІэныгъэм «венок сонетов» жыхуиІэр хыхъащ «сонет Іэрамэ» фІэщыгъэцІэмкІэ. Ар эпитет дахэщ, зэхъуэкІыни хуеуэ кыщІэкІынкъым, ауэ сонетым и пкыгыуэр Іэрамэу зэхэлъ къудейкъым, атІэ строфахэри, усэ сатырхэри, рифмэхэри зэхэхуэнауэ зэдолажьэ. Урысым къащта терминыр нэхъ тэмэму тохуэ мы жанрым и зэхэлъыкІэм. Сонет Іэрамэр сатыр пщыкІуплІу зэхэлъ сонетурэ пщыкІутху мэхъур. Мыбы егъуэт цикл мыхъэнэ. Нэхъ гъэщІэгъуэну, уебакъуэ мыхъуну хэлъ хабзэхэм ящыщ зыщ кыкІэлъыкІуэ сонетыр ипэ итыр зэриуха сатырымкІэ кызыэрыщІидзэр. Сонет пщыкІуплІыр зэриух икІэ дыдэ сатырхэр зэкІэлъыхъауэ хоувэ епщыкІутхуанэ сонетым. Апхуэдэу зэхэхуэна мэхъу сонет Іэрамэр. КІэух дыдэ сонетым «магистральнэ» мыхъэнэ ират. Сонет къэс гупсысэ щхъэхуэ иІэми, а псори кыщызэщІэкъуэжащ кІэух сонетым. Дауи, тыншкъым сатыр 210-рэ хъу усэр хабзэ хэхам тету къэбгъэщІыныр, абы и жыпхъэми, и рифмэ гъэпсыкІэми къалэн къагъэувхэр бгъэзэщІэну. Соент Іэрамэр литературэм кыщыхыхъар гъуазджэм и унэтІыныгъэ «бароккор» тепщэу цыщыта лъэхъэнэрщ (XVI–XVIII лІэщІыгъуэхэр). А зэманым дунейпсо щэнхабзэм фІуэу зиужъауэ къалъытэ. Адыгэ усыгъэм и «барокко» хъуар лІэщІыгъуэ блэкІам и еІуанэ Іыхъэрщ, сонетым и зыужыкІэм еплъытмэ.

Къэбэрдей-щэрджэс усакІуэхэм сонет нэхъыбэ дыдэ зытхар Ацкъан Русланщ (1949 гъ.). Руслан 70 гъэхэм ди литературэм кыыхыхъа усакІуэ пажэхэм хабжэ (и япэ усэ тхыль «Пшэ хужьхэр» 1972 гъэм кыдэкІащ, нобэ КъБР-м и Къэрал саугъэтыр зыхуагъэфэща усакІуэщ). Ацкъаным усэ тхыль 14 кыщыдигъэкІащ Налшык, Мэзкуу. Сонет куэд зэхуэхъэсауэ итщ Ацкъан Руслан и тхыльхэм: «ЩхъэегъэзыпІэ» (2003, усэхэр, сонетхэр – сонетхэр 77 мэхъу); «Къэгъэзэжыгъуэ» (2009, усэ тхыль), «Сонетхэр» (2010). Иужьрей тхыльым итыр псори сонетхэщ. (Сонетхэр щызэхуэхъэсауэ тхыль щхъэхуэ зиІэхэр Ацкъан Русланрэ, адыгей усакІуэ Бэрэтэрэ Хъэмидрэщ).

Ацкъан Руслан и сонетхэр я темэки, ухуэкІэки, фащэки зэмыфэгъухэщ. Андрей адыгэ усакІуэхэм я нэхъыбэм къагъэсэбэп «инджылыз сонет» фащэр куэду хэтщ абы и поэзием, ауэ «итальян сонет» ухуэкІэри ІэщІыб ищІакъым Ацкъаным. Иужьрейм и бжыгъэр мащІэми «инджылыз сонетхэм» елгытауэ, ахэм хигъэхъуащ 1990 гъэхэм щыщІэдзауэ дызэрыт зэманым нэсыху.

2003 гъэм кыдыгъэкIа «ЩхъегъэзыпIэ» усэ тхылъым «итальян сонету» тIу итщ («А си пщIыхъэпIэр нэгъуэщI гъащIэт...», «ТхъэмышкIэщ хэтми мылкъум дихъэхар»), кыкIэлъыкIуэ тхылъ «Къэгъэзэжыгъуэм» ихуащ сонетитху. Тхылъ щхъэхуэ «Сонетхэр зыфIищам (2010 гъ.) «итальян сонету» блы итщ. Мы фащэм Ацкъаным и творчествэм зыщичужьми, абы и сонетхэм я нэхьыбапIэр «инджылыз ухуэкIэрщ» зэрытхар. Руслан сонетищэм щигъу и Гэдаккъэ кыщIэкIащ, абы щыцу итальян «цей» зыщыгъыр блы къудейщ, адрейхэр «инджылыз» жыпхъэм игъэуващ.

Сонетыр лирикэ пкъыгъуэм хабжэ, ар зытепсэлъыхъ, кызэкIуэцIих темэкIэ бгуэш хъунуц пейзажым, жылагъуэм («граждан лирикэ» жыхуаIэрщ), философием, хэкум теухуахуэ. Ацкъаным и сонет куэдым лъабжъэ хуэхъуащ адыгэ псэукIэм, цIыхугъэм, адыгагъэм, нэмысым хуэгъэза гупсысэхэр. УрохъэлIэ цIыхум я хъэл мыхъумыщIэхэр сэтей къэзыщI сонетхэми.

Апхуэдэщ, псалъэм папщIэ Ацкъаным зыкъомкIэ узэлэ-бэкIыжмэ итха сонет «ТхъэмышкIэщ хэтми мылкъум дихъэхар» жыхуиIэр. Мыр и зэхэлъыкIэкIэ «итальян» сонетщ, катрену тIурэ, терцету тIурэ зэпхащ. УсакIуэм къелъытэр нэпсеиныр хущхъуэ зыпэмылъэщ узу. Абы цIыхухэр зэрегъэукIыр мылкъу нэпцIым щхъэкIэ, «ящыгъупщауэ Тхъэм кыщIигъэщIар». Сонетым и мыхабзэу, икIэ сатырищым деж парадокс Iэмалыр къегъэсэбэпри усакIуэм апхуэдэ цIыхур ауан ещIыр:

«СылIарэ жылэр пщIантIэм кыдыхъам,
Нэхъыбэм ялъагъунут си псэукIэр», –
IэщIокI гупсысэ мылкъум дихъэхам. [3:132]

ИщхъэкIэ зэрыжытIащи, «инджылыз сонетыр» иух хабзэщ гупсысэ нэхъыщхъэр кызэщIэзыкъуэж сатыриткIэ, апхуэдэ Iэмалым «резюмекIэ» йоджэ. Ацкъан Руслан и япэрей сонетхэм щыщIэдзауэ ар къегъэсэбэп философиие зыщIэлъ гупсысэхэр сонетым и «пэщIэуантIэ» ищIыжурэ. Къэтхъынщ «ЩхъегъэзыпIэ» тхылъым ит цапхъэ зыбжанэ: «ЗэрыжаIащи – дунеижьыр хъэхуц. Нэхъ инщ птелъ щIыхуэр, нэхъ куэд къэбгъэщIэху» [н. 163], «И пэжыр зыщIэ щымыIэн. Тэлай къэсыху езым и пэж иIэжщ. [н. 161], «Дунейр зы гъуэмбщи, гъуэмбри зы дунейщ. А тIум нэхъ хуитыр зыщIэ гъуэтыгъуейщ [н. 152]. «IэпапIэ хуэлъэу щылъгъщ мы дунеижьыр. Ар щомэхъашэ

Къыхэпс цхъуантлагъэм сыдихъэхыу
Зыхузогъэщхъри – сыщлогъуэжыр.

Псыр «и цхъэм хуэпсалъэу» йожэхыр (зэгъэпщэныгъэ хълэмэтщ), мыл гъуанэм и дамэдазэм дэплъым «дунейр езым ей къыщохъужыр». Цыхур куэд хуейкъым езым и мыхъэнэм егупсысыжын папщлэ. Сонетыр зэриух сатыритлым ар дыдэщ къыкыр: «Уи лъэклым пфлэщми дунейр зэлыщцысу, зытлэклуц къозыгъэщлэжыр узищцысыр». Мыр философии зыщлэл гупсысэщ, куэдым уи гур зыгъажэщ.

Зы мащлэ дыдэклэ, деталь цыккылэ гупсысэ куум ухуэзышэ сонет и мащлэкъым Ацкъаным. Къэтщтэнщ абыхэм щыщ зы – «Сэ пхуэсщлэфыну мащлэщ, икьуклэ мащлэщ». Сонетыр къызэлъух мы строфам:

Сэ пхуэсщлэфыну мащлэщ, икьуклэ мащлэщ,
Сыббгъэдэтынщ псэ къабзэклэ – ар сыт.
Псэр хиутэжу зеклуэ хуащи гъащлэр,
Си гусэу жыжэ унимыгъэсын. [4:90]

«Псэр щыхаутэж зэманыр» – ар дызытетхыхъ иужьрей илъэхсэр – а псалытл-щым къегъэлъагъуэ ди лъэхъэнэ зэхэтхуар, «Псэ къабзэклэ цыхум убгъэдэтынми къаруушхуэ зэрымлэжыр, ариклэщцукъелуатэрусаклуэм – «арсыт», «сигъусэу жыжэ унимыгъэсын». Адэкли усакуэм къелуатэ нэгъуэщцым (ар гупщлкъым: и ныбжьэгъу, фыуэ илъагъу?) хуищлэфыну мащлэ дыдэхэр: «Сэ пхуэсщлэфыну зыриклщ, ауэ игъуэщ, ущыщилъафэм узэпхуээн зы шхийщ. Пхуэслуэтэфынуц зы хыбар щлэщыгъуэ, ущлригъэгъуэжу, ущиклыным хыйм». Ещанэ строфам деж абы къыдыщлэгур: «Зы пхуэзмыщлэфу щытми – услъагъунщ». Строфаищым я къыщлэдзаплэ сатырым рефрену къытрегъазэ. «Сэ пхуэсщлэфыну мащлэщ, икьуклэ мащлэщ», абыклэ усэм еджэр «хуегъэхъзыр» а мащлэр ин зэрыхуну иклэм жилену гупсысэ парадокс лэмалыр зыхэлъыр, узэмыжъэр:

Икла фочышэр, гъущыр зэпхигъэзу,
Къыгъэувылэнклэ мэхур тхылымплэпсым.

Литературэм ущиен гъуцэр и къалэнкъым, ар совет зэманым фабгъуэу хэтами абы, ауэ цыху гъэсэныр лэщцыб

ищкьым литературэм. Усаклуэхэм я Іэщэр образкІэ цыхум кыгурыгъэуэнырщ дахэр, Іейр, фыр, цыхур зыгъэпІейтейр, зыгъэгузавэр, зыгъэгуфІэр, и псэр зыгъатхъэр н.кь. ГъащІэм и пэжыр, ар зэрыпхъашэр, зэзэмызи зэрыгущІэгъуншэр кызыгурымылуэхэм яхуэгъэзащ Ацкъаным и кыкІэлъыкІуэ сонетыр: «УфІэщІыгъуафІэу уи нэм кысхуауатэ...».

Усаклуэм ди пашхъэм кърегъэувэ цыху хъэрэмыгъэншэм и образыр, абы и нэм «кьощыр щыуагъэу кыпэщылъхэр», «и нэгум хъндырабгъуэ щызолъатэ», а псори кыпфІощІыр кІэлъызелъатэу, абы дежкІэ «вагъуэр щыфІэдзащ бжыхъ кІапэм», «дыгъэр кхъужьей щхъэкІэм фІэсщ». Апхуэдэ цыху хъэлэлым, гу зэлухам чэнджэщ папщІэу жреІэ авторым:

Си гъащІэр стынц уэр щхъэкІэ кыбжезыІэр,
ЩІэфыгъуэжынкІэ мэхуэ зы махуэ псыІэм.

Адыгэ Іуэрыуатэм хэтщ къебжэкІ хуэдэу гъэпса хыбар хъэлэмэт. Ар теухуащ дунейм деж хэт нэхъ лъэщ, хэт щытепщэр: дыгъэр, пшэр, мазэр, жыбгъэр н.кь. Ар и тегъэщІапІэу философии гупсысэ дахэ зыхэль сонет кыгъэщІащ Ацкъан Руслан:

ЗриущІыжу зыгуэр уафэм щофэ,
ИрикІутащ аргуэру шагъыр пльыжыр.
Гу жан ищІащ мэ гуакІуэм дунеижыр,
Акъужь Іущабэм губгъуэ псор кыдофэ.

Іуэрыуатэм деж дунейм и къэхъукъащІэхэр къару закъуэкІэ зэпеуэмэ, Ацкъаным и сонетым а къарухэм дунейр дахэ щІынкІэ, егъэфІэкІуэнкІэ щызэпоуэр: акъужыр Іущабэщ, дыгъэ гумызагъэм (эпитет щІэщыгъуэщ!) уэгу лъащІэм къримынэ бжыгъэ закъуэ, ауэ «дыгъэри щтапІэ» изыгъэхъэж къарууи щыІэщ. Сонетыр еух упщІэкІэ:

Щытепщэр хэт атІэ мы дунеижыым?
Хъун дыщІэупщІэ? Е нэхъыфІ дымыщІэм?

Жэуап щыІэкъым, ар кыхуонэр тхылъеджэм.

Ацкъан Руслан и сонетхэр темэкІэ зэхэбдзу щІэбдзэмэ, гу лъумытэнкІэ Іэмал иІэкъым абы лъэпкъым, хэкум, цыхугъэм теухуа лирикэр зэребэкІыр. МащІэкъым философии гупсысэ

зыщлэль сонетхэри. Лъагъуныгъэ лирики хэтщ къищтэ темэхэм, ауэ ар мащлэщ. Абы ящыщ зыщ мыр – «Аргуэру гъэрэ щырэ зэхэклащ». Лъагъуныгъэр зищлысыр цыху псоми къазэрыгурыуэр зэтехуэркъым, зы усаклуи щылэкъым а гурыщлэ дахэр и клэм нэс къиуэтэфуэ, ауэ дэтхэнэ зыри блэкыфырккъым а темэм. Ацкъаным къыгуэтащ езым и еплъыклэ:

Аргуэру гъэрэ щырэ зэхэклащ,
Сыкыгъэпщлаклэщ сэри лъагъуныгъэм.
Сфлэщлат къыптесэм хуабэ зэфлэкла,
Щлэрэщлэжыным щхьэклэ гъащлэ ныкхуэр. [5:47]

Лъагъуныгъэр хуабэ къудейкъым зыхуейр, «Ялъагъумэ хуабэ, жыгхэри къотлэп!». Аргуэру гъэрэ щырэ зэхэклащ, ауэ лирическэ лыхъужьыр аргуэру «пыклащ и гухэлъым» щыщ зым. Ипэ сатыритлым лъагъуныгъэр елэтыр, езым къызэремыхуэлэм щхьэклэ къэмынэу: «Итлани гъащлэ хъужыр лъагъуныгъэрщ. Аращи мафлэр – адреи псори Iугъуэщ». Дахэу, гукбинэжу жи-лащ усаклуэм. Ацкъан Руслан 2010 гъэм къыдигъэкла «Сонетхэр» усэ тхылъым и пэублэ псалъэм деж щлэныгъэл Гъут Iэдэм тэмэму гу лытащ усаклуэр «сыт хуэдэ темэ къыхимыхами, сонетым и хабзэ тклийм хухэха зы композицэм» зэрытетым, «гупсысэм и нэхъ курыхыр усэм и клэхым зэрихъым», ахэр «псалъэжыным хуэдэу жылэгъуэ шэрыуэ» зэрыхъум. Iэдэм жиIар щапхъэхэмклэ щлэгъэбыдэж. Дэри абы дэщлэдыгъунщ Руслан нэхъ пасэу итха сонетхэм къыхэтха щапхъэ зыбжанэ:

...IэпапIэ хуэлгъэу щылыщ мы дунеижьыр.
ар щомэхашэр япэ къэс лгъужьым.

...Лэныгъэр зэуэ къытхуигъаклуэ щхьэклэ,
Къольгадэ абы япэ лгъуэ Iэджэ.

...Ищлэркъым дунейр зыкьутэ жьапщэм
цыхум игу илэ мафлэм зэрыщлэпщэр.

...Уэспс тклуэпсу илыщ насыпыр гущлэм,
уи гур нэхъ пщтырыху – мэгуыщ нэхъ псынщлэу.
...Къыппэдэжжынкъым уеblэм джэрпэдэжжыр,
Мэз Iув е кьурш имылуэ щыхъэт пэжу.

Мы щапхъэхэр къытхаш Ацкъаным 2003-м къыдигъэкла тхылъым, апхуэдэ куэд къыхэпхыфынуыщ къыклэлыклуа Руслан и Iэдакъэщлэкхэм. Ар щыхъэт тохуэу усаклуэм и Iэзагъэм

хигъахъуэ зэпытурэ сонет жанрым зэрелэжым. Иужьрей тхылъ цхъэхуэ «Сонетхэр» жыхуиIэм сонетым и ухуэIитIри кыщегъэсэбэп усаIуэм. Абы щынэхъыбэщ философии гупсысэIэ гъэнцIа сонетхэр. Мы тхылъым итщ сонетищэ, ахэр номер зырызкIэ кыщыгъэлъэгъуащ. (Дызытепсэлъыхъ сонетым и номерыр тегъэщIаIэ тцIынщ дэри). Сонетищэм щыщу дунейпсо литературэм классикэ цыхъуа фащэIэ тхащ мыхэр: «Зы гугъэ хъэнцэгъуащэу кызошэI» [33], «А си пщIыхъэпIэр нэгъуэщI гъащIэт» [43], «ТхэмыщкIэщ хэтми мылькум дихъэхар [48], «Си гъащIэм щыхэссат зы гухэлъ жыг» [79], «Зы мащIэщ лажъэхэр зэрыхъур» [80], «ИтIанэ сыкъокIуэж си псэупIэжым» [84], «Тестхат гурыщIэр нэIэ псыежэхым» [88], «Сымужэгъуа иджыри дунейжыыр» [93], «Аргуэру псэм къэкIуэнур зыхищIащ» [94]. ЗэрытIагъуащ сонетибгъур нэхъ фащэ гугъумкIэ тхащ (Ар щыхъэт тохъуэ Ацкъаныр мыбы зэрыхуэлэижым), адрей бгъуащIрэ зыр тетщ къэбэрдэи-шэрджэс усаIуэм я нэхъыбэр «зэсэжа» «инджылыз сонетым».

Инджылыз сонетыр и техникэIэ нэхъ тхыгъуафIэщ. Ар и зы цхъэусыгъуэу кыщIэкIынщ адыгэ поэзием нэхъыбэу кы-зэрыщагъэсэбэпым, ауэ нэгъуэщI цхъэусыгъуэ гуэри хэлъу кыщIэкIынщ мы Iуэхум. Адыгэ усаIуэхэм усэ зэратх техникэм хуэлэзэ я мащIэкым, абыхэм яхэтщ сонет зымытхыхахэри. Псалъэм папщIэ, КIыщокъуэ Алим, иIэкым сонет. Сонет итхыркым Бецтокъуэ Хъэбас (фIэщцIыгъуейт Хъэбас ар хузэфIэмыкIыну). УсаIуэр зэхэбгъэж хъуну кыщIэкIынукуым сонет зыхуэтхрэ зыхуэмытхрэкIэ. Сонет зымытхым и усыгъэхэр нэмысауэ е и Iэзагъыр нэхъ лъахъшэу аракым. Зэрытхэну жанрыр дэтхэнэ тхаIуэми кыхыхыжыр зэрыхуейуэ. Сонет, сонет Iэрамэ зыгххэми я фIыщIэр гъэкIуэдын хуейкым. А жанр гугъум усаIуэм и щIэныгъэр къелэт, и Iэзагъэм хегъахъуэ. «Инджылыз сонетыр» ди поэзием щытепщэ щIэхуам и зы цхъэусыгъуэщ адыгэ IуэрыIуатэми, литературэми «псалъэж гупсысэIэ», «псалъэ шэрыуэ жыIэкIэ» и мыхамэу зэрыщытар. Новеллэхэм, басняхэм, притчэхэм и кIэм ущыхуозэр узэмыжъэ Iуэху, кызыэщIэзыкъуэж гупсысэ псалъэжым, псалъэ шэрыуэм ещхъ. Ацкъан Руслан и «инджылыз сонетхэри» а хабзэм пэгъунэгъуащ.

Ацкъан Руслан и мащIэкым и къуажэм, хэкум теухуа усэхэр, сонетхэр. УсаIуэ къэс емыгупсысынкIэ Iэмал иIэкым

и гьащлэр зытригэклуадэм, и лъэужь кьигъанэм. А темэмклэ кьыщледзэ мы сонетыр:

Псыкъуий кьыщистлыкынынур кьэзгьуэтащ,
зэман кьысхуэнэжарэт ар кьэстлыну.
Си гьащлэр луэху жьгьейм тезгьэклуэдащ,
си гугьэурэ нэхьыщхьэр кьызатыну.

Псыкъуийм и образыр гьэщлэгьуэну зэпкърехыр усаклуэм, кьыкълэлыклуэ строфам кьелуатэ усаклуэм и кьалэн нэхьыщхьэр зэпха луэхугьуэ гьуээзджэ: «Нэхьыщхьэр уилэжынырт уи псыкъуий, гур игьэтлысрэ уи сурэтри кьишу». Мы псалгьэхам гупсысэ зыбжанэ щызэхэхуэнащ: «Уигу игьэтлысрэ» – ар гурылуэгьуэщ. Цыху кьэс езым и псы кьабзэ, и гурыщлэ кьызыхихын псынащхэ илэн хуейщ, псыр кьиурэ псы ежэхым уефэ мыхьумэ, «И кьуажэ кыхьым щыщу псы хуэлэ псори псыкъуийм кьишэу». Щагьыбзэ хэлъщ мыбы – «псыхуэлэр», «усэ хуей, гупсысэ хуэныкьуэ, псалгэм и дахагьэм дихьэххэр». Аращ метафорэмклэ усаклуэм зи гугьу ищлыр. Сонетым и клэухми уегьэгупсысэ:

Теклуэдыклакьым гьащлэр – теклуэдащ.
А гурыфыгьуэр зэклэ псэм кьыдошл.

Гьащлэр, зэманыр лейуэ клуакьым, ар теклуэдащ псыкъуийм, апхуэдэ гьащлэр лыхьэншэкьым насыпклэ.

Жьыбгьэм и мыхьэнэр ихьуэжу, ар олицетворением хуихь закьуэклэ кьимыгъанэу, символым пэгьунэгьу образ щхьэхуэ щыщлыр мащлэкьым Ацкъан Руслан: «Акьужьыр ди бжыхь клапэм толъэтыж, тогужьейкыж и хуитыныгьэм (гьэщлэгьуэнш!). «Жьапщэм губгьуэ хужьыр иупышклуащ», Ищлэркьым дунейр зыкьутэ жьапщэм», «Цыхум игу илэ мафлэм зэрыщлэшэр». «Пшэхэм я гьащлэр жьыр кьатеуэхуш».

Лэщлыгьуэ блэклам Кавказ Ищхьэрэм щыпсэу лъэпкьхэм я усаклуэ пажэхэм фабгьуэу кьагьэсэбэпу щытщ символ мыхьэнэм хуагьэклуа образхэр: мывэ, бгы, шы, кьамэ. Мыхуэдэ символхэр хьэлэмэту хэуващ Р. Гамзатов, К. Кулиев, Кьыщокьуэ Алим сымэ я усыгьэхэм. Пэжщ, кьамэм (кинжал) теухуауэ урыс классикхэу А. Пушкинымрэ, М. Лермонтовымрэ усэ гьуээзджэ ятхэхэщ, ауэ ахэр – «шыр» – иджыри «ирожэр» усэ сатырхэм. Адыгэхэр илгьэс мин бжыгьэклэ пыщлауэ щытащ

шы гъэхъуным, шым тесу я хэкур хъумэным, зеклуэ клуэным. Шым пыщла псалгэ куэд дыдэ хэтщ ди бзэм, ахэр хэпхъащ адыгэ Iуэрыуатэм, литературэм. Ацкъан Руслан и сонетхэм дежи ущрохьэллэ абыхэм. И сабиигъуэр къэзыгъэлъэгъуэж сонетым деж лирическэ лыхъужьыр псом япэ хуозэжыр шым: «Шыджэгъуу шыта губгъуэм зэрынэсу, елъагъу шым я нэхъ дахэр зэрыхъуаклуэр» [42], «гъащIэр, шэсурэ гупсысэм» мэлыхъуэ и блэкIам. Шым пыщла псалгэхэр усаклуэм ирех нэгъуэщI гурыуэгъуэхэм, егъэпщэныгъэхэм хегъэхъэ – «шу гъусэу жьыбгъэм ськъищтэну сщIам», «жьы езэшым уанэ зэщIелгъхэр», н.

ИщхъэкIэ зэрыжытIащи, Ацкъаным гъащIэр зищIысым и жэуап кыщелыхъуэ и усэхэм, сонетхэм. Абы кыхых фило-софиер къегъэлъагъуэ бзу уэрэд хэзышым, налуэкъым уэрэдыр зыусар: бзура хьэмэ «нэгъуэщI гумащIэ гуэр»? Уэрэдым «узри егъэхъуж», ауэ «зыхуаусам иужэгъункIи» мэхъу:

Апхуэдэщ гъащIэр. Куэдкъым зейм кыльысыр,
Кыльысынами, пщIэуэ хуищIыр мащIэщ.
Бзу цыкIум кыщелыхъуэ зыхуэусэр
Пшэ гуартэ фIэкI кызыхэмыщ уэгу лъащIэм.

ИкIэм-икIэжым, гъащIэм и IэфIагъыр, «бзум и уэрэдыр зыхуэунэтIар ищIэркъым уэрэдгъуом:

Хухеш уэрэдыр уафэм, игу къэмыкIуу
ар псом нэхьыфIу щIым цызэхашIыкIуу. [49]

Лъагъуныгъэ темэм щIыпIэ куэд щиубыдкъым Ацкъаным и сонетхэм, ауэ а мащIэми хэтщ гум кьинэж, образ дахэкIэ, зэгъэпщэныгъэ щIэшыгъуэкIэ гъэнщIа сатырхэр. Къэтщтэнщ «Уэс шабэр къос, кыщIесым егупсысу» сонетыр. Уэсым и дахагъэр, ар кыщесым кышшэ гурыщIэхэм темытхыхъа усаклуэ щыIэу кыщIэкIынкъым, ауэ уэсыр «кыщIесым егупсысу», а гупсысэ нэхум «дунейр щIэтIысыкIыу» жызыIэфыгур усаклуэ нэсырщ. А япэрей строфам нэгъуэщI зэгъэпщэныгъэ хьэлэмэти, цIыхум и щытыкIэ дахи кыпещэ авторым: «Уэс налгэ пIащэр Iупэу къызоIусэр, япэрей БАМ и IэфIу щхьэм доуей». Ар сонетым и экспозицэ хуэхъуауэ сюжетым дыхешэ, зэманым кьрегъэгъээж:

Сыхохутэжыр япэ лъагъуныгъэм,
ФIуэ слъэгъуам и пащхъэ сохутэж.

Ар гүфлэнэут. Абы сыкыщицльагьум,
И нитлым гүфлэр бзууэ щолъэтыж. [6:137]

Поэтикэ и льэныкьуэкIэ «и нитлым гүфлэр бзууэ щолъэтыж» жыхуиIэ егъэпщэныгъэр кьызэрымыкIуэу дахэщ, шэрыуэщ. КьыкIэлъыкIуэ строфами хэтц усакIуэм кьигьуэта Iэмал гъэщIэгьуэнхэр:

НэщI хьуа абгьуитIу нитлым кьыщыслуплгэм,
Зэрыблэкар кьэкIуэнур мэхьу си фIэщ...
ЗыкьызощIэжри – уэсыр щхьэщытц щыльгэм,
Игъээжыну зэрыхуейр кьыпхощ.

Лирикэм зэрихабзэу, лирическэ лыхьужьыр зэрыуа щытыкIэр, ар зэрыпIейтейр, зэрыгузавэр нэрыльагьу ещIыр усакIуэм. Абы щхьэкIэ кьегъэсэбэп: «нэр абгьуэ нэщI хьуам» зэрыригьапщэр, «кьэкIуэнур» блэкаIа зэманым пещIэри кьыбгургьаIуэ льягьуныгъэр зэрыщымыIэжынур. Апхуэдэщ уэщIыльгэм щыщми «игъээжыну зэрыхэтыр». УсакIуэм гьащIэм кьыхишхьуэта щытыкIэр, сурэт дызригьэплльыр еух узыгъэнэщхьей гупсысэкIэ:

ЗэищIэжащ си гьащIэр уэс Iуцабэм.
Гупсысэм хэтг – сыщыIэуи ищIакьым.

Дунейр кьызэригьэщIрэ зыми жэуап нэгъэса иритыфакьым «льагьуныгъэ», «насып», «зэман», «гьащIэ» жыхуаIэ гурыIуэгьуэхэм, абы и жэуап куэд кьагьэщIащ философхэм, еджагьэшхуэхэм, усакIуэхэм. Ацкьан Руслан и сонетхэм деж и гугьу щещIыр «насып» жыхуаIэм [н. 57, 61], ар кьиIуэтэну хэтц философием и диалектикэм хуишэ гупсысэхэмкIэ:

НасыпыфIэу ябжу – насыпыншэ,
Насыпыншэ фIащу – насыпзащIэ.

Мы сатыритлым рефрену кьыщытрегъээж сонетым и строфаитIхэм я пэщIэдзэу (1, 3 катренхэм), абы и мыхьэнэхэр зэпэщIоуэ, ахэр «зым хуигьэкIуэжыну хэтц тэлай кьэскIэ зызыхьуэж мы гьащIэм». УсакIуэм нэгьуэщI зы упщIи кьегъэувыр – «хэт и Iуэху нэхьыфI?», «Гуауэр льэщIыхьэхукIэ – насыпыфIэ, кьыпезьэху гүфIэгьуэр – насыпыншэ?» Абы и жэуап

иритыфыркъым зыми. ИкГэ сатыритГым жэуапым и Гыхъэ гуэр кърет авторым:

Уэсэпс ткГуэпсу ильщ насыпыр гушГэм.
Уигу пщтырыху – мэгууц нэхъ псынщГэу.

Адрей сонет «Насыпым и нэм сыщГэплъа си гугъэщ» жыхуиГэм дежи а проблемэр лъабжъэ ещГ усакГуэм. Насыпым куэдрэ зиГэжъэ и хабзэкъым, ар ирегъапщэ ежьэжыну «уэн-жакъым щхъэщыт Гугъуэм», «пшэ хужь зызыгъэпсэхум». Лъэныкъуэ зыбжанэКГэ «зэпигъазээрэ» насыпым и бзэр кьищГэну хэтщ, «и гугъэщ насыпым и нэм щГэплъа», ауэ насыпым и бзэр «щГэгъыбзэщ», гурылуэгъуейщ. Сонетыр еух кызэщГэзыкъуэж, жэуапыншэ гупсысэКГэ:

Насыпыншагъэм кыспигъаплъэр сщГэрт,
Насыпым кызищГэнуэр зыщГэр хэт.

Ацкъан Руслан, ищхъэКГэ зэрыжытГаци, сонет нэхъыбэ дьдэ зытха адыгэ усакГуэщ, абы и Гэдакъэм кыщГэклэщ «итальян сонетхэри», «инджылыз сонетхэри», кыдигъэклэщ сонет фГэклэ зэрымыт тхылъ щхъэхуи. Ди литературэм хэтщ усакГуэ зыбжанэ, «эксперимент» папщГэу сонет зытГууц ятхрэ шагъэтыжауэ. Ацкъаным нобэр кыздэсым шэрыуэу егъэлажъэ литературэм нэхъ гугъу дьдэу ебэКГэ сонет жанрыр. Ахэр кыулейуэ гъэщГэрэщГэщ поэтикэ и лъэныкъуэКГэ. Сонетхэм я композицэри сюжетри жанрым и хабзэхэм тетщ. Ахэр я темэКГэ бгуэш хъунуц лирикэм телажъэ кыудамэхуэ лъагъуныгъэм, пейзажым, жылагъуэм (хэкум) теухуакГэрэ. Ацкъан Руслан хэлъхъэныгъэ пыухыкГэ хуищГэщ сонет жанрым адыгэ усыгъэм зыщидужьын Гуэхум.

ЕГУЭЛІАПХЪЭХЭР

1. ХъэкГуащэ А.Хъ. Адыгэ усэ гъэлпсыКГэ. Налшык, 1998. Н. 270.
2. Гаспаров М.Л. Очерки истории русского стиха. М., 1984. С. 252–257.
3. Ацкъан Р.Хъ. ЩхъэегъэзыпГэ. Налшык, 2003. Н. 132.
4. Ар дьдэм. Н. 90.
5. Ацкъан Р.Хъ. Сонетхэр. Налшык, 2010. Н. 47.
6. Ацкъан Р.Хъ. Ар дьдэм. Н. 137.

H.I. Bakov

RUSLAN ATSKANOV'S SONNETS

The article is devoted to the problem of the formation of the genre of the sonnet in adygian poetry. It identifies artistic features of «italian» and «english» sonnet one of the famous kabardinian poet Ruslan Atskanov.

Keywords: sonnet, a wreath of sonnets, poetics, the topic, verse, rhyme, poetry, dialectic, the problem, the genre.

З.Х. Толгуров

МОТИВЫ ПОЭЗИИ Т. ЗУМАКУЛОВОЙ (Последний сборник)

В предлагаемой читателям статье в основном анализируются стихотворения Т. Зумакуловой, вошедшие в сборник «Река жизни» («Жашауну череги»), которые дают возможность показать поэтессу как мастера в использовании тех или иных символов, художественно опредмечивающих психологическое состояние народа, его национально-психологические особенности. Сборник «Река жизни» характеризуется как книга масштабная, обобщающая народную мудрость и лучшие традиции национальной поэтической мысли.

Ключевые слова: национальные особенности, символический образ, значение символов, преломление двуликости.

Понимание долга перед прошлым и современностью, перед народом и подрастающими поколениями отражает общую тенденцию развития поэзии балкарцев. В этом отношении творчество Т. Зумакуловой и, в частности, сборник «Река жизни» («Жашауну череги») заслуживает особого внимания.

При произношении имени поэтессы, читательская мысль в своем восприятии восстанавливает символический образ цветка, растущего, пробив каменную плиту. Не менее значителен и другой цветок, упирающийся «ногой» о каменную скалу и устремивший свой гордый взгляд вдаль. Исследуя особенности поэзии Т. Зумакуловой, часто приходится обращаться и напоминать читателю названные символы, как ключевые.

Это объясняется тем, что яркие символы не всеми осмысливаются в тех значениях, в которых они опредмечены. К примеру, значение цветка в поэзии Т. Зумакуловой многогранно: оно связано с жизненным путем поэтессы, с ее характером и не

отделим от лирического героя Танзили глубиной и своеобразием ее поэтического таланта и т.д. С другой стороны, «цветок на каменной скале» символизирует трагический жизненный путь многих северокавказских народов, и то, как они его преодолели и обрели надежду на будущее. Одним символом художественно опредметить психологическое состояние того или иного народа, его национальные особенности свойственно только большому мастеру, каким предстает перед читателями Т. Зумакулова.

В ее поэзии значение многогранных символов приобретают животные родной земли, камни, деревья, бытовые предметы и т.д.

Значения символа цветка углубляются и расширяются другими предметами и явлениями, приобретшими многогранный смысл.

Более того, каждое слово, использованное поэтом в контексте стихотворения, вырастает до символического значения. Это свойство Т. Зумакуловой, ставшее гранью ее таланта с молодых лет, способствовало художественной лирической конкретизации душевной теплоты, жизненного пути народа, его стойкости и мужества в борьбе с негативными явлениями.

В творчестве Т. Зумакуловой образов, близких к «цветку, пробившему каменную плиту», много. Они, словно золотая россыпь, придают блеск каждому ее стихотворению и, в частности, в произведении «Мой народ» мы читаем:

И льдину сумевший
превратить в огонь,
Мой способный народ, –
(подстрочник)

Еще:

И камням придавший нежность
И мягкость, мой добрый,
Мужественный народ...
(подстрочник)

Такие детали, как «камень», «родник», «дерево» и им подобные, издавна определяют поэтику балкарской поэзии. Но все они в творчестве каждого из них, вновь пришедшего в литературу поэта, приобретают новое значение. Обратившись к образу

цветка, читатель понимает, что и в иных стихотворениях он также символизирует победу над идеологическим холодом, добра над злом:

Слава, Слава, ты пришел, пришел,
Одолов черные тучи,
Камни и цветы открыли глаза,
Отдавая светом, обновляясь...
(подстрочник)

В творчестве Т. Зумакуловой особое место занимает сборник «Река жизни» («Жашауну череги»), который следует характеризовать как книгу масштабного, исторического значения о жизни балкарского народа, как книгу, обобщающую народную мудрость и лучшие традиции национальной поэтической мысли.

Философская концепция Т. Зумакуловой многоаспектна. Одна из ее ветвей – это думы о достоинствах человека, о том, какие качества способствуют ему оставаться личностью, сохранять достоинство. Размышляя о них, Т. Зумакулова демонстрирует высокое мастерство и острый ум, чему свидетельством являются стихотворения «Человек», «Рано ушедший в иной мир щедрый человек», «Старое дерево», «Мать разжигает очаг»... и многие другие. Однако, если даже просто думать о тех тропах, по которым она прошла, возвышаясь как личность, совершенствуя свое художественное отношение к жизни, наверное, этого достаточно, чтобы быть примером для подражания, нравственным уроком для подрастающего поколения.

Зумакулова вступила в литературу как знаток исторического развития своего народа, как поэт, тонко чувствующий свою связь с окружающей действительностью и с миром. Поэтому, о чем бы она не писала, одним из доминирующих свойств ее произведений остается связь явлений, единство с народом, с его обычаями и традициями. Стремление Зумакуловой правильно понять и художественно осмыслить законы и закономерности эволюционного движения жизни и природы придает ее произведениям особую глубину и обаяние. В частности, речь может идти о таких произведениях, как «Пшеничное зерно», «В твоём поле я пшеничный колос» и других им подобных, которые могут вдохновить каждого из нас. Танзиля певец родного края, она систематически обращается к его природе. Природа для

нее – это бескрайнее поле, а ее лирический герой – одно из его зернышек:

Одно зернышко я в твоём богатом поле,
Одна чистая капелька в твоих водах,
Одна пылинка из хлебной муки,
Потому в жизни счастье меня не покинет.
(подстрочник)

В поэме «Беспокойная земля», в понимании Танзили земля конкретизируется в роли матери всех живущих на земле и кровительницы их братского единства:

Я дала вам руки и глаза,
В надежде, что не станете причиной печали,
Одарила умом и красотой,
Сделав каждого из вас личностью...
(подстрочник)

Природа и человек – это два берега жизненной реки. Оставаться верным этому единству и беречь его – долг каждого из нас. Определённая такая поэтическая мысль, Танзиля обращается к различным средствам образности, символическому языку и т.д. В частности, сравнивая природу с цепью, человека определяет как одно из ее колечек. Оторвется от цепи это колечко – пострадают оба слагаемых. Потому страх лирического героя неотделим от страха земли.

Земля – это жилище человека, его дом, очаг, где он греется, дерево его жизни. Человек, зная и понимая свою зависимость от нее, не всегда дорожит связью с ней. Лирического героя Танзили настораживает именно это и пугает. Причину отсутствия бережного отношения к природе, к земле, Танзиля видит в отсутствии в человеке душевной гармонии.

Однако Танзиля не просто выражает внутреннюю тревогу лирического героя, но и ищет ответ на вопрос, что может остановить человека от хищнического отношения к окружающей действительности, есть ли возможность, способная поднять ответственность человека? Думая об этом, Танзиля такую возможность видит только в сознательности, в чувстве ответственности за природу и землян. Видеть свою связь с растущими и будущими

поколениями и думать о них – долг каждого человека. Танзиля каждый раз эту мысль преломляет по-новому, приводя в движение самые разные сюжеты, темы, средства выражения. Но все это поэт подчиняет опредмечиванию сознательности человека, видя в ней главную силу, возможность, чтобы сохранить гармоническое отношение личности к окружающей среде. Желая разбудить в человеке такую ответственность, Танзиля нередко использует стихи магического содержания, заговора:

Отрезви, ты отрезви
Человека, опьяневшего от сытости,
(подстрочник)

При этом поэтесса обращается к солнцу, луне, камню и воде, ко всем явлениям среды, где живет человек. Просьба – молитва во многих стихотворениях Зумакуловой – персональна. «Я» поэта обращено и к богу, что способствует более полному и естественному выражению внутреннего беспокойства лирического героя, глубины его чувств:

Обратившись к небу, прошу,
Как просил бы у Аллаха,
Пусть хранятся, не исчезают
Мой камень, моя гора и человек.
(подстрочник)

Однако человек не всегда является причиной печали. Все, что выходит за пределы допустимой меры может нести гибель как для самой природы, так и для нашего «общего дома – мира». К примеру, теплый дождь, которого ждет земля, радует природу, может стать разрушительной силой. Характерный пример – стихотворение «Поклон дождю» (или «Просьба у дождя»):

Дождь, светло твое намерение –
Лей, лей, лей, и будь здоров.
Искупай деревья,
Порадуй реки.
Стучи в мое окно, стучи!
(подстрочник)

Как отмечено, каждое явление диалектично, сочетает в себе добро и зло в зависимости от меры. Тот же дождь, к которому

лирический герой обращался с теплотой, в другом стихотворении лишен «смыслового ресурса».

Соберись, соберись с умом.
Остановись, остановись.
Льешься со злобой, кому от этого польза.
(подстрочник)

* * *

Таким образом, в поэзии Т. Зумакуловой «персонализируется» биографическое и историческое время, проходя сквозь ее художественное мышление. Демонстрируя мастерство в преломлении двудикости явления как реальность, размышляя о сущности зла как об одной из двух сторон предметов, поэт стремится обнажить множество причин уязвимости, непостоянства целостности добра, душевного тепла. Здесь Танзиля одну из них видит в человеческой слабости, в таких понятиях как зависть, в неумении человека руководствоваться гуманными соображениями. Иными словами человек, недооценив свой жизненный путь, отошедший от христианских и мусульманских духовных ценностей, нарушает традиции доброты, справедливости:

Сидя там, где греет солнце,
Словоохотливые женщины,
Осуждают, осуждают, не умолкая,
Не остановишь их
даже осыпав золотом, –

так начинает Танзиля свою поэму «Жамий» где словоохотливые женщины осуждают невинную девушку Жамий.

В поэме читатель не слышит ее голоса, она не защищается, и такой возможности у нее нет. Грешна или чиста, трудна или легка ее судьба – обо всем этом говорят и судят посторонние лица, не известные Жамий. Это особенно тяжело осознавать лирическому герою, ибо безнаказанно совершается действие, противное традиционным ценностям. Как пресечь и предать народному суду то, что совершается втайне, грехопадение тех, кто не желает осознать это и остановиться? Клеветнические разговоры подобны ветру, свободно гуляющему по улицам, находя приют в щелях заборов. Танзиля Зумакулова понимает, что человеческая жизнь свята, тайные действия со стороны пагубны для нее,

ведут к растлению, гибели культуры всех, накопленных народом, ценностей. Поэт не скрывает свое крайне негативное отношение к преступившим допустимые меры, называя их «болтунами», «грязными женщинами», «грешницами» и т.д.

Танзиля Зумакулова показывает, что свобода для подобных людей – разнузданность, что они не в состоянии одолеть себя, достигнуть такого нравственного уровня, чтобы оставаться человеком, членом общества. Поэт ищет ответ на вопрос, который волнует ее, откуда, мол, они, такие грешницы? Отвечая на подобный вопрос, Танзиля правдива и честна: опять-таки причину во всем этом она видит в отсутствии сострадательного отношения к человеку, в игнорировании ценностей, привнесенных в мир людей как мусульманством, так и христианством. В стихотворении «Зависть» («Зарлыкъ») поэт пишет:

Несчастные, мне вас жаль,
Вас одолевает страшная болезнь – зависть.
Вы не можете простить тому,
Кто талантливее вас,
Пытаясь потушить его очаг.

(подстрочник)

* * *

Безнравственность причиняет боль не только людям, но разрушительна и для госсистемы, ее ядом пропитывается и идеология.

В цикле стихотворений Танзили Зумакуловой «беспокойное время» речь идет об изменениях в социально-политической жизни народов России. Выражая отношение лирического героя к ним, поэт приводит в движение такие слова, как «спотыкнулась», «пошатнулась», «содрогнулась» и другие им подобные.

Работая над названным циклом, балкарская поэтесса не руководствовалась посторонними слухами, домыслами: его основой стали ее личное неодобрительное отношение к тем событиям, свидетелем которых она была в одном из государственных учреждений:

Я внучка балкарца-строителя,
В сложное и противоречивое время.
Сажу в зале кремля,
Среди широко известных, хороших людей

На мне платье, сшитое в Париже,
Мой вид и спокойный характер,
В подарок, полученный от моего народа.
(подстрочник)

Издав свой первый поэтический сборник «Цветы на скале, Танзиля стала широко популярным и любимым народным поэтом, но это не значит, что она восторгалась Ленинизмом, лидерами коммунистической партии или была склонна восхвалять те изменения, которые произошли после 1917 года. Она всегда писала о тех явлениях и фактах, которые подсказывались ее гражданской совестью. Природный талант ее перед временем оставался чист.

Хотя многие художники, достаточно высокочтимые, всегда шли в ту сторону, куда дул ветер, когда же многое изменилось, они также быстро открестились от того, чему коленопреклоненно служили. Такое отношение к своему писательскому долгу – не более чем проявление безнравственности к высоким человеческим ценностям. О таких людях А.М. Горький писал, что они способны, помещение, куда вчера еще заходили как в святое место, на следующий день осквернить. Здесь, наверное, уместно вспомнить и английскую поговорку – «Когда высокое дерево Баобаба падает, через него легко перепрыгивают даже мартышки».

В 1990-х годах Страна Советов – как единое государство многих республик и народов – была подобна дереву Баобаба, высокой белой крепостью, перед которой все снимали шапки, низко кланялись. Но успела она дать трещину, как все они прокляли ее, даже многие писатели начали оплевывать родник, откуда черпали живительную влагу.

Здесь мы вовсе не склонны утверждать, что Страна Советов была безупречной и что ее идеология была безупречной и не оказывала негативное воздействие на движение литературы. Но ведь не следует забывать, как уже отмечалось, что основой словесного искусства является духовная опора человека. Если она иссякнет в человеке, если человек утрачивает связь с миром высших ценностей, он мелеет духовно, и это означает своего рода смерть (см. «Вопросы литературы». 1989. № 6. С. 201).

Однако, вправе ли мы сегодня, думать, что советский человек – победитель в ВОВ – не был носителем высших ценностей.

Может, следует подумать о том, что человек способный бросить камень в сторону идеологии, которой страстно кланялся, способен и на быстрое раскаяние. Ведь век писателя, который занимался сочинительством по подсказке политики, короток. Свет же литературы, опиравшейся на традиции народа и передового искусства, не подвластен никаким ветрам, политические колебания его не потушат.

Если вспомнить и оценить историю литературы в этом аспекте, то окажется, что она достаточно богата произведениями, способными выдержать соревнование со временем. Такова, в частности, и литература балкарского народа, гражданственность которой оказалась выше идеологии. Но немало и политизированных, поверхностных произведений. В одном из своих стихотворений Т. Зумакулова пишет:

Друзья – временщики в трудный день тебя покинут,
В тот день твою печаль я возьму на себя.
Льстивые слова, как быстрый дождь, пройдут,
Я же останусь в твоих песнях.

(подстрочник)

Эти строки балкарской поэтессой опубликованы в 1977 году. Однако воспринимаются они, словно написаны в XXI веке. Танзиля всегда умела защищать верность общественному долгу, культуре, рассматривать ее как вечнозеленое дерево, способное всегда обновляться и давать плоды. И когда мы говорим о высокопорядочных, верных справедливости создателях такого искусства, произносим имя Танзили Зумакуловой, открыто осуждающую двуликость художников. Даже когда она пишет о природных явлениях и мире животных, она не изменяет своей философской позиции.

В частности, в стихотворении «Бездомный пес» слова Танзили как бы обращены к животному, но их подтекстный смысл понятен каждому из нас:

Если окрепнешь и встанешь на ноги,
Хорошо насытившись,
И ты, как некоторые,
Названные мною друзья,
Обезумев, станешь кусаться?
Бросишься с лаем на меня...

(подстрочник)

Последние годы – противоречивое время, когда большое дерево «Баобаб» упало, а вместо него другое еще не выросло. Время, когда страна ждет от нас стойкого нравственно-политического выбора. Отечеству особенно необходим стойкий нравственно-этический выбор. Думать и служить обществу должно быть главной целью каждого человека, ибо только честность и мужество определяют его национальное достоинство. Основу литературы и искусства определяют герои – носители подобных качеств. Читая цикл стихотворений Т. Зумакуловой «Беспокойное время», понимаешь, что неизменный выбор поэтессы именно такой человек. Измена мужеству и нравственной стойкости у нее вызывает печаль и осуждение. В стихотворении «Моя печаль» мотив произведения выражен конкретно:

Как бы мы не упирались,
Равенство ушло, погибло.
Фундамент дрогнул, сотрясаясь,
Мощное государство ослабло.

(подстрочник)

Думая о жанровых особенностях подобных произведений Зумакуловой, можно отнести их к публицистической лирике. Но можно определить их и как стихотворения, оценивающие современное состояние общественно-государственной жизни, как критическая реакция на ее неадекватность. Но критическое отношение поэтессы к современным общественным явлениям, ее печаль выше всяких идеологических колебаний, как может быть выше жизненная правда и нравственная стабильность. Об этом приходится говорить в силу понимания того, что Т. Зумакулова оценивает недалекое прошлое нашего Отечества и современность, как мудрая дочь своего народа, как хранительница верности родной земле.

В названном выше цикле показано, что в современной жизни как бы совмещены два берега. На одном из них живут и трудятся честные люди, хранящие в своей памяти добро и героизм прошлого, на другом берегу – люди, которых взрастил, прославил «Баобаб», но ныне, после его падения, словно маргышки, прыгающие через него. Танзиля характеризует их как людей, не помнящих свое прошлое и его добро. Стремясь раскрыть их внутренний мир, поэтесса приводит в движение систему таких

выразительных средств, которые не характерны для ее поэзии 1970–1980-х годов. Это типа: «люди, осквернившие свои идеалы», «присвоившие народный хлеб», «люди, для которых главная ценность деньги», «преклоняющиеся перед долларами», «дерущиеся за чиновничьи должности», «превратившие в мишень свое прошлое, стремясь к власти» и другие (подстрочники).

Деятели, бросающие камень в идеалы прошлого, не только печалят лирического героя Танзили, но и возмущают, рождают в нем чувство гнева, что опять-таки выражается подбором соответствующих средств. В этом легко убедиться, обратившись к таким циклам стихотворений, как «говорю забывшим свое прошлое», «о своей печали говорю богу» и т.д.

Танзиля Зумакулова, обратившись к историческому прошлому и современности, сравнивая их, стремится осмыслить суть понятий «свобода», «демократия», «демократическое государство» и т.д. Ответ поэтессы на свой вопрос и вопрос времени – на нравственно этическом и философском уровнях. При этом она подчеркивает, что многие не видят разницу между подлинной демократией и излишним вольнодумством, «хаосом». В стихотворении «Говорю любителям кричать», Танзиля соединяет такие словосочетания, как «не умолкают», «спорят, надрываясь», «голоса их оглушительны», «рвут на куски огромное государство» (см. стих. «Отчего причиняют боль народу»).

Танзиля с большим мастерством пишет о том, что общественный порядок нарушен «лжедемократией», материальное богатство страны оказалось в руках приспособленцев. В этом отношении Зумакулова, можно сказать, в одном ряду с художниками с мировым именем. В частности, когда в 1914–1917-х годах для России настали трудные дни, политический хаос, А. Блок писал, что «мертвецы, втираясь в общество, правят им, несут службу». Даргинский поэт О. Батырай сетовал, что «подлецам везде простор». Е. Эмин писал, что «миром правят ложь и что Аллах равняет плута с настоящим мужчиной». Философ и поэт В. Соловьев писал, что «мир фальшив и поэтам трудно отличить истинное от ложного (см. З. Толгуров. Движение балкарской поэзии. Нальчик, 1884. С. 86).

Тем событиям, что увидели и пережили вышеназванные художники, стала свидетельницей Т. Зумакулова и, как они, переживая, защищает чистоту и честность гражданской позиции:

Светлые пути отрезаны,
Приспособленцы быстро опьянели,
Став неузнаваемыми,
Обнажили черные души и лица.
Лишенные таланта пишут песни,
Безголосые стали певцами, а
Неверующие молятся.

(подстрочник)

Многие писатели и поэты внутренне возмущены поведением тех, кто, словно мартышки, прыгали и прыгают через упавшее мощное дерево «Баобаб», хотя воздерживаются выражать внутреннее противостояние. Но ведь долг каждого художника – защищать интересы народных масс, осуждать и отрицать все то, что противостоит ее желаниям. В этом отношении не все ладно с современной русской литературой, тогда как писатели балкарского народа, можно сказать, мужественны.

*Перевод статьи
с балкарского на русский язык
принадлежит автору.*

Z.H. Tolgurov

**MOTIVES OF POETRY
OF TANZILYA ZUMAKULOVA**
(last poetry collection)

In article offered readers T. Zumakulova's which have entered into the collection «Life River» which give the chance to show the poetess as masters in use of these or those symbols, artly opredmechivayushchy a psychological condition of the people, its national and psychological features generally are analyzed. The collection «Life River» characterizes as the book large-scale, generalizing popular wisdom and the best traditions of national poetic thought.

Keywords: national features, symbolical image, value of symbols, dvulikost refraction.

М.К. Шакова

ПОИСКИ И НАХОДКИ РАИСЫ ХАШХОЖЕВОЙ
(к 80-летию со дня рождения)

*Я никогда не завидовала коллегам,
с легкостью защищавшим диссертации
по современной литературе,
так как они не могли испытать того счастья поиска,
когда по крупицам восстанавливаешь
биографию просветителя
и возвращаешь читателю духовные ценности прошлого.*

(Из интервью Р. Хашхожевой газете «Горянка»)

Данная статья посвящена юбилейной дате известного ученого, сделавшего вклад в восстановлении и изучении истории адыгского просветительства. В статье приводится обзор трудов Раисы Хашхожевой, а также отдельное внимание уделяется фактам ее биографии.

Ключевые слова: просветительская идеология, национальная культура, архив, литературное наследие, фольклор.

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки КБР Раиса Халифовна Хашхожева известна как основатель научной школы по исследованию литературного наследия адыгских просветителей XIX – начала XX века. Она является автором концепции адыгского варианта просветительства. Благодаря ее публикациям стало очевидным, что до 1917 года существовала целая плеяда европейски образованных адыгов, посвятивших себя просвещению народа, развитию его самобытной культуры и оставивших литературное наследие, многие образцы которого не только мастерски запечатлели исторический

путь адыгов, своеобразие их национального быта, но и не уступали мировой художественной и исторической литературе. Они были первыми создателями азбук родного языка, историками, этнографами, фольклористами, искусствоведами, писателями. Вопреки неблагоприятным историческим условиям они стремились своей общественно-политической и культурно-просветительской деятельностью принести как можно больше пользы, направленной на пробуждение самосознания народа, на защиту его национальных интересов. Творчество адыгских просветителей является подлинной энциклопедией прошлого и составляет важный этап в истории национальной культуры адыгов. Однако в годы Советской власти они оказались в искусственном забвении, что привело к образованию огромного пробела не только в истории адыгской литературы, возникновение которой неправомерно относили к советскому периоду, но и вообще в истории национальной культуры адыгов.

Раисе Хашхожевой принадлежит благородная миссия первопроходца в решении сложного и трудоемкого вопроса – возрождении духовных ценностей прошлого и установлении полной картины адыгского просветительского движения XIX–XX веков.

Значительным вкладом Р.Х. Хашхожевой в филологическую науку стали антологии «Избранные произведения адыгских просветителей» (1980), «Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода» (1991); монографии «Адыгские просветители второй половины XIX – начала XX в.» (1983), «Адыгские просветители XIX – начала XX в.» (1993), в которых прослежены истоки и пути формирования просветительской идеологии, просветительской литературы от синкретической к, собственно художественной. Определены ее социально-эстетическое содержание и жанрово-стилистические особенности. В этих трудах Р. Хашхожева научно обосновала свою новаторскую позицию в определении сущности адыгского просветительства и предложила его трехступенчатую периодизацию: первый период – творчество Измаил-Бея Атажукина, Шоры Ногма, Султана Хан-Гирея, Султана Адыль-Гирея, Султана Казы-Гирея; второй период – творчество Адыль-Гирея Кешева, Крым-Гирея Инатова, Кази Атажукина; третий период – творчество Султана Довлет-Гирея, Темтеча Хаджимукова, Батырбека Шарданова, Эльбаздуко Кудашева, Паго Тамбиева, Талиба Кашежева, Сефербия Сиюхова, Кази-Бека Ахметукова.

В результате долголетней, начатой еще в 60-е годы XX века, поисковой работы в многочисленных архивах и книгохранилищах бывшего СССР – ЦГА Ленинграда, Ленинградском государственном историческом архиве (ЛГИА), Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР), Краснодарском краевом архиве (ГАКК), Центральном государственном архиве Грузии (ЦГАГ), ЦГА Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и др. Р. Хашхожевой выявлено, собрано, систематизировано и исследовано огромное количество документов, рукописных и печатных материалов, на базе которых она основала уникальную серию книг «Литературные памятники Кабардино-Балкарии».

Первая книга этой серии «Кази Атажукин. Избранные труды» вышла в 1971 году. В ней К.М. Атажукин представлен не только как первопроходец профессиональной адыгской педагогики, создатель первой азбуки и первых книг на родном языке, но и как писатель, переводчик, публицист, фольклорист. Были раскрыты неизвестные страницы его жизни и творчества, служебная карьера просветителя. Наряду с оценкой полемических статей «Попытки введения кабардинской письменности», «Ответ г. Макарову», «Еще ответ г. Макарову», «Последнее слово г. Макарову», «Заметки на статью г. Граббе», опубликованных в 1870 году в газете «Терские ведомости», большое внимание уделено анализу литературных произведений К. Атажукина – переводу «Гюлистана» Саади, сказки М.Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб», художественной обработке народных песен о Сосруко, букварных текстов, являющихся первыми образцами литературы на кабардинском языке. Второе дополненное издание «Кази Атажукин. Избранное» опубликовано в 1991 году.

Творчеству выдающегося адыгского писателя, историка, этнографа, фольклориста Султана Хан-Гирея посвящены труды Р. Хашхожевой «Хан-Гирей. Избранные произведения» (1974), «Античные традиции в творчестве Хан-Гирея» (1977), «Хан-Гирей. Черкесские предания» (1989), «Некоторые спорные и малоизвестные страницы биографии Хан-Гирея» (1993). В них содержится исчерпывающая научная биография, характеристика общественно-политической и творческой деятельности Хан-Гирея, анализ его уникальных публикаций, составивших золотой фонд литературного наследия XIX века.

Значительным явлением в истории адыгской художественной литературы и журналистики было творчество первого редактора газеты «Терские ведомости» Адыль-Гирея Кешева. В своих работах «Адыль-Гирей Кешев» (1971), «К вопросу об идейно-тематическом содержании творчества Адыль-Гирея Кешева» (1974), «Адыль-Гирей Кешев. Избранные произведения» (1976), «Каламбий. Записки черкеса» (1988) Раиса Хашхожева глубоко и последовательно раскрыла творческий портрет просветителя-гуманиста, стоявшего у истоков национальной журналистики, сделавшего родную литературу подлинно художественной, заложившего в ней начало реалистического метода.

В антологии «Избранные произведения адыгских просветителей» (1980) дана обобщающая картина литературного процесса 30–60-х годов XIX века с характеристикой произведений вошедших в нее авторов – Султана Казы-Гирея, Крым-Гирея Инатова, Султана Адыль-Гирея и др.

В своем предисловии к антологии «Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода» (1991) Р. Хашхожева писала: «...приходится искренне сожалеть, что такая значительная личность в истории национальной культуры, как С. Сиюхов, до сих пор оставалась в небытии по причине боязни прикоснуться к судьбе человека, подвергшегося репрессии в 30-х годах. Наш долг перед памятью этого истинного патриота адыгского народа, стойкого труженика национального просвещения и культуры, – издать его наследие в полном объеме отдельной книгой» (Указ. соч. С. 12–13). Спустя шесть лет, ее книга «Сефербий Сиюхов. Избранное» была издана в серии «Кавказский литературно-исторический Олимп» (КЛИО. Нальчик: Эль-Фа, 1997). В ней собраны не только печатные сочинения просветителя, но и рукописи из личного архива, сохраненного его родственниками. Воспроизведение жизненного и творческого пути С. Сиюхова сопровождается характеристикой его как талантливого публициста, историка, этнографа, фольклориста и литератора.

Судьба С. Сиюхова во многом схожа с судьбой Паго Тамбиева – просветителя-демократа, пробуждавшего общественное сознание народа, способствовавшего его просвещению и прогрессу. Он вошел в историю адыгского просветительства как один из крупнейших фольклористов, закладывавших основы национальной научной фольклористики. В его трудах, опублико-

вавшихся в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», представлены записи почти всех фольклорных жанров. Велика заслуга П.И. Тамбиева в развитии образования на родном языке. Его «Азбука кабардинского языка» (1906) явилась одним из первых учебных пособий в школах дореволюционной Кабарды. Книга Р. Хашхожевой «Паго Тамбиев. Избранные труды» (1984) – первое издание, в котором в полном объеме рассмотрены его жизненный путь, общественная, культурно-просветительская деятельность, литературное творчество, эпистолярное наследие.

С изданием книги «Кази-Бек Ахметуков. Избранные произведения» (1993) вернулись из небытия и впервые опубликованы сочинения писателя, долгие годы бывшего под запретом из-за негативного отношения к нему публициста В. Воровского (см. статью «В мире мерзости запустения. Русская белогвардейская лига убийц в Стокгольме») и писателя А. Толстого (см. роман «Эмигранты»). Благодаря кропотливому, долговременному поиску в закрытых фондах различных архивов, Р. Хашхожевой удалось на основе многочисленных документальных свидетельств установить истину, реабилитировать писателя и тем самым поставить точку в вопросе, кто же был на самом деле Кази-Бек Ахметуков (он же Юрий Кази-Бек, Магомед-Бек Хаджетлаше, МХБ, Магомед Айшин, Эм. Эс., М. Tatarine, М. Muslim и др.), известный в литературных кругах России в конце XIX – начале XX века писатель и журналист, автор многочисленных художественных произведений, публицистических очерков и статей, издатель журнала «Мусульманин» (Париж), газеты «В мире мусульманства» (Санкт-Петербург). В предисловии «Кази-Бек Ахметуков. Жизнь и творчество» Хашхожева дала глубоко научную, объективную оценку художественно-эстетической значимости многообразного литературного наследия писателя. В книге представлены избранные произведения Ахметукова, в которых показана разносторонняя картина исторического прошлого адыгов, их традиционного уклада жизни. Вторая книга о Кази-Беке Ахметукове «Кази-Бек Ахметуков (Магомед-Бек Хаджетлаше). Избранное» (2008) – попытка Р. Хашхожевой обобщить накопленный материал и дать полную картину своих многочисленных исследований по восстановлению поэтапно жизни и деятельности этой незаурядной, уникальной личности. В этом

издании представлены и исследованы произведения Кази-Бека Ахметукова, не вошедшие в первую книгу и написанные в основном под псевдонимом Магомед-Бек Хаджетлаше.

Научные исследования жизни, общественно-политической и литературно-творческой деятельности К. Атажукина, Хан-Гирея, Адиль-Гирея Кешева, Крым-Гирея Инатова, Паго Тамбиева, Батырбека Шарданова, Темтеча Хаджимукова, Султана Довлет-Гирея, Кази-Бека Ахметукова, Сефербия Суюхова, а также работы, посвященные отдельным проблемам и вопросам просветительского наследия, составили содержание книги «Поиски и находки» (2000). Отбор статей для этого издания осуществлялся по принципу наибольшей насыщенности архивными первоисточниками, обнаруженными и впервые пущенными в научный оборот самим автором. В творческих портретах-персоналиях на фоне основных вех жизненного и творческого пути определено то новаторское, что внес каждый из просветителей в культуру своего народа. Закономерности становления и развития их творчества рассматриваются как индивидуально неповторимые, и в то же время как выражение общего процесса, свойственного российскому Просвещению. Вошедшие в «Поиски и находки» материалы дают объективное представление об особенностях зарождения художественного становления просветительской мысли и закладывают прочный фундамент теории и истории адыгской литературы. «Поиски и находки» – своеобразная антология адыгской просветительской мысли XIX – начала XX века в лицах.

Продолжением «Поисков и находок» стали «Избранные статьи» (2004), посвященные проблемным вопросам истории адыгской просветительской литературы XIX – начала XX вв. Представленные в книге статьи «Пути развития адыгской литературы XIX – начала XX века», «Идеи дружбы с русским народом в творчестве адыгских просветителей», «Адыгские просветители и А.С. Пушкин», «Адыгские просветители о Кавказской войне и мухаджирстве», «К вопросу об этнической принадлежности Адиль-Гирея Кешева», «Одиссея Кази-Бека Ахметукова», «Письма Паго Тамбиева», «Шора Ногмов», «Эльбаздуко Канаматович (Владимир Николаевич) Кудашев» – это отдельные страницы истории духовной жизни адыгского этноса, позволившие автору воссоздать наиболее полную картину развития и специфики адыгского просветительства, своеобразие творческой деятельности представителей просветительского движения.

В книге «Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века. Избранное» (2005) Р. Хашхожевой исследовано более 80-ти оригинальных текстов русскоязычной части адыгской публицистики – произведения Магомед-Бека Хаджетлаше, Хамыша Хаджемогора, Давлет-Гирея Хата-когора (Хаджебия), Пшемахо Коцева, Султана Озрокова, а также авторов, писавших под псевдонимами Адыге и Кабардинец.

Жизнеописания адыгских женщин, оставивших неизгладимый след в истории русской и зарубежной литературы, составляют содержание книги «Черкешенки в истории» (1997), которую автор посвятила своей безвременно ушедшей из жизни младшей сестре Тае Халифовне Хашхожевой – известному ученому-экономисту, 28 лет возглавлявшей отдел экономики Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.

Значительным вкладом в адыгское литературоведение стал биобиблиографический словарь «Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.)», разработанный сотрудниками отдела литературы КБИГИ под редакцией и непосредственном участии Р. Хашхожевой.

Она входила в авторский коллектив многотомного издания Института мировой литературы им. М. Горького (ИМЛИ) «История литератур народов СССР дооктябрьского периода», в котором представлены ее статьи-главы «История литератур народов СССР дооктябрьского периода» (Т. 2), «Кабардинская литература конца XIX – начала XX в.» (Т. 3).

Велики заслуги Р.Х. Хашхожевой в деле подготовки молодых научных кадров Северокавказского региона. Ее научные исследования и разработки введены в учебный процесс кафедр национальной филологии Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии.

Труды Р. Хашхожевой удостоены высокой оценки ученых-историков литературы и культуры, а их автор – искренней благодарности многочисленных читателей за возвращение духовного наследия прошлого. Начатые с главы диссертации «Русско-кабардинские литературные связи», поиски и находки Р. Хашхожевой обернулись многотомным собранием сочинений, за каждым из которых стоит кропотливый, подвижнический труд ученого. Их по праву можно назвать Литературными памятниками Раисы Хашхожевой. Это – очень ценный и весомый вклад

не только в филологическую науку, но и в духовную сокровищницу мировой культуры.

В свое время известный русский публицист и литературный критик Д.И. Писарев прозорливо заметил: «Кто раз полюбил науку, любит ее на всю жизнь и никогда не расстанется с ней добровольно». Именно такой образец самозабвенного служения науке до последнего часа своей жизни являла доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики Раиса Халифовна Хашхожева. Она навсегда осталась в памяти как выдающийся человек, органически сочетавший научную добросовестность, исследовательское мастерство, высокий уровень аналитического мышления с умением корректно, ненавязчиво, убедительно доказывать истину и всегда помочь в трудную минуту. Свою лебединую песню «Воспоминания кабардинского профессора» (2009) Раиса Халифовна написала в Болгарии, где скончалась 28 ноября 2009 года и похоронена на мусульманском кладбище в Софии. Мир праху ее и светлая память.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Р.Х. Хашхожевой

1. Кабардинский фольклор и русские композиторы // *Иуащхэмахуэ*, 1962. № 4. С. 73–78 (на каб. яз.).
2. Лопатинский Л.Г. и кабардинский фольклор // *Иуащхэмахуэ*. 1964. № 1. С. 108–110 (на каб. яз.).
3. *Кази Атажукин*. Избранные труды. Нальчик: Эльбрус, 1971. 158 с.
4. *Адэль-Гирей Кешев* (в помощь учителю). Нальчик, 1971. 30 с.
5. *Хан-Гирей*. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1974. 336 с.
6. К вопросу об идейно-тематическом содержании творчества А.-Г. Кешева / Сб. Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX в. Материалы конференции 28–29 марта 1974 г. Нальчик, 1976. С. 242–250.
7. *Адэль-Гирей Кешев*. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1976. 264 с.
8. Античные традиции в творчестве Хан-Гирея / Сб. Филологические труды КБНИИ. Фольклор и литература. Нальчик, 1977. Вып. 1. С. 85–92.
9. Современница Вольтера (Аиссе) // *Иуащхэмахуэ*, 1978. № 5. С. 85–88 (на каб. яз.).

10. Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980. 302 с.

11. *Сатаней Нечолодова* // *Юащхэмахуэ*, 1980. № 6. С. 70–72 (на каб. яз.).

12. Султан Крым-Гирей Инагов: проблемы личности и творчества / Сб. Развитие традиций в кабардинской и балкарской литературах. Нальчик, 1980.

13. Основоположник просвещения (Кази Атажукин) // *Юащхэмахуэ*, 1981. № 5. С. 85–89 (на каб. яз.).

14. Адыгские просветители второй половины XIX – начала XX века. Нальчик: Эльбрус, 1983. 244 с.

15. *Паго Тамбиев*. Избранное. Нальчик: Эльбрус, 1984. 240 с.

16. Деятели просвещения (Паго Тамбиев) // *Юащхэмахуэ*, 1984. № 1. С. 75–78 (на каб. яз.).

17. Письма П. Тамбиева / Сб. Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С. 142–162.

18. *Каламбий*. (*Адыль-Гирей Кешев*). Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1988. 272 с.

19. Идеи дружбы с русским народом в творчестве адыгских просветителей дооктябрьского периода / Сб. Идеи дружбы и интернационализма в литературе и искусстве народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

20. *Хан-Гирей*. Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1989. 288 с.

21. Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1991. 288 с.

22. *Кази Атажукин*. Избранное (второе, дополненное издание). Нальчик: Эльбрус, 1991. 256 с.

23. *Кази-Бек Ахметуков* (проблема биографии) / Сб. Актуальные проблемы литератур Кабардино-Балкарии. Нальчик: Нарт, 1991. С. 3–40.

24. *Кази-Бек Ахметуков*. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1993. 487 с.

25. Адыгские просветители XIX – начала XX века. Пособие для учителей. Нальчик: Эльбрус, 1993. 184 с.

26. Некоторые спорные и неизвестные страницы биографии Хан-Гирея / Сб. Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик: Эльфа, 1994. Вып. 2. С. 7–40.

27. Деятели адыгской культуры дореволюционного периода о Кавказской войне и мухаджирстве / Сб. Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 138–146.

28. *Сефербий Суюхов*. Избранное. Нальчик: Эль-Фа, 1997. 415 с.
29. Черкешенки в истории. Нальчик: Эльбрус, 1997. 128 с.
30. Поиски и находки. Избранные статьи. Нальчик: Эльбрус, 2000. 415 с.
31. Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в. Библиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 441 с.
32. Адыгские писатели-просветители XIX – начала XX в. Учебное пособие для студентов-филологов. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2003. 172 с.
33. Избранные статьи. Нальчик: Эльбрус, 2004. 168 с.
34. Адыгская публицистика XIX – начала XX в. Избранное. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 358 с.
35. *Казы-Бек Ахметуков (Магомед-Бек Хаджетлаше)*. Избранное. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2008. 416 с.
36. Воспоминания кабардинского профессора. София – Нальчик: 2009. 52 с.

M.K. Shakova

SEARCHES AND FINDS OF RAISA HASHHOZHEVA
(on the 80-th anniversary of her birth)

This article is dedicated to the anniversary date of the famous scientist who has made contributions to the restoration and study of the history of circassian enlightenment. This article provides an overview of the works of Raisa Hashhozheva, and special attention is paid to the facts of her biography.

Keywords: educational ideology, national culture, archive, literary heritage, folklore.

С.М. Алхасова

КУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА И ПРОЦЕССЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В АДЫГСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Статья посвящена культурной парадигме, идентификации национальной идентичности в адыгской литературе постсоветского периода. Особое внимание автор статьи уделяет тем духовным явлениям, которые происходили после распада СССР в кабардинской культуре: выход книг, периодическая печать, присуждения госпремий, званий работникам культуры.

Ключевые слова: национальная идентичность адыгов, духовное совершенствование, культурное наследие.

Основные направления, заданные адыгской культуре и литературе в 1990–2000-е годы – это возрождение родного языка, национальной идентичности и духовное совершенствование. Процесс сложный, и во многом не преодоленный к началу 2000-х годов. Решению данной проблемы способствует глубокое перечитывание истории адыгского народа, изучение пути, пройденного им, продолжающийся поиск, систематизация и восстановление утраченных фольклорных произведений, литературной классики прошлого; а также выявление и публикация новых, ранее не известных источников, полузабытых или вовсе замалчиваемых ранее имен.

Уяснению общего культурного и художественно-литературного процесса во многом способствовало издание следующих уникальных историко-литературоведческих, публицистических, художественных и научных произведений:

1. Журнал «Генеалогия Северного Кавказа» (1996–2007, по инициативе и при содействии А.А. Максидова);

2. Словарь кабардино-черкесского языка, включающий около 31 000 слов (КБИГИ. М., 1999);
3. Библиографический словарь «Писатели Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 2003), составленный авторским коллективом ученых КБИГИ под руководством Р.Х. Хашхожевой;
4. «Адыгская (черкесская) энциклопедия» – главный редактор профессор М.А. Кумахов (фонд им. Б.Х. Акбашева. М., 2006);
5. Адыгэ таурыхъэр (Адыгские сказки) – многотомное издание (составление, систематизация и комментарии Ж.Г. Тхамоковой, редактор З.М. Налоев). 830-страничный 1-й том издан центром «Эль-фа», 2005;
6. Художественно-исторические произведения о прошлом адыгского народа, о Кавказской войне – роман «Корни» А. Кешокова» (1994);
7. Сарabi Мафедзева «Плач», «Медвежьи когти»;
8. Биберда Журтова «Вихрь», Х. Шехихачева «Кровная месть»;
9. Саладина Жилетежева «Посол Белого царя» и другие;
10. Трилогия «Кавказ», «Мюридизм. История Кавказских войн» (1996) писателя из адыгской диаспоры М. Кандура;
11. «Из адыгского нартского эпоса. Древние мифы адыгов» Мамдуха Кумыка (Нальчик, 2009);
12. Духовно-культурные основы кабардинской литературы (1994); «Зы къуэпскIэ зэпхэц» (Традиции и новаторство, 1992), Эволюция художественного сознания адыгов (2006) Ю.М. Тхагазитова;
13. «Черкешенки в истории» (1997), «Кази-Бек Ахметуков» (2008) Р. Хашхожевой;
14. «Адыгские мамлюки» (1994), «Черкесы в Израиле» (1999), «Разбросаны адыги по белому свету» (2000) М. Хафицы;
15. Художественно-публицистические очерки и эссе «Вечные странники» (2002) Х.Х. Кауфова, посвященные трагическим событиям последствий Кавказской войны, истории черкесской диаспоры за рубежом, роли в истории и культуре Ближнего Востока адыгских мухаджиров-переселенцев;
16. Романы «Меоты» (2002–2004), «Хетты» (2005–2008), «История адыгов в легендах и мифах» (2007–2008) А. Псигусова;
17. Историческая повесть Х. Тимижева «Лучезарный султан» («Зи нэхэм уафэхуэпскI къыщIих султIан», Налшык, 2001), в основу которой легли известные события средних веков: противостояние двух миров – Востока и Запада, борьба народов Египта и Сирии против азиатского тирана Тимура и роль черкесского мамлюка султана Захира аль Баркука в этой борьбе;
18. Избранные произведения и фольклор черкесской диаспоры стран Ближнего Востока и Турции, их лучшие рассказы, пьесы, стихи, отрывки из повестей и романов (Нальчик, 2004, составитель Х.Т. Тимижев);

19. Бывшие в запрете в советское время и изданные впервые лирико-философские стихи поэта 30-х годов И.Б. Клишбиева: «В огне не сгоревшие стихи» («МафЭм имыса усэхэр»), составленные З. Налоевым (КБИГИ. Редактор Х.Т. Тимижев. 2009) и другие.

Появились также специальные исследования о национальном самосознании и возрождении народов Северного Кавказа как стержневых проблемах культуротворческого процесса. Эта тематика широко отразилась в материалах международных, общероссийских и региональных конференций:

1. «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии» (Майкоп, 2001), «Проблемы развития языков и литератур народов Северного Кавказа» (Нальчик, 2004);

2. «Кавказский текст: национальный образ мира как концептуальная поликультурная система» (Пятигорск, 2005);

3. «Литература народов Северного Кавказа в контексте отечественной и мировой культуры» (Майкоп, 2006);

4. «Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии» (Махачкала, 2008) и др.

С 2001 года издательство «Эльбрус» учредило новую серию «Наши знаменитости». В этой серии издаются биографии и творческие портреты, а также произведения лучших писателей, поэтов, композиторов, художников и т.д. Изданы объемные, хорошо оформленные книги о поэте, прозаике и переводчике Алиме Кешокове, поэтах и переводчиках Зубере Тхагазитове, Инне Кашежевой, художнике Михаиле Шемякине, композиторе Хасане Карданове. Ранее учреждена серия «Адыгская историческая серия» – «АИС», в которой печатаются редкие исторические материалы об исторических событиях, просветителях и общественных деятелях минувших эпох, переводы иностранных ученых и путешественников прошлых веков по истории адыгского народа.

Значительным событием в кабардинской литературе явилось издание последнего сборника стихов Алима Кешокова «Шалушка» (2003) и его шеститомного собрания сочинений (2006).

Нельзя обойти вниманием такой знаменательный факт, как возвращение в культурный обиход республики культуротворческих наработок адыгского зарубежья – ценных, кроме прочего, своим пристальным вниманием к национально-возрожденческой идее. Это художественные и художественно-этнографические произведения Кумыка Мамдуха, Мухадина Кандура, научно-

публицистические статьи, стихи и поэмы Аднана Калмыкова, Фуада Дужуа и другие.

Возвращение к национальным корням не только в общественно-исторической, но и научно-исследовательской и литературно-художественной практике позволяет по-новому, более органично подойти к рассмотрению всего историко-литературного процесса, движимого в каждом конкретном случае национальными интересами и побуждениями народа.

Самобытна, а для нашей темы по-особому симптоматична, обстоятельная работа писателя-краеведа, лингвиста и этнографа Сафарби Бетуганова «Кабарда: история и фамилии», увидевшая свет в 2007 году. Глубокий знаток отечественной истории и родного языка, рачительный собиратель и популяризатор памятников культуры, С. Бетуганов имеет достаточно оснований верить в грядущий расцвет творческих сил адыгского народа, иронией судьбы сдвинутого в известный период времени на обочину исторического процесса.

Известны работы «История адыгов в документах османского государственного архива». Нальчик, КБИГИ, 2009, и книга Ф.Р. Накова «Адыгская (черкесская) знаковая система» (Нальчик, 2010), которая посвящена одной из наиболее значимых отраслей духовной и материальной культуры адыгов (черкесов) – традиционной знаковой системе. До настоящего времени элементы данной системы рассматривались разрозненно, как орнамент в контексте декоративно-прикладного искусства. Монография Ф. Накова во многом меняет устоявшийся взгляд на историю и духовную культуру адыгов.

В настоящее время приведены в действие художественные, и особенно фольклорные ресурсы, оживлены почти забытые культурные традиции прежних веков. Значимость данного процесса усиливается тем обстоятельством, что, если в начале 90-х годов решением проблемы национального возрождения и воплощения культурной национальной программы занимались в основном общественники-подвижники, участвовавшие в национальных движениях: «Адыгэ Хасэ», «Адыгэ Хэкужь», «Адыгский национальный конгресс», «Конгресс кабардинского народа» и др., то в настоящее время этим делом заняты профессионалы – ученые, писатели, фольклористы.

В настоящее время кабардинская культура и литература все еще находятся на этапе «собирания» культурного наследия. Осо-

бенно это касается области архивного дела, истории народа, его этнографических особенностей и переводоведения. Кабардинские переводчики активизировали процесс сбора и перевода мирового культурного наследия исторического и литературно-художественного материала европейских писателей и ученых об адыгах, горцах Северного Кавказа вообще. Вышли в свет «История адыгов в документах османского государственного архива» (2009), библиографический справочник середины XVI – начала XIX вв.: «Адыги, черкесы на российской военной службе» (автор Казаков А.В., Нальчик, 2006). Появились весьма любопытные переводы европейских авторов, к примеру, Эдмунда Спенсера «Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 году» (2009), Юлиуса Клапрота «Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807–1808 гг.» (2009) и другие.

Интерес представляют результаты поисковой работы: это, извлеченные из различных архивных, семейных и других источников и восстановленные документы об известном адыгском просветителе и ученом конца XIX – начала XX вв. Владимире Николаевиче (Эльбаздуко Канаматовиче) Кудашеве, авторе «Исторических сведений о кабардинском народе» (Киев, 1913 г.). Стертые из памяти народа и забытые имена, закрытые до настоящего времени архивы были раскрыты, неизвестные факты биографии В.Н. Кудашева и его супруги Анны Елисеевны Коченовской прояснились. К примеру, стало возможным установить, что Э.К. Кудашев был одним из первых кабардинских образованных медиков, а также установить место его кончины, местонахождение и жизнедеятельность его потомков и т.д. В 2008 г. А.К. Шапаровой была издана работа «Два века отразилось в них...» – фотолетопись черкесской аристократии середины XIX – начала XX веков. Информация фотоальбома дает представление об адыгской аристократии, оставившей заметный след в истории народа: это видные адыгские просветители, первые профессиональные юристы, медики, ученые, военные: Паго Исмаилович Тамбиев, Магомед-Герий Исмаилович Шипшев, Батырбек Бекмурзович Шарданов, Кургоко Султанбекович Шарданов и многие другие. Книга-фотолетопись приобретена всеми крупными библиотеками не только городов Северного Кавказа, России, но и зарубежных стран: она имеется в Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), институте Антропологии и этнологии (Москва), в Ленинской библиотеке

(Москва) и др. А также распространена во всех странах Востока, Европы и Америки, где живет адыгская диаспора. Создан фонд опального поэта 30-х гг. XX века Исмаила Клишбиева. На материалах научного архива КБИГИ снят документальный фильм о рано умершем писателе, поэте, публицисте, общественном деятеле, ярком представителе черкесской диаспоры Фуаде Дугуж.

В конце 90-х годов впервые вышли в свет переводы девяти кавказских поэм М.Ю. Лермонтова, автором которых является известный кабардинский поэт Руслан Ацканов (Нальчик, 1999); переводы этнографических европейских материалов с немецкого, английского, французского (к примеру, «Письма о Кавказе и Крыме». Нальчик, 2009) и др.

На следующем этапе развития постсоветской литературы, в процессе перемен в контексте межнациональных отношений народов России, с распадом единого союзно-культурного пространства, внутри России политическое и культурное дробление произошло по национальному признаку. Как было отмечено, это привело к тому, что ослабли внимание и поддержка центра к региональным культурам, в том числе и к литературе. Тиражи книг лучших национальных писателей уменьшились в разы. С другой стороны, в условиях плюрализма и изобилия нынешнего российского книжного рынка на первый план вышли рыночные отношения, отменена идеологическая цензура, книжные полки заполнила бульварная литература. Это – то негативное, что принесло время деидеологизации и деморализации, высвобождения из-под диктата, когда наступил духовный и культурный кризис: «В современной апелляции к национальной идее прочитывается тот же код: крах монопольной системы воззрений, мировоззренческий вакуум, ощущение катастрофы, тоска по новым ценностным ориентациям и программная активация национальной идеи», – так оценил процесс К.К. Султанов [1:150]. «Еще недавно мы жили в другом мире, в другой стране, в другой цивилизации и то, как она исчезла и почему, многие так и не поняли, многих это до сих пор заботит и по этому поводу возникает много вопросов» – сказал кубанский писатель Гарий Немченко, выступая на Совещании молодых писателей в Нальчике [2:3].

В 90-е годы сложный путь изменений и непредвидимых проблем пришлось испытать и республиканским литературным

журналам. В свое время все журналы были созданы Союзом писателей, разумеется, при существующих политических условиях тех лет. Как печатные органы Союза писателей, они прошли длительный путь становления и развития. В начале 1990-х годов были приняты законы и законодательные акты о средствах массовой информации и творческих союзах: финансирование издания журналов приняло на себя правительство Кабардино-Балкарской республики. Перемены привели и к тому, что в 1994 году, поддавшись нахлынувшей волне «самостийности», единая писательская организация Кабардино-Балкарии разделилась по национальному и языковому признакам на кабардинскую, балкарскую и русскую. Потребовалось несколько лет, чтобы понять ошибочность этого шага и выработать приемлемые для всех условия объединения. Окончательное преодоление психологии и практики «литературной суверенизации» и укрепления основ вновь созданного Союза писателей произошло в январе 1998 года на XI съезде Союза писателей КБР. Испытав на практике нелепость создавшейся ситуации, писатели вновь объединились в один Союз состоящий из трех отделений, и избрали общий Президиум Союза писателей КБР. Принцип «свой» – «чужой», проявившийся в литературной среде, прежде всего, в виде эмблематики языка творчества, перестал быть доминирующим во взаимоотношениях национальных групп писателей. По словам председателя Союза писателей КБР Хачима Кауфова, «именно писатели всегда вносили весомый вклад в консолидацию здоровых сил общества» [3:143]. Согласованные и единые действия стали залогом сохранения уровня, достигнутого ранее литературой Кабардино-Балкарии, гарантией выживания самих писателей в условиях жестокого экономического и духовного кризиса. В настоящее время Союз писателей состоит из трех секций: кабардинской, балкарской, русской.

По своему художественно-эстетическому уровню, литература Кабардино-Балкарии занимает одно из ведущих мест среди региональных литератур России. Союз писателей КБР является коллективным членом Международного сообщества писательских союзов. Среди членов Союза – лауреат Государственной премии России, 8 лауреатов Государственной премии КБР, тринадцать авторов удостоены званий «Народный писатель» и «Народный поэт», семь членов Союза имеют почетные звания Российской Федерации, 30 – почетные звания КБР и братских

республик. В настоящее время в Союзе писателей Кабардино-Балкарии состоят на учете около 120 человек. Несмотря на то, что долгожданная «свобода слова» освободила писателей от жесткой цензуры, от чрезмерной «опеки» государства, государственные премии и награды активно вручались писателям в 90-е – начале 2000-х годов. Так, 40 писателей удостоены почетных званий, в том числе шесть человек – званий Российской Федерации; пять членов Союза имеют еще почетные звания братских республик Адыгеи и Карачаево-Черкесии, девять членов Союза являются лауреатами Государственной премии КБР. Звания «Народный поэт КБР», «Народный писатель КБР» имеют девять человек. Писатели КБР сегодня осуществляют переводческую деятельность на 6 языках: кабардинском, балкарском, русском, английском, арабском, турецком. Государственными премиями в области литературы и искусства были удостоены прозаики Мухамед Кармоков (1999), Сараби Мафедзев (1995), драматург Борис Утижев («Заслуженный работник культуры КБАССР» (1990), «Заслуженный работник культуры РФ» (1996), «Народный писатель КБР» (2001), поэт Руслан Ацканов также стал «Народным писателем КБР» (2009), публицист и общественный деятель Мухамед Хафица (присуждено звание «Заслуженного деятеля культуры РФ» в 1996), актер, писатель и общественный деятель Пшизаби Мисостишхов (присуждено звание «Заслуженного деятеля культуры РФ», 1994), Хажбекир Хавпачев «Народный писатель КБР» (1996).

В 1994 году классику кабардинской литературы Зуберу Тхагазитову было присвоено звание «Народный поэт КБР», был награжден орденом «Знак Почета». Писатели З.М. Налоев, М.М. Кармоков, Х.Т. Шекихачев также были удостоены звания «Заслуженного деятеля культуры РФ». М.М. Кармокову было присвоено высокое звание «Народный писатель КБР», приуроченное к юбилею художника слова.

Известному поэту и прозаику, члену Союза писателей России Сафарби Хахову в 2000 году было присвоено звание «Заслуженный деятель культуры КБР».

Кризисные явления в экономике и культуре сдерживают потенциальные возможности Союза. Однако он достаточно объективно выполняет свои уставные задачи. К примеру, помимо решения собственно творческих проблем, ведет целенаправленную разнообразную работу по пропаганде лучших достижений

отечественной литературы, формированию за пределами КБР благоприятного информационного поля о жизни республики, поддерживает широкие связи с коллегами и читателями в других регионах страны. Так или иначе, слово писателей Кабардино-Балкарии доходит до читателей Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, стран Европы и Америки. К примеру, библиотека Конгресса США выписывает журнал «Литературная Кабардино-Балкария». Однако материально-финансовая база кабардинской литературы обратно пропорциональна ее достижениям. На XIII съезде Союза писателей КБР (2009 г.) с сожалением было отмечено, что «за последние годы происходит и падение интереса к книге. Причины этого известны: широкое распространение телевидения, Интернета, культуры поп-арта и ток-шоу. Это оставляет мало места в душах массового читателя для восприятия высокохудожественной, высоконравственной литературы. Это уменьшает и количество читателей на родном кабардинском языке. Различные программы развития национальных языков, улучшения их преподавания ожидаемых результатов пока не дают» [4:7].

Идеологические и эстетические взгляды рубежа 1990–2000-х годов, помимо прочих проблем, обозначили одну, достаточно рельефно выраженную в литературе: раскол, некоторое размежевание между поколениями писателей. Начало этому положили, как отмечено выше, известные общественно-политические события 1992–1993 годов.

Молодые авторы подчас выказывают откровенное безразличие к старшему поколению писателей и, естественно, к литературе. За этой позицией стоит не просто обычный молодежный цинизм. Восторжествовал миф о том, что выросло поколение свободно мыслящих людей, не отягощенных идеологическими догмами. Подчас отрицается художественный опыт 20–30-х годов или, в лучшем случае, перебрасывается мостик прямо к миллениуму, когда возникала литература «нового времени». Полувековой период духовной практики выбрасывается из реального обихода. Последнее десятилетие стало реализацией этой культуртрегерской программы. Появились молодые авторы, соотносящие свои сочинения исключительно с работами ровесников. При этом, безусловно, «взрослые» писатели существуют в своей обычной сфере. Но разрыв между поколениями идет не на пользу поколениям. Молодые авторы часто «варятся

в собственном соку». Не спасает порою и молодежное объединение «Млечный путь» («Шыхульагъуэ»). Автору статьи могут возразить: «Если произошло размежевание, значит, это – веление времени». Но вопрос упирается в то, что национальная кабардинская литература может достичь высокого результата, если будет исповедовать принцип следования корневым традициям, преемственности и диалектической связи между литературами разных времен и поколений, что, кстати сказать, не удалось и в советский период развития. В этой, хорошо сбалансированной «команде» писателей (молодых и старших) молодые авторы должны взаимодействовать с опытными литераторами. В противном случае – не будет поступательного движения вперед (рвется связь поколений) – и каждому поколению писателей в отдельности, и адыгской литературе в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Султанов К.К. «Лабиринты сцеплений». Этническое – национальное – художественное. Сборник «История национальных литератур». М.: ИМЛИ, 1996. Выпуск 2. С. 150.
2. Сообщение молодых писателей Северного Кавказа. Информационный бюллетень. Нальчик, 26–29 мая 2008 г. С. 3.
3. Кауфов Х.Х. Фактор, дающий долголетие языку и бессмертие этносу. Дружба народов, 2008. № 9. С. 143.
4. Материалы XIII съезда Союза писателей КБР. Нальчик, 2009. С. 7.

S.M. Alhasova

THE CULTURAL PARADIGM OF THE IDENTIFICATION PROCESS IN THE ADYGHE LITERATURE POST-SOVIET PERIOD

The article is devoted to the cultural paradigm, identification of national identity in the adyge literature post-soviet period. Particular attention is paid to those articles spiritual phenomen that occurred after the collapse of the Soviet Union in kabardian culture: the output of books, periodicals, awarding state award, the rank of cultural workers.

Keywords: national identity of the adyghian people, cultural perfection, cultural heritage.

З.М. Ахмадова

РЕФРЕН В ЛИРИКЕ РУСЛАНА СЕМЕНОВА

Представленная статья посвящена одному из композиционных приемов – рефрену – в лирике поэта Руслана Семенова. Автор рассматривает данный прием сквозь призму его средневековых оттенков, рефрен зародился именно в эту эпоху и обнаруживается в песенном творчестве средневековых труверов. Автор показывает новое преломление данного приема в творчестве Руслана Семенова.

Ключевые слова: рефрен, композиционный прием, трубадурская поэзия, мантра, поэтический текст.

Рефрен – композиционный прием, обладающий глубоким суггестивным потенциалом. Он используется в разных видах искусства. В музыке рефреном называют главную тему, повторяющуюся на протяжении всего произведения. В поэзии рефреном может являться строка или несколько строк, вставленных между строфами. В «Поэтическом словаре» А.П. Квятковского дается следующее определение рефрену: «Рефрен (франц. refrain – припев) – композиционный прием повторения стиха или ряда стихов в конце строфы (куплета)» [1:295]. Данный поэтический прием неизменно определяет форму произведения.

Истоки рефрена – в песенном творчестве средневековых труверов. Исследователи отмечают, что «в XIII веке наблюдается подъем всех форм песни с рефреном, продолжавшийся вплоть до XV столетия. Поэты XIII–XIV веков изобретают, а быть может, и восстанавливают в правах различные виды поэзии, изначально более или менее тесно связанные с танцем или же основанные на поочередном пении солиста и хора; в самой их структуре заложена оппозиция между изменчивым куплетом

и рекуррентным рефреном, сменяющимися друг друга в очень быстром ритме» [2].

Рефрен – один из излюбленных поэтических приемов, используемых Русланом Семеновым. Произведения поэта, в которых используется данный прием, часто отсылают нас к мировой литературной традиции. Так, стихотворение «На свете есть любовь» вызывает ассоциации с поэзией трубадуров и труверов, лирику которых, при всем ее многообразии, отличает «стремление к земной радости, материальной красоте, но в то же время и к благородству чувств... Любовь, составляющая основную тему трубадурской поэзии, понимается ею как чувство, захватывающее всего человека, облагораживающее его и влекущее ко всему прекрасному и доблестному» [3].

Каждый из тринадцати куплетов своеобразного гимна Р. Семенова начинаются утверждением «На свете есть любовь»:

На свете есть любовь,
Коль в это чувство верил,
Боясь фальшивых слов,
Сам Данте Алигьери!

...На свете есть любовь,
Коль волею поэта
Живут среди веков
Ромео и Джульетта!

На свете есть любовь,
Коль, пряча в сердце раны,
Купил бульвар цветов
Художник Пиросмани!... [4:345]

Кроме одних и тех же начальных строк в песне повторяются и четверостишия-припевы – в начале, середине и конце:

На свете есть любовь,
Коль мне ее сиянье
Дарить готово вновь
Свое очарованье!

Этот двойной рефрен усиливает впечатление от слов и создает настроение баллады.

Еще большего усиления эффекта автор достигает при помощи эпиграфа из лирики поэта французского возрождения Пьера Де Ронсара, ренессансное творчество которого во многом было подготовлено прованской средневековой лирикой, которая стала «родоначальницей всей европейской лирической поэзии» и определила «развитие всей позднейшей европейской лирики почти до середины XIX в» [3].

В еще большей степени, чем к средневековой поэзии, рефрен отсылает нас к мантрам духовных практик Востока. Интересно, что и в поэтике средневекового песенного и поэтического искусства, и в духовных (религиозных) практиках мы сталкиваемся с понятием рефрен или с его разновидностью – медитативным рефреном. Очевидно, что этот прием имеет некое общее (или сходное) назначение во всех национальных стилистиках – выход в астральные миры, глубокое постижение мира внутри себя и вне, введение себя и читателя (слушателя) в состояние своеобразного транса.

Слову всегда, на протяжении всей истории человечества, придавалось огромное значение. Ему приписывали особую силу и влияние на человека и мир вокруг него. Так, в индуизме считается, что «все звуки и слова, используемые человеческими существами, выражают влияние разума на материю. Если они используются и организуются человеком, обладающим знаниями в этом вопросе, могут формироваться слова или фразы силы» [5:123].

Подобной способностью влиять на дух и материю обладают мантры. Индуисты считают, что «мантра – это определенная форма речи, оказывающая существенное влияние на разум, эмоции и даже на внешние предметы... В реальном мире функция предшествует структуре, произнесенному слову предшествует мысль, которая в свою очередь является созидательной силой» [3]. Мантры применяются в индивидуальной и коллективной духовной практике как эффективное средство изменения состояния сознания, погружения в медитацию. Для нас особый интерес представляет тот факт, что во многих своих поэтических текстах Руслан Семенов широко использует рефрен, многократно повторяет – сознательно или интуитивно – одни и те же фразы, достигая погружения в особое состояние, схожее с медитацией. В этом случае его лирика сближается с так назы-

ваемой медитативной лирикой, в свою очередь близкой лирике суггестивной.

Медитативная лирика – «разновидность лирики, философские стихотворения, носящие характер глубокого раздумья над проблемами человеческой жизни, размышления о дружбе, о любви, о природе и т.п.» [1:112]. Многие русские поэты создавали стихи в традиции медитативной лирики: К. Батюшков, А. Пушкин, М. Лермонтов, Ф. Тютчев, В. Брюсов, А. Блок...

В стихотворении Р. Семенова «Осенью погожей», жанр которого автором обозначен как романс-баллада, слово «рощи» в десяти четверостишиях употребляется десять раз:

...Ой, спасибо, рощи,
за добро, за свет!
Ой, живите, рощи,
миллионы лет!

...Что вы, что вы, рощи,
я еще вернусь!
Вместе с вами, рощи,
Жизнью надышусь! и т.д. [4:145]

Само произведение отсылает нас к жанру русской народной песни, где неоднократное повторение припевов, междометий типа «ай-лю-ли», аналогичное адыгскому «о-рай-да», является своеобразным воплощением мантры-рефрена.

Пример медитативного рефрена мы видим в стихотворении «Земля моих предков – Кавказ». Последняя фраза куплетов варьируется, оставляя неизменным слово «Кавказ». Куплеты заканчиваются то фразой «Земля моих предков – Кавказ», то фразой «Высокое слово – Кавказ»:

Все земли добры лишь
Людской добротой.
И в этом любой
Убедится не раз,
Но нету такой, что
Сравнится с тобою,
Земля моих предков –
Кавказ!

Я шапку снимаю!
Я кланяюсь снова
Тому, кто услышал до нас
В орлином наречьи
Заветное слово,
Высокое слово –
«Кавказ»! [4:210].

В стихотворении «Мир, не обретший уюта...» фраза «Я тебя очень любил» повторяется рефреном после каждого двустишия. При этом она не рифмуется с самим двустишиями и стоит как бы особняком:

Мир, не обретший уюта,
Был не добрее приюта.
Я тебя очень любил.

Бедности нашей величье
Не выбирало обличье.
Я тебя очень любил.

Смерть устыдится деяний
По воскрешенью страданий.
Я тебя очень любил... [4:232]

Автор использует прием, когда обстоятельственно независимые друг от друга предложения объединяются фразой «Я тебя очень любил». Она стоит как бы вне сказанного и в то же время открывает новую семантику, смысловые нюансы остальных фраз.

Стихотворение «Что-то грустен дом поэта...» демонстрирует иную стилистическую грань рефрена, когда четверостишия, начинающиеся одной фразой, по-разному ее расшифровывают, раскрывая эмоциональную и философскую многозначность слов:

Что-то грустен дом поэта,
Хоть на время погружен
И в снега, и в травы лета,
И в прозрение, и в сон.

Что-то грустен дом поэта.
И понять не суждено,

А по чьей же воле это
Заколочено окно.

Что-то грустен дом поэта.
Но, калитку отворя,
Скажет он взамен привета –
Старой груше: «Как тут я?»... [4:282]

Стихотворение «Анна Мария» – один из наиболее ярких примеров использования рефрена в творчестве Р. Семенова. Оно вызывает аллюзии с христианскими молитвами и великими шедеврами Каччини, Шуберта и других композиторов, обращавшихся к теме «Ave Maria», где неоднократное повторение имени сродни заклинанию, вызывающему дух. Двенадцать раз называет поэт имя «Анна-Мария» в произведении. Не считая употребления частей имени по отдельности – Анна и Мария:

...Нет, я не видел мадонны
Строже и краше тебя,
Женщина с именем донны,
Анна-Мария моя!

Если б ты знала, как много
Значит улыбка твоя,
Женщина с именем бога,
Анна-Мария моя!

Где же ты, Анна-Мария?
Жизнь моя!.. Птица моя!
Анна-Мария!.. Мария!..
Анна-Мария моя! [4:342]

Поэтический текст приобретает особое, высокое звучание (сродни звучанию молитв), способствующее созданию эффекта религиозного экстаза, погружению в некое мистическое таинство.

В поэзии Руслана Семенова широко используются самые различные изобразительные, композиционные, синтаксические, стилистические и иные приемы, призванные максимально раздвинуть пространство художественного текста, усилить его психоэмоциональное, суггестивное влияние на читателя, способствовать выходу за пределы чувственно воспринимаемой

реальности к онтологическим кодам бытия. Среди художественных средств и приемов рефрен приобретает особое значение для поэзии Семенова. С помощью данного поэтического приема поэт достигает погружения в медитативное состояние созерцания и постижения «вечных вопросов» бытия, добивается особого звучания и стилистической окраски лирики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Квятковский А.П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. М.: Сов. Энцикл., 1966. 376 с.
2. Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики. СПб.: Алетейя, 2003. Цит. по: <http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=%D0%A0%D0%B5%D1%84%D1%80%D0%B5%D0%BD&stable=1>
3. Голуб Л.Ю., Голуб П.Ю., Другова О.Ю. Популярный словарь по буддизму и близким к нему учениям. Цит. по: <http://ariom.ru/wiki/Slovar'GolubDrugovaGolub>
4. Семенов Р.: Пришел поклониться вам... Жизнь и творчество / Сост. Ж.Б. Семенова. Нальчик: Эльбрус, 2008. 400 с.
5. Смирнов А. Лирика трубадуров и труверов // История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение. М.: Высшая школа, 1987.

Z.M. Ahmadova

REFRAIN IN RUSLAN SEMENOV'S LYRICS

Article is devoted to one of the compositional techniques – refrain – in the lyric of poet Ruslan Semenov. The author examines this technique in the light of its medieval shades, a refrain that is born in this era and is found in the works of medieval song trouveres. The author shows the new refraction of this technique in the creation of Ruslan Semenov.

Keywords: refrain, compositional device, tubeblowing poetry, the mantra, the poetic text.

А.М. Сарбаиланы

ЁЗ МИЛЛЕТИНИ ЁКЮЛЮ

(Отарланы Керимни кёчгюнчюлюк поэзиясыны юсюнден)

В статье рассматривается поэтическое творчество известного балкарского поэта Керима Отарова, созданное в период депортации, анализируется арсенал художественно-изобразительных средств, способствующих освещению трагической темы выселения.

Ключевые слова: поэзия, депортация, трагедия, художественные средства, образ.

Жашай баргъан къадарда, адамны кёз къарамы, оюму да тюрленедиле, жюрегинде жангы сагъышла, умутла тууадыла, жашаутъа суймеклиги, кертилиги, тюзлюкте ийнаныуу да кючленеди. Болсада жарыкълыкъгъа, жангылыкълагъа да алданмай, хар инсан да кесин эссизликге хорлатмазгъа борчлуду. Бютюнда артыкълыкъны, азаплыкъны жесири болгъан адамны эси тын-гылыды.

Жашайбыз, узакъ кюнлени эсгере,
Бу дунягъа жарсыр ючюн туугъанча, –

деп жазгъанды Отарланы Керим «Ачыу соруу» (1950) деген назмусунда. Кёчгюнчюлюк поэтни жашаууну, чыгъармачылыгъыны да бушуулу бетиди. Жаш назмучу поэзияны кенг жолунда биринчи ёттем атламларын этген кезиуде, къадар аны абындырыргъа умут этди: жалан кеси угъай, ёз миллети саулай да жалгъан дау бла туугъан жеринден кеннге къысталды. Эсде болмай тургъанлай, келген къыйынлыкъны огъурсуз сыфатын

суратлай, аны терен сезерча, окъуучуну жюрегин тентиретирча тизгинле туадыла:

Безгекча къалтырата эди къайгы,
Атача, ахтына эди жерибиз...
Ол кече да.., 1950

«Фахмусу, оюму тири болган назмучу жюрек къыйынын туура билдирип къоймаса да, ол жашырын тиллиди, бир шартны илишанларын башхасына кѣчюралады, метафорала, мифология сыфатла бла хайырланады», – деп жазады Толгурланы Зейтун [1]. Кѣчюнчюлюкню юсюнден ачыкъ айтыргъа эркин туююл эди адам улу: къырал не мадар бла да малкъар халкъны ауазын, солууун «тунчукъдурургъа» кюреше эди. Болсада Отарланы Керим аллай къылыкъсыз, адамлыкъсыз тарых жорукъгъа бойсунмады.

Заманны кюйсюзлюгюн кѣргюзтюр муратда поэт бай суратлау мадарла бла хайырланады (тенгешдириу, жан салыу, ушашдырыу):

Сагъышлача, барадыла булутла,
Къуугъун аглылача, чаба черекле,
Жуддузлача, узакъдыла умутла,
Жесирлеча, мудахдыла жюрекле...
Сагъышлача..., 1949

Неда:

Мен биргенге болсам, жылытыр эди
Буз кѣжюрегинги солууум,
Терсликчилени да жунчутур эди,
Бѣрю улуууча, сорууум...
Бѣрю улууучуца, 1950

Миллетини къадарыны ажымлылыгъын ачыкълай, Керим табийгъатны, жаныуарланы шартларын суратлайды. Аны кѣчюнчюлюк поэзиясында бийик суратлау даражада къуралгъан, «жансыз» сыфатла да бардыла. Лирика жигитни халына, къылыгъына кѣре булутла тюрленедиле: инсанны сагъышлары мудах болсала, ала да мутхузланадыла:

Алай, танг бизни жолдан кыйтарлыкча,
Сакълай эди аны ахшы умутлу.
Танг ата эди кыбыр тарлыкда,
Бушуулача басып кыра булутла.
Кыра булутла, 1949

Жарык жашауну, эркинликни белгисича, танг да адамлача, зордукну тузагына тюшеди, тегерекни кырангылык бийлейди. Кыыйынлык кыруу адам улуну кесини жесири этип кыймай, аны зараны табийгатха да жетеди. Быллай бушууду болумлада инсан эсин тас этмейди, тюзюк бла байламлы умутун юзмейди. Лирика жигитни таукеллигин теренден ачыкларга тангны сыфаты болушлук этеди:

Кечюнчюле эшелону аулакда
Сакълай эдиле, кече уа – жылча, узун.
Бирде танг, умутча, жарый узакда,
Ызлаган эди бушуу жолну ызын...
Жесирле базары, 1950

Тууган жеринден кери болганны кюню да, тангы да жарымайдыла. Ёз халкындан ёксюз кыалган Ата журт да жангызлыкны, кырангылыкны тузагына тюшеди. Ёз миллетини кыдарыны ажымлыгынын суратлау кюч бла кёргюзтюр муратда поэт салышдырыу мадар бла уста хайырланады. Аны лирикасыны энчи илишанларындан бири – кысха назмуга эки тюрлю жашауну (дунияны) «сыйындырып» суратлауду. Сёз ючюн, «Кыамача жарала» деген чыгъармада Керим жарыклык бийлеген кыргыз тауланы юслеринден хапарлайды:

Кыргыз таулары! Акъ кыарларыгызны
Хорлам байрагынча кызартханды танг...
Кыама жаралача, 1944

Ызындан келген строфалада уа поэтни малкыар тауланы мудахлы сыфатлары сагышландырадыла: ала «хорламны жарык жазында» урушдан кыйтхан уланларына тюберге онглары болмай, аланы ызларындан, «жесир ашырган аталача, кырай» кыладыла. Болсада лирика жигитни жүрегин зарлык бийлемейди. Кеси сукъланган кыргыз таулагга ол алгыш сёзюн айтады:

Къууанама уллу къадарыгъызгъа,
Сизни ёмюрде да къызартмасын къан!

«Таулу жашчыкъ» деген назмусунда поэт инсанны бушуулу къадарын кёрпюзтюр умутда жашауда бола тургъан жангы, жарыкъ тюрлениулени суратлайды. Сёз ючюн, ёксюз жашчыкъны кёз туурасында къарылгъачла уяларын жангыртадыла:

Ма энтта къайтхандыла къарылгъачла,
Эски дуняларын жангырта, жырлай,
Бу таулу жашчыгъ а, арып, ачлай,
Жатады жолда, бёрю къуугъан журлай..
Таулу жашчыкъ, 1944

Бушуугъа хорлатмай, Керим чыдамлыкъгъа, тёзюмлюкте чакъырады. Аны жүрегинде ийнаныу сезимни оту кючлюдю, тереңди. Таулу жашчыкъ туугъан жерине къайтырына да ишек-сизди поэт:

Туугъан тауларына ол энтта къарар
Жаз башында къарылгъачлача къайта,
Ол умут жүрекде болмагъан къадар,
Чыдам къайдан табыллыкъ эди, къайдан?

Керимни кёчгюнчюлюкте жораланган поэзиясында энчи жерни тиширыуну къадары алады. Аны мудахландыргъан болумладан бири – къырал кесини мурдар къолун къарыусузлагъа, от жагъаларын сакълап тургъан тиширыулагъа, къартлагъа, сабийлеге кётюргени: жесирликни жолун биринчи ала ызлагъандыла. Поэтни тиширыулагъа аталгъан назмуларыны санында «Ыннагъа» деген лирика чыгъармасы айырмалыды. Жашлары, туудукълары да урушда жоюлуп, жангыз къалгъан къарт ананы бушуулу сыфаты заманны кюйсюзлюгюн чертеди:

Ол къыргъыз арбазда, кюйген тюккючлей,
Олтурады, ёлюм тилей Аллахдан.

Неда, баш иеси урушда ёлюп, къолунда ёксюз сабийи бла атылып къалгъан жаш тиширыуну къадары:

Бюгюн а ана олтурады жангыз,
Чыдамазча, азап чеге.

Ыржыда, 1944

Дагыда Керимни поэзиясында эде кылырча кыралган сыфатладан бир кыаууму: «кёзлери – сууган кёмурлей мутхуз» болган чеченли кыыз (Ош базарында), аулакда кыдары «шайтан жели чапыраккы сюргенча», кырачайлы сазбет кызчык (Сазбет кызчык).

«Керимни поэзиясыны бек уллу, махтаулу энчилиги – лирика жумушакылыгыды, инсанны сезим байлыгын ачыклаганы», – деп чертеди Толгурланы Зейтун [2]. Халккы бушуулу кыдарын суратлай поэт инсанны ич дунясын ачыкларга, аны жюрегинде, эсинде тууган сагышланы окыучуга туура этерге итинеди. Лирика жигитде кёп тюрю сезимле «кыайнайдыла». Аладан бек магыналысы – тууган жерине сюймеклигиди, анга термилиую:

...Сен бизни кыуанчыбызса ёмюрге,
Тууган жерим, жюрекдени дарманы...
Кюсеу, 1948

Неда:

Кесим мында бой салсам да заманнга,
Кавказ тауларымдыла тюшлерим...
Жауур алашага, 1946

Бирде уа аны сукъланыу сезим хорлайды. Ол «киши насыбына сукъланмайды». Поэт табийгыат болумланы юсю бла кесини тасха муратларын, Малкырына тансыкылыгын билдиреди:

Мен сизге сукъланама, эркин желле,
Сизге ыхтырыу жокь артха...
Желле, 1948

«Зурнукла кыайтырла» (1944) деген назмуда бютюнда адыргыды лирика жигитни халы. «Шынтагы юзюкча» жылы жерлеге учуп барган зурнукла аны Ата журтуна термилиуюн кыозгайдыла. Алагы да сукъланырчады, нек дегенде «жокьдула кёкде комендантла, чекле // Ала хапар билмейдиле зорлукдан».

Тизгинден тизгиннге, назмудан назмуга поэтни сынауу ёсе, тёзюмю, чыдамлыгы терен бола, аны бла бирге уа кыдар «тюзлюкню атындан оноу этери», азатлыкыга жол ачылырына ийнаныу фикери кыч ала барады:

Бирде, жаз бузуча, эрирле даулап,
Туугъан жерге жол ачыла таулулагда
Зурнукла къайтырла», 1944

Неда:

Насып жулдузум батхан сундум анда,
Жол кёрмеген кюнюм да болду алда,
Алай дагыда тюзлюкню хорларын
Кере эдим, тергей келсем халланы
Ахыр мекам, 1950

Быйыл малкъар халкъны туугъан жерине «тюзлюк жолу» къайтаргъанлы 56 жыл толгъанды. Керимни кёчгюнчюлюк поэзиясында салынган соруула бюгюнню жашауубузда да тарых сезимни къозгъайдыла. Аланы асламы бусагъатда да жууапсыздыла:

Онглу халкъла – бий, онгсузла – къарауаш
Болургъа нек керекдиле алагъа?
Халкъ халкъга нек болалмайды къарындаш,
Къажаулукъ ууу кирмезча арагъа?..

Миллетин, адетин, динин да сора,
Паспортун нек тингдиресе адамны?
Жюреклеге нек салдыраса жара?
Ахшыладан айыралмай аманны?..
Тилегим, тырманым да.., 1944

Быллай тизгинле хар инсанны да миллет эсге, миллет намысха сакъ болургъа, бирликге итинирге тийишлисин чертедиле. Отарланы Керимни терен философия магъананы тутхан, тарых оюм бийлеген поэзиясы халкъы жашагъан къадарда ёлюмсюздю.

ХАЙЫРЛАННГАН ЛИТЕРАТУРА

1. *Толгъурланы Зейтун*. Миллет эс бла миллет литература. Нальчик, 2008. 102 б.
2. Анда.

A.M. Sarbasheva

KERIM OTAROV'S POETRY

The article considers the poetry of the famous balkar poet Kerim Otarov created during the deportations, analyzed arsenal of artistic and visual means to facilitate coverage of the tragic theme of eviction.

Keywords: poetry, deportation, tragedy, artistic media, image.

*М.Б. Гуртуева,
А.К. Шапарова*

ПУСТЬ ПАМЯТЬ ОБ АЛИ АСХАДОВИЧЕ ПРОДОЛЖИТСЯ В ВЕКАХ

Воспоминания М.Б. Гуртуевой об Али Шогенцукове «Пусть память об Али Асхадовиче продолжится в веках» является продолжением цикла воспоминаний современников, которые воспроизводят свидетельства людей, близко знавших Али Асхадовича Шогенцукова. В научном архиве КБИГИ формируется фонд подобных воспоминаний, который постепенно пополняется благодаря поисковой работе.

Ранее они были опубликованы в юбилейном сборнике «Вопросы кавказской филологии» (17 декабря 2010 г. № 8), выпущенном к 110-летию Али Шогенцукова.

Марьям Бертовна делится своими ранними воспоминаниями о дружбе своего отца Берта Гуртуева с Али Шогенцуковым (инвентарный № 2978. Фонд 16. Опись 1. Ед. хранения 39). Материал подготовлен к печати зав. научным архивом КБИГИ А.К. Шапаровой.

Ключевые слова: депортация, воспоминание, консолидация молодежи, национальная литература, авторский фольклор.

Впервые об Али Шогенцукове я услышала в далекой Средней Азии, куда был депортирован мой народ.

Я была еще мала, в школу пошла в киргизском селе. Разумеется, тогда я ничего не знала о своей малой родине, о 30-х годах прошлого века, – периоде, в котором столкнулись добро и зло. Добро – духовный взлет в области национальной литературы и зло – жестокая репрессия, почти опустошившая писательскую организацию. Отцовские воспоминания вслух о писателях 30-х годов 20 века глубоко запечатлелись в моей памяти. Всегда хотелось увидеть кого-нибудь из них хотя бы на фотографии в чьей-нибудь книге, в старой газете, но их у нас не было, так как

взять с собой подобную печатную продукцию при выселении не разрешали.

Когда отец, истосковавшийся по коллегам, особенно часто вспоминал Али Шогенцукова, мама тоже что-то добавляла от себя о нем, о его семье. Мои родители часто виделись с семьей Шогенцуковых, так как проживали по соседству. Али Шогенцуков и мой отец нередко заходили друг к другу в гости, рассуждали о литературе. Али Шогенцуков по возрасту был старше моего отца на 10 лет, но разница в возрасте не была помехой для их крепкой мужской дружбы, поддерживаемой их творческими интересами.

У моих родителей был уже ребенок-первенец. Мама обычно выносила его на руках подышать свежим воздухом у входа в парк, напротив которого располагался многоквартирный дом, оставшийся в памяти людей как «Кабардинская, 2». Ныне там вместо «2» стоит «6». Через дорогу от этого дома пролегла тропа, ведущая к жактовским домам, покрытым шифером. В одном из них проживала тогда семья Али Шогенцукова. По утрам он по этой тропе направлялся на работу. Тропа заканчивалась у входа в парк (ныне это «Атажукинский парк»).

Когда Эльдарчик замечал идущего Али Асхадовича, он тут же пытался выкрутиться из материнских рук и, сойдя на землю, тут же бежал ему навстречу. Али Асхадович, сам отец четверых детей, принимал в объятия Эльдарчика и, приласкав его, передавал в руки матери. Он ласково гладил малыша по головке, что-то нежно говорил ему то по-русски, то по-кабардински.

Был у Эльдарчика еще один маршрут «побега» в обратную сторону от дома – по улице Кабардинской. Мать пыталась его догнать и стыдливо озиралась, не заметит ли кто, что горянка не идет степенно, а ускоряет свой бег в надежде догнать «беглеца». Впереди, раскрыв объятия, Эльдарчика уже поджидал постовой-милиционер в форме при погонах. Он брал мальчика на руки и позволял ему теребить пуговицы на своем скюртуке, тянуть погонь со своих плеч. А тут и мама подбегала и принимала малыша с рук постового милиционера – большого друга ее маленького сына. И все же малышу больше удовольствия доставляли игрушки, которые дарил ему дорогой «дядя» – Али Асхадович. Очень занятные были эти игрушки. Однажды он подарил малышу картонный домик с яркими рисунками по бокам. Мальчик

увлеченно рассматривал картинки и затем показывал присутствующим, чтобы их удивить. В другой раз Али Асхадович купил для Эльдарчика заводную металлическую птичку. Мальчик с восхищением наблюдал, как птичка на тонких ножках скакала на столе и постукивала по нему железным клювиком. А однажды Али Асхадович подарил мальчику детское ружьишко, как будущему джигиту. Он вручил его ребенку, повторяя «фоч», что по-кабардински значит ружье. Эльдар усвоил понятие «фоч», и оба казались этим довольны.

Мой отец и Али Асхадович хорошо знали свое дело и поэтому не подучивали друг друга. В воспоминании Берта Гуртуева об Али Шогенцукове есть такие строки: «Несмотря на то, что я был Председателем правления Союза Писателей, а он руководил кабардинским сектором литературы, я никогда ему не указывал, что и как выполнять. Он глубоко знал и выполнял свои обязанности и сам же представлял соответствующие документы по ходу работы возлагаемого им сектора».

Али Асхадович по воспоминаниям моего отца был исключительно правдив и честен, эти нравственные качества он хотел видеть и в окружающих его товарищах. Он мог записать пришедшие ему на память строки тут же, не нуждаясь в столе и стуле. Бывало, он записывал их, как придется, на колене или на подоконнике, а потом несколько раз мог возвращаться к стихам, перерабатывать помногу раз, совершенствовать их. Он никогда не спешил издавать свои произведения, пока не приводил в надлежащую форму. Поэтический дар его настолько был развит, что стихи «шли в ум» ему даже в то время, когда он находился в дороге.

Незаурядные способности, особенно направленные на литературное творчество, разумеется, формируются на особых основах, им предшествующих. Али Асхадович с юности находился под влиянием родного фольклора. После окончания школы знаменитого кабардинского просветителя Нури Цагова он с большим пристрастием собирал образцы кабардинского фольклора. В результате он не только проникся любовью к художественной выразительности народного слова, но через него постигал историю своего народа. Где бы потом ни был Али Асхадович, получив свое педагогическое образование, – в Крыму, Дагестане, Турции, – он испытывал ностальгию по земле предков. В конце

концов, он возвратился в отчий край и занимался педагогической деятельностью, всегда сопряженной с его литературным творчеством.

Большое влияние на развитие творчества Али Асхадовича оказали два года (1936–1938) их совместной деятельности с Бертом Исмаиловичем Гуртуевым. Это были годы особо интенсивной деятельности обоих в развитии национальной литературы, годы консолидации пишущей молодежи, организации литературной учебы при Союзе писателей.

Берт Гуртуев подчеркивал, что пребывание в Темирхан-Шуре, а затем в Бахчисарае, где Али Асхадович приобрел педагогическое образование и где было много литературы, изданной на арабском алфавите, вызвало у молодого А. Шогенцукова интерес к арабской вязи, на которой он впоследствии читал и писал. Известно, что в Дагестане находился богатый фонд литературы народов Ближнего Востока, написанный на арабском алфавите, переведенный на поэтический язык «ажам» и напечатанный арабскими буквами. Эта литература из уст в уста распространялась и на Северном Кавказе.

Этим фондом не мог не заинтересоваться и Али Асхадович, находясь в Темирхан-Шуре, а затем в Крыму. Продолжив учебу в Стамбуле, он достиг высшего педагогического образования и некоторое время работал в Стамбуле. К этому времени он уже начал писать стихи, в которых преимущественно отразилась его тоска по родине. Вновь оказавшись в тюркской языковой среде, Али Асхадович усвоил турецкий, а затем и азербайджанский языки, когда в 1921 году проходил политические курсы в Баку.

Надо отметить, что турецкая и азербайджанская лексика достаточно свободна от заимствований из европейских языков. В них ощущается стихия чистого родного языка. Оказавшись в этой языковой стихии, Али Асхадович вскоре свободно изъяснялся на турецком языке. От этих языков до балкарского только один шаг. Вот почему Али Асхадович хорошо понимал и балкарский язык. Он мог прочитать и проанализировать поэтические произведения на балкарском языке. Во время пребывания в Стамбуле Али Асхадович усвоил и французский язык, который использовался как язык общения между Турцией и Францией, подобно тому как русский язык у нас является государственным языком общения.

Свободное владение несколькими языками обогащает внутреннюю культуру и духовный мир человека, и Али Асхадович был таким образцом интеллигентности.

Впервые с Али Асхадовичем мой отец встретился на литературном вечере молодых кабардинских и балкарских писателей, который проходил в кабинете Сосруко Кожаева. Это был знаменательный вечер, на котором знаменитый учитель из Баксана Али Шогенцуков порастил воображение собравшихся своими стихами. Красиво читал он, как артист. Стихи звучали по-особому. Почему по-особому? В традиционную форму кабардинского народного стиха он ввел новое: вместо чередования рифмы в конце и в начале строк он подвел рифму к концу строк. От этого строки читались ровно, плавно, заканчиваясь совпадающими по звучанию рифмами. Все участники того вечера, как вспоминал Берт Гуртуев, поняли, что Али Шогенцуков в кабардинскую литературу внесет большой вклад. На этом же вечере и отец мой был признан лучшим поэтом Балкарии, т.е. «первым поэтом Балкарии», как выразился о нем Джансох Налоев, первый Председатель правления Союза писателей Кабардино-Балкарии, замечательный организатор литературного дела, человек глубокой эрудиции, человек-легенда. Рано оборвалась жизнь этой яркой звезды национальной культуры.

В 1934 году состоялся Первый Всероссийский съезд советских писателей, руководимый Максимом Горьким. На этом съезде кабардинская и балкарская литературы были представлены массовому читателю книгой Джансоха Налоева и публикацией Берта Гуртуева в «Литературной газете», отражавшей материалы съезда. В своей книге Джансох Налоев дал высокую оценку поэзии Али Шогенцукова.

Численность Союза писателей после вышеназванного съезда быстро стала расти в результате привлечения в него певцов-ашугов, сказителей, самобытных мастеров музыкального творчества. Их также активно вовлекали в литературную учебу. Их выискивали по всей республике известным и популярным методом под названием «Алло, мы ищем таланты!» По совету М. Горького, авторов прежде готовили к вступлению в Союз писателей путем сближения фольклорной основы их творчества с теоретически обоснованным методом советской литературы. Таким путем в советскую национальную литературу ввели Бекмурзу Пачева и Кязима Мечиева.

На наш взгляд, осовременивание их стихов путем нарушения фольклорной традиции в пользу нового, современного литературного метода было преждевременным действием. Не случайно Кязим Мечиев выразил крайнее недовольство тем, что его стихи подверглись такой «приспособительной» редакции и в таком виде вышли в свет в качестве поэтического сборника. Не следовало «осовременивать» то, что было современным своему времени, когда творчество Кязима изустно распространялось в народе. Необходимо было стихи-песни Кязима, записанные им на арабском алфавите, издать безо всякого изменения. Они представляли собой авторский фольклор. Авторский, но фольклор. И это нисколько не умаляет достоинства ни стихов, ни автора этих стихов. Фольклор, будь это творчество масс или авторский текст, никогда не терял своей ценности в становлении духовной культуры кабардинского или балкарского народа ни до, ни после социально-политической смены общественной формации. А в советское время новые произведения вышеназванных мудрецов так или иначе вышли бы на путь основного метода литературы, появившегося под влиянием реалий нового времени. Какое время – такие песни, и это ярко прослеживается в динамике художественного отражения действительности Б. Пачевым и К. Мечиевым. Они как художники слова вещают с перекрестка двух веков, когда особенно отчетливо проявились особенности неповторимой эпохи.

Али Шогенцуков и Берт Гуртуев, неустанно поднимая национальную литературу на новый уровень развития, всегда держали в поле зрения народные, самобытные таланты, подготавливая их к вступлению в союз писателей. И это в непростых условиях, когда над ними висела страшная угроза репрессий. Со дня на день ожидая ареста, трудились оба друга, оба титана литературного дела. Расстались они в 1938 году, когда мой отец поступил в очную аспирантуру Института языка и мышления Академии наук имени Марра. В дальнейшем они воевали на фронте, защищая Родину. Один погиб в концлагере, другой прошел круги ада во время насильственного переселения балкарского народа в неведомую даль – Среднюю Азию.

Берту Гуртуеву судьбою было предназначено пережить ушедших в вечность коллег, друзей, с которыми он возводил национальную художественную литературу, но он ответил произ-

волу 30-х годов прошлого столетия воспоминаниями о братьях по перу и высветил вновь их имена, их вклад в национальную культуру. Он особо выделил также имена последующих своих современников из числа писателей. Али Шогенцукова он возвышает над ними как самую яркую звезду на небосклоне кабардинской поэзии. Образ Али Шогенцукова он всегда носил в своей душе, переводил на балкарский язык его стихи, рассказывал об Али Асхадовиче на многочисленных встречах с читателями, в своих выступлениях на радио, телевидении, на страницах газет. Как дорогую реликвию храню я диск, на котором записано телевыступление моего отца, выступающего с докладом об Али Асхадовиче на одном из его юбилеев. Пусть память об Али Шогенцукове продолжится в веках.

Нальчик. 5.05.2012 г.

M.B. Gurtueva, A.K. Shaparova

LET THE MEMORY OF ALI ASKHADOVICH CONTINUE IN CENTURIES

Memories of M.B. Gurtueva about Ali Shogentsukov «May the memory of Ali Askhadovich continue for centuries» is a continuation of a series of memoirs of contemporaries, which reproduce the testimonies of those who knew Ali Askhadovich Shogentsukov. In the scientific archive KBIGI fund is formed of such memories, which gradually replenished thanks to the work of search.

Previously, they were published in the Festschrift «Issues Caucasian philology» (December 17, 2010. № 8), issued on the 110-th anniversary of the kabardian poet.

Maryam Bertovna shares his early memories of his father Bert Gurtuev's friendship with Ali Shogentsukov (accession number 2978. The fund 16. Inventory 1. Pt. storage 39). The material has been prepared for publication by manager Scientific archive KBIGI A.K. Shaparova.

Keywords: deportation, a memory, consolidation of youth, national literature, the author's folklore.

Къэжэр И.А.

ГЪУКІЭКЪУЛ ДАУТ И ПОЭМЭХЭМ ТЕУХУАУЭ

В статье раскрывается специфика художественного преломления исторического сюжета в поэмах «Асланбек» и «Крымгирей» современного черкесского автора Даута Гутякулова. Основной интерес представляет обращение поэта к слабо «освоенным» адыгским художественным сознанием эпизодам – судьба адыгов, оставшихся на исторической родине после исхода основной части населения в Турцию и некоторые события русско-японской войны. Особое внимание уделяется общим, для обозначенных произведений, закономерностям в воссоздании пространства, времени и способам психологического портретирования центральных героев.

Ключевые слова: история, этнос, событие, сюжет, пейзаж, сравнение, герой, портрет, закономерность.

2007 гэм Къэрэшей-Шэрджэсым къыщыдэклат «Тхыдэм и джэ макъ» фІэщыгъэцІэ зыгъуэта тхыль цыкІу. А фІэщыгъэцІэм ІупщІу къыгъэнаІуэрт тхылыр зэзыгъэпэща поэмитІым – «Аслъэнбэчрэ» «Кърымджэрийрэ» – ящІэль гупсысэхэр зытеухуар. Тхылыр зи ІэдакъэщІэкІ ГъукІэкъул Даут лъэпкъым къыкІуа гъуэгуанэм щыщ пычыгъуэхэр къипщытэжурэ, цІыху щхъэхуэм и гъащІэ Іыхъэр абы къызэрыхэщ щІыкІэр Іэзэу къыхигъэщхъэхукІырт.

ТхыгытІми тегъэщІапІэ яхуэхуар шэрджэс хыбархэращ. Зым и лыхъужь нэхъыщхъэу къэувыр ДжэдыгущІэ Аслъэнбэчщ, адрейм – Дохъушыкъуей жылагъуэм и пщы уэлийуэ щыта Кърымджэрийщ. Лъэхъэнэ къыгъэлабгъуэр – ХІХ лІэщІыгъуэмрэ ХХ и щІэдзапІэмрэщ. А зэман гутгум къриубыдэ къэхукъащІэхэм щыщ ГъукІэкъулым нэхъ къыхигъэщхэр Урыс-Кавказ зауэр, абы кърыкІуа истамбылакІуэр, Урыс-Япон зауэр.

Гугьуплэхэр зи бэ цыху гьащлэмрэ, лъэпкъ кызыхэкIам кыхудэкI гьэунэхуныгъэ мыухыжхэмрэ я Iыхлагьыр лъабжьэ быдэ хуэхуу кыпщоху ГукIэкьулум и поэмэхэм щыхуа дунейм. Ауэ «Аслъэнбэч» поэмэм лъэпкъ тхыдэр псом япэу гьащлэм и теплэгъуэу хуар здыщукъэдия къэхьугъэу кыщыщтамэ, «Кърымджэрийм» ар цыхум и дуней тетыкIэм и пщлэр кызыэралыгътэ мардэу къегъэув.

Гугъуехъ Iэджем пэщлэувэн хуей мэху Джэдыгущлэ Аслъэнбэч, поэмэхэм я зым лыхъужь нэхьыщхэ хуэхуар. Кызыщальхуа щыплэм ар натлэрыуаплэ щохури, и Хэкур ибгынэн хуей мэху, «шу закъуэу Тыркум мэлэпхуэж», гъэ зыбжанэкIэ къэтауэ щигъээжым, и нысэ нэмысыншэмрэ, абы хуэжыIэщлэ и къуэш нэхьыщлэмрэ бэлыхъ хадзэ. «Къелыплэу» къигъуэтыжыр зауэращ. Урысыдзэм къулыкъу щызыщлэ и шы нэхьыжъ Фыцлэм Аслъэнбэчыр дзэм хешэ, ауэ, сэлэт мэжэ-лIахэм ялэжъ Iуэхугъуэ хьэлэчым пэщлэувэн хуей мэхури, лыхъужьыр лъэхуэщымкIэ кыщыщлэдзыж. Ауэ тутнакым ихуа иужькIи ар тутнакысхэм я деж пщлэшхуэ щилэурэ йокIуэкI: «Абдежым ар цытхъэ пэлъыт / А «зонэм» хуат я щхьэгъэрыт»¹. Цыхум и напэр, и щыхьыр зэрихьумэжыф щапхъуэ къоув лыхъужьым и къекIуэкIыкIэр, абы дэщлыгъуу иджыри зы гупсысэ унэтIыныгъэм мы поэмэм зыщрегъэужь – ар цыхум кылыбис насып Iыхьэр мыгуэшу зэрызэхэлъырщ. Къапщтэмэ, а гупсысэращ Аслэбэч и хыбарым «хэзыгъэгъуазэ» хуэхужри:

Пумылхъэфыну зы цыху гуапэт,
Щимылэр зыт абы дунейм,
Мы гьащлэр хышхуэу шыкьубейм –
Насыпщ абы дэ дызэреджэр,
Къэщлэф ар уэ зыдэлъ къуэладжэр!

«Акылым кымытIасэ Iуэхуш» зыхужалэм хуэдэш лыхъужьым кIуэдыкIэ хуэхуар. Апхуэдиз къэхьугъэ хьэлэхэм япсыхъа лыр, мызэ-мытIэу лэныгъэм Iущлэурэ IэщлэкIыфар, щэхурыпхуэу къаукI и къуэш нэхьыщлэ Къарэбэчырмэ абы и къуэмрэ. Хыбарым и зыужьыкIэм, къэхьукъащлэхэр зэрызэкIэлыхъа щыкIэм тепщыхьмэ, дауи, Аслъэнбэч хуэбгъэфащэ хуну Iыхьэр нэгъуэщIт: гьэунэхуныгъэ зэкIэлэхьэужьым кIуэцIрыкIыфа цыху щэджащэр апхуэдэу «IухыгуафIэ» хьуным зыкIи упэплэеркьым. Нэхьри, а теплэ-

гьуэр къызылузых пейзажым и мамырыгъэми утрешыр. Ией гуэрым и нэгъыщэу зыкӀи зэрызыкъуимыгъащӀэр къыдогъанэри, гугъапӀэ нэхум ухуишэу къыпщохьу:

Май мазэт. Жыгхэр къэтӀэпӀауэ,
Дунейм лъхуэн-пӀэныр къыщӀидзауэ,
Удз зи цӀэу къэкыр къыхэпщат,
ЩӀым гъащӀэр бжъэцу къыщыпщӀат».

Апхуэдэ ухыгъэ зэуэзэпсыр егъэлеяуэ зэхуумыщӀэнкӀэ Ӏэмал иӀэкъым, гупсысэ хьэлӀэхэр уэру къегъэщӀ, лъыхъужьым илъ и шы нэхъыщӀэ Къамбот зэрищӀэжамкӀи мыхъэнэшхуэ хумылгагъуэжу. ГъащӀэ гугъуми, тхыдэ гущӀӀэгъуншэми дапхуэдизрэ ямыгъэунэхуами, лъыхъужьыр зыхуэпэжа захуагъэм икӀэм бжъыр щылымысауэ жыпӀэ хьунуш: насып зыхуэфашӀэр насып лъэпкъ ӀуплӀэжакъым.

«Кърымджэрий» поэмэм къыщыхэгъэщхьэхукӀа зэман пычыгъуэм Ӏуэхугъуэ нэхъыщхьэу хэтлӀагъуэр – истамбылакӀуэм щыгъуэ Хэкум къыщынэжыну къыхэзыхахэм къалгыса мыгъуагъэхэраш. Урысыдзэхэм адыгэщӀым щыпсэу цӀыхухэр пщылыпӀэ ирагъэувэн папщӀэ, Ӏуэху мыхъумыщӀэ Ӏэджэ зэрахъэу щӀадзат:

Урысыгухэм захуэжат.
Ахэр хуейтэкъым мы псыхъуэм,
Я Ӏуэху ену къыщыутхъуэм,
Къыдэнэну ллакъуэм щыщ,
ИрелъыщӀэ ар, ирепщӀ!

Апхуэдэ Ӏуэхугъуэхэм языхэзым пэщӀоувэ Аслъэнджэрий «щӀалэ пщтырыр» – Дохъушыкъуей пщы уэлийм и шы нэхъыщӀэр. А щӀалэр шыбз хакӀуапщӀэмрэ шыхъуэмрэ я бзэхыкӀэ гурыӀуэгъуейм ирибамщӀэурэ йожъэри, ар къэзакъхэм я Ӏужьу зэрыщытым ӀуошӀэ. Гуартэри, шыхъуэ лъыжьри ӀэщӀигъэкӀын папщӀэ Аслъэнджэрий къэзакъхъэм кӀэлъопхьэр, кӀуэрыкӀуэм тету Ӏлум я щхьэр фӀех, зыр ӀэщӀокӀри щӀопхъуэж. А къэхуам адыгэ жылагъуэ тӀӀэпхъэ хъуар бэлыхъым хуешӀ. Армырми лъэхълӀэпщӀу ухуауэ щыт мамырыгъэр напӀэзыпӀэм зэрылӀэбжынуур, абы тету урысхэм цӀыхупсэ къомир ямыгъэну къызэрамыгъэнэнур псом я дежкӀи нахуэщ. Мис апхуэдэ

Іуэху щытыкІэ гугъум хэкІыпІэ кыыхигъуэтэну кыыхудокІ Кърымджэрий пщым.

Поэмэ зи гугъу тщІым нэхъыщхъэу ІуэхугъуитІ кыыщыхобелджылыкІ. Зыр зытеухуар цІыху щхъэхуэ – адыгэ-пщым – кыыхудэхуэхэращ: дзыхъ кыыхуэзыщІ жылагъуэм кыыщхъэщыжурэ уэркъ хабзэр зэригъэпэжыр, уэркъыгъэм и кумылэу щыт цІыхугъэм зы мэккъалкІи зэрыбгъэдэмыкІыр. Къапщтэмэ, уэркъ хабзэм и зэхэлъыкІэ щэджащэм теухуа гупсысэхэр иджырей адыгэ поэзием кІэщІ-кІэщІурэ кыыщыхохъэ (шэрджэс усакІуэ Бемырзэ Мухъэдин и къалэ-мыпэм кыыщІэкІа «Ди лъэпкъ пщы-уэркъхэм я фэепІу» (2001)² тхыгъэри абыкІэ шапхъэ хъарзынэу къоув), ауэ нэхъ щІэщыгъуэу поэмэм кыыхыхъэр Іуэхугъуэ етІуанэращ – ар Іэпхъуэжын зымыдэу Хэкум къина адыгэхэм я къекІуэкІыкІэ хъэлгэращ. Ахэр зыри кызыщымыкІ щІылгэхэмкІэ кыІуа-гъэкІуэту зэрыщытар, лъэпкъышхуэ текІуар къайгъэ кызыхэкІын Іуэхухэм етауэ зэрыхуэлэжьбар зэкІэ къэбэрдей-шэрджэс поэмэм щыукъуэдиякъым. АбыкІэ ГъукІэкъул Д. «лъагъуэщІэ» кыыщигъуэтауэ жыпІэ хъунуш.

Лыхъужьхэм и хъэл-щэныр кыызэригъэлъагъуэ щІы-кІэм и гугъу тщІынщи, ахэм я кыызэрымыгуэкІыныгъэм усакІуэр ехъэжауэ топсэлъыхъ. Абдежым я теплгэр зэи кыыщыхыхъэркъым, цІыхум и щытыкІэр къэзыІуэтэжыр Іуэхугъуэ илэжхэращ. Апхуэдэ еплъыкІэм ГъукІэкъулыр мащІэу кыыщыбгъэдэкІыр зэ закъуэщ, ар цІыхубз теплгэм щытепсэлъыхъ теплгэгъуэращ, ауэ абдежми ІуэрыІуатэм нэхъ пэгъунэгъу псалгэ зэпыщІэныгъэхэмкІэ Іуэхур зэфІегъэкІ:

ПхуэмыІуэтэну Цацэ дахэт,
ІупІа цІыхухъур зытемахэт,
Нурыбэ нэкІу, гуфІей сэхъуат,
Лы акъыл куэд зыгъэутхъуат.

Куэд къытхуэзыІуатэ Іэмалхэм ящыщ зыуэ ГъукІэкъулым ифІэфІу къегъэсэбэп зэпэщІэувэныгъэхэр. Апхуэдэу, «Аслъэн-бэч» поэмэм кыыщыхохъэ езы Аслъэнбэчырэ и къуэш Къарэбэчырэ я зэпэщІэувэныгъэ пхъашэр. Къарэбэчыр кыызэрыгъэлъэгъуар цІыху жыгъейуэщ, и щхъэгъусэ Цацэм игъахъэ Іуэху Іейхэм сытки зыдэзыщІ лы мыхъэнэншэу. Лыхъужь зэмыщхъхэм я гурыгъу-гурыщІэхэм и зыужьыкІэри

ГьукIэкьулым кьызэриуэтэжыр зэкIэлъыхуауэщ. Нысэ нэмысыншэм кьыкIэлъызрихьэну хэта хабзэншагьэм унэр иригьэбгына нэужь, Аслъэнбэч и гурыгьу-гурыщIэхэм я щхьэусыгьуэмрэ Къарэбэч ейхэмрэ «зэпэджэжыныгьэ» хьэлэмэт кьагьэщI. Къарэбэч лыгьэншэр псом нэхьрэ нэхь зытегузэвыхьыр и псэращ; и кьуэш лъэрызехьэм IущIэжмэ, яущэхуа Iуэху мыхьумыщIэм текIуэдэнкIэ зэрыхьунум. Асланбэчыр гупсысаем етхьэлэ, «нэмыс хаутэжам», «зэшыгьэ я кум щылажам» и дунейр кIыфI кьыхуащI, и къарур хуэм-хуэмурэ IэщIах.

Лыхьужь нэхьыщхьэхэм я IуэхущIафэхэр кьыхэзыIэтыкI Iэмалхэм щыщу нэхь гьэщIэгьуэну тхыгьитIми кьыщыкIуэр щIыльгэм, дунейм ягьуэт теплээхэращ. ГьукIэкьулым дунейм кьыщыхигьэщхьэхукI теплээхэр бзэ кьызэрыгуэкIкIэ кьелуэтэж, ауэ абы щхьэкIэ зэхэщIэныгьэ щхьэхуэ гуэрхэми нэхь пэгьунэгьу ухуимыщIыу кьанэркъым. «Аслъэнджерийм» хэт пычыгьуэхэм я дэтхэнэ зыри кьэзыублэр дунейм и теплээгьуэ кIэщI цIыкIухэращ, абыхэм кьагьэщI гурыщIэхэм хуэфащэжурэщ кьэхьукьащIэхэми зэрызыкьагьэлагьуэр. Ауэ кIэухым и закьуэу апхуэдэ щIыкIэм зэрызыдимыщIми поэмэм и лъэщагьым нэхьри хегьахьуэ.

Гу лыбумытэнкIэ Iэмал иIэкьым, «Аслъэнджерийми» «Кърымджерийми» хэзыгьэгуазэ яхуэхьуа пычыгьуэхэм я зэщхьыкIэм. Туми зы теплээр кьыщыгьэсэбэпащ – ар лъэныкьуабэ хьуа мывэ сынхэр зи бэ шэрджэс кхьэлъахэращ. Мыбдеж сынхэр дуней тетыкIэ зэмыщхьэхэм я теплэу кьыщыщтащ: «зым жыг кьудамэр щхьэщыгьтщ, адреир «зейм и гүм ещхь хьужауэ, / Кхьуэбанэм хэтщ кьэпIэнкIыжауэ». Ауэ сынхэм я теплээхэр дапхуэдизу зыщхьэщидзми, псоми я щIыб кьыдэту тлагьур щэджащэу дахэ дунейращ. ИтIанэ, мыхьэнэ хэха хьыболъагьуэр езы кхьэм и сурэтыр щIыпIэ Iэтам зэрытешIыхьам:

Бгынежа абгьуэу Инджыдж бжьэпэм,
Пыжьей мэз банэм бгыр здихуапэм,
Щыльщ кхьэжь, блэкIам и джэрпэдэжэ,
Гур гьащIэ кIуам пфIылузгьэщIэж!

Аслъэнбэч

ПычыгыуитЫр щызэпэпльытэкIэ, абыхэм ди нэгү кышцIа-
гьэувэ щыпIэхэм хуиту зэщхьэщыкIыныгьэ зэрамыIэм тынщү
гу льыботэ:

Уплгэм жылэм нэхъ и пщалуэу,
Узбгьэдишэм фIэфIу налуэу,
Тельщ цхьэзакъуэу зы кхьэлбахэ,
Iуашхьэ щыщхьэм хэмыбзахэ.

Кърымджэрий

Апхуэдэу, щIагьыбзэ Iэмалхэр здигьэIэпыкьуурэ, ГьукIэкьул
Даут гурылуэгьуафIэ тщещI блэкIар ди нобэрей гьащIэм
«хэмыбзахэу» зэрыщхьэщытыр. ГьэщIэгьуэнраци, а блэкIам
и пычыгыуэхэр налуэ кышцищIкIэ, фIыуэ дызы-щыгыуазэу
кытщыхьу кьэхьукьащIэхэм ящIэлъ цэхухэм зрипщытгэну
хэтщ: Хэкум кынауэ цыта адыгэхэм я псэукIэрауэ, е Урыс-
Япон зауэм и теплгьэгуэ шынагьуэхэрауэ кьэтщтэнци.
Ахэр иджырей кьэбэрдей-шэрджэс поэтием зэкIэ гулгытэ
зыхуимыщI Iуэхугьуэхэм ящыщ зырызхэращ. Ауэ шэрджэс
усаклуэр дэзыхьэх Iуэхугьуэу хьуам я пэм къригьэувэр
нэгьуэщIщ: зи цIэхэр тхьдэм кына цыху кызырэгуэмыкIхэм
я дуней гьащIэм кьащылгыса насып Iыхьэм и зэхэлгыкIэ
гугьуращ.

ЕIУЭЛИАПХЪЭХЭР

1. Гутякулов Д. Зов истории. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 2007.
2. Бемурзов М. Адыгом бытгь нелегко. Нальчик: Эльбрус, 2002. 120 с.

I.A. Kazharova

ABOUT DAUT GUTYAKULOV'S POEM

Specifics of the artistic refraction of the history plot opens in article in poem «Aslanbek» and «Krymgirey» modern circassian author Daut Gutyakulov. The Main interest presents referencing the poet to weakly «mastered» artistic consciousness circassian episode – a fate circassian, remained on history native land after upshot of the main part of population in Turkey and episodes russian-japanese war. Emphases is spared general for marked product regularity in reconstitution space, time and way of the making the psychological portrait of the central heroes.

Keywords: history, nationality, event, plot, landscape, comparison, hero, portrait, regularity.

Хъэвжокъуэ Л.Б.

«СХУЭМЫПУАТЭ ГУЭР СОУС...»*
(ХъэЛунэ Дж. и усыгъэм теухуауэ)

*Зыр зым пезмыдзыхыу,
Къарур сицлэзыха
Макъамэ зэхэсхыр –
Зэм псалъэкIи стхащ.
ХъэЛунэ ДжэбрэИл*

Данная статья посвящена поэзии известного кабардинского композитора и поэта Джабраила Хаупа. Здесь впервые представлен анализ его стихов, которые до сих пор не были опубликованы. Основной акцент делается на мотивах лирики поэта, а также на поэтике и художественном оформлении стихов.

Ключевые слова: композитор, поэт, лирика, песня, поэтика, художественный образ.

ХъэЛунэ ДжэбрэИл Къубатий и къуэр къомпозитор Iэзэу зэрыщытым куэд шыгъуазэщ. Абы и Iэдакъэ къыщIэкIахэм ящыщу нэхъ цIэрылуэ хъуащ Тхъэгъэзит Зубер и псалъэ щIэлъу япэ дыдэу 1962 гъэм иуса «Си гъатхэ» уэрэдыр. Апхуэдэуи, абы макъамэ щIилъхъащ ди усаклуэ пажэхэм – КIыцокъуэ Алим, Бещтокъуэ Хъэбас, ищхъэкIэ зи цIэ къытIуа Тхъэгъэзит Зубер сымэ – я усэ куэдым. ШыщхъэIум и 25-м, 1975 гъэм абы макъамэ щIилъхъауэ шытащ Бещтокъуэ Хъэбас и «Сыт пхуэсцIэнур, сигу?...» усэм. Абы лъандэрэ зэман дэклами, куэдым фIыуэ ялъэгъуа а уэрэдыр ноби ди уэрэджыIаклуэхэм «зэIэпахьу» ягъэзащIэ, ар лъэпкъ щэнхабзэм къыдогъуэгурыклуэ.

Ди усаклуэхэм зэрадэлажьэр абыхэм я усэхэм макъамэ щIилъхъэу дунейм къытехъа уэрэдхэмкIэ налуэ къэхъуми, нобэкIэ

* ХъэЛунэ ДжэбрэИл и усэ сатырщ.

мащIэщ цыгъуазэр Хьэлупэ Джэбрэил езыр зэрыусакIуэм. Абы и усэхэр газетхэмрэ журналхэмрэ кызыэрытехуар мащIэ дыдэрэщ, тхылъ щхьэхуэуи кыдэкIауэ щыткым. Ауэ абы и усэ зыбжанэ ихуащ «Люди искусства» сериём хэту 1992 гъэм урысыбзэкIэ Налшык кышщыдэкIа «Джабраил Хауа ♦ Заур Тутов» тхылъ цIыкIум. Ар зэхэзыльхъауэ щытар Хьурей Фатимэщ.

Дахагъэр, къабзагъэр и пщальэу, адыгагъэр и лъабжьэрэ адыгэпсэм кыбгъэдэкIыу тхащ Хьэлупэм и усэхэр. Абы и Усыгъэ Дунейр кууш, гъунапкъэншэщ. Ар дыкъэзыухьурейхь дунейм кызыэрыщхьэщыкI цIагъуэ щыIэкъым: абы дыгъи кышщопс, уэшхи кышщопш, уэи кышщох; абы и уафэр зэм пшэ фIыцIэхэм яфэбгъу, зэми зеукъэбзыжри гугъапIэ нэхухэм гур хуеунэтI; абы и щIыльэр зэм щхьуантIагъэм зэщIэщтэ, зэми бжыхьэ пщIащэу мэхуэлэж. А псоми зэщIыгъуу къагъэщI гупсысэщ, усакIуэпсэм кышцагъэуш гурыгъу-гурыщIэ зэмылIэужыгъуэхэрщ къэзыгъэщIри мыпхуэдэ сатырхэр:

Зыр зым кIэлъыпхъуэу
Къэсхъуэпс мэскалхэр
ЗэрыхэлыкIыу сохь си дунейр.
Зэми нэщыпхъуэ
ПщIыхь-губгъуэм сиплгэм –
СыкIалхужыну сфIошIыр Iоней!
Зыр зым кIэлъыпхъуэу...

«Псым и жапIэ езым къегъуэтыж» жаIэ. Джэбрэил и гушIэм кышщIэж псынэпсыр тIууэ зэкIэщIожри зым макъамэмкIэ, адреим – усыгъэмкIэ еунэтI, ауэ ахэр тIури ГЪУАЗДЖЭКIэ зэдэжэ псышхуэм щызэхолъэдэж. Абы и щыхьэтщ Хьэлупэм и усэхэм укышщеджэкIэ зэхэпх уэрэдыр – усэхэр зэрызэмышщхьым хуэдэу, абыхэм къахэлукI макъамэхэри зэмылIэужыгъуэщ. Ахэр гъэпсащ сатыр къэскIэ макъхэр щызэщIэжыуэрэ, усэм и кIуэцкIэ щыпхырыша гупсысэр яшэщIу. Джэбрэил и усэхэм я кышщхьэщыкIыныгъэщ ахэр АДЫГЭБЗЭ БЗЭРАБЗЭКIЭ зэрытхар. Къэтхьынщ зы цапхъэ:

Уи нэ кугъуэм зы гъуэгу кIыхь,
Бжыхьэ хуэкIуэу щIокIыр.
ГукъэкIыжхэм сахочыхь,
Бжыхьэ зэпесхуэкIыу.
Уи нэ кугъуэм зы гъуэгу кIыхь...

«КIыхь» – «сахочыхь», «щIокIыр» – «зэпесхуэКIыу» псалъэ зэпэ-джэжхэмкIэ усакIуэм IэкIуэлъакIуэу кыигъэщIа кIэух рифмэхэм нэмышI, ищхьэкIэ къэтхьа едзыгъуэм ущрохьэлIэ сатыркIуэщI рифмэм («кIуэгуэм» – «гъуэгу»), Iуэрыгуатэ (адыгэ, народнэ) риф-мэм («кIыхь» – «бжьыхь», «сахочыхь» – «бжьыхь»). Едзыгъуэр зэ-рыщыту къапщтэмэ, абы и кIыхьагъкIэ щызэподжжэ я IукIэкIэ зэпэгъунэгъу псалгэхэм къытрагъэзэжурэ къыщыкIуэ гъу, хь, кI макъхэр. Абыхэм усэм и ритмикэр яшэщI, ар къеджэгъуафIэ, гукъинэж ящI.

Апхуэдэу шэщIауэ, рифмэхэмкIэ къулейрэ укыщеджжэкIэ зытепсэлъыхь къэхьугъэм и макъ кыххэлукIыу гъэпсащ Джэб-рэил и дэтхэнэ усэри. Псалгэм папщIэ, бжьыхьэм щыхуэусэкIэ усэм хэт псалгэхэм Хь макъыр ебэкIмэ, уэсым теухуа усэм и кIыхьагъкIэ щызэхох Ц-С макъхэм я зэпэджжыр:

Шыц уэсыр есу уэм щокIуасэ,
Шыц уэсыр къесу нэху согъэщ.
Таурыхь зэмышхьу щхьэм къитIасэм,
Нэщыпхьуэ сIыгъыу къысфIагъэщI.
Шыц уэсыр есу уэм щокIуасэ...

Уэсым и щабагъым и щыхьэту усэм куэдрэ къыщытрегъэзэж Щ макъми. Гу зылъыгта Iуэхугъуэхэм къызэрагъэнаIуэщи, Джэбрэил и усэхэм зы псалги, макъи лейуэ хэткъым, ахэр псори тхыгъэм и кIуэщIкIэ щызэдолажъэ.

Бзэм и Iэмалхэм ящыщу Хьэлупэм и усэхэм нэхьыбэрэ ущрохьэлIэ зэгъэпщэныгъэм. УсакIуэм кыигъэщIын лъокI ады-гэ усыгъэми, нэхь убгъуауэ къапщтэмэ, дунейпсо усыгъэми зэи кыхэхьыхуа Iэмал щIэщыгъуэхэр. Апхуэдэхэщ, псалгэм папщIэ, мы зыгъэпщэныгъэхэр: *зэш-шынахьыщIэ, шугъусэ-зэш, зэш-пшэху, зэман-лэныстэ, дуней-шкIахьуэпщыцIэ, щэдж мыIуауэ зэтэль псалгэ, уафэ-чысэ, арджэныжь тхыпхьэ-гъащIэ, пшыхь-гуцэ, гукъеуэ-щIопиц, дауц-щащыху, къазшыр-вагъуэхэр, хуцхьэгъуэ-гъащIэ, псэ-арджэн, псэ-чысэ, псэ-ужэ, жэц-архьуанэ, щхьухьпсыхьыпIэ жэц, жэщыр – зэш лэгъунэщ, уанэш-пшыналъэ, хьуапсэ-пшэрыхь...*

«Гупсысэ» жыхуиIэ псалгэ закъуэм епхауэ кыигъэщIа зэ-гъэпщэныгъэхэр щыбжыгъэншэщ Джэбрэил и усыгъэм: *хьэщэхурьпхьуэу гум къыщызыжыхь гупсысэ, псэдэж-гупсысэ, гупсысэ-щыгъэ, гупсысэ-пцэхьу, гупсысэ-шылэхьар, гупсысэ-шхэпс, гупсысэ-уэнишэку, дзыгъуэжъбын гупсысэ...*

Гьэщцэгьуэнц, кууц икИи щцэгьуэщ Хьэлупэм и усэхэм щыпхрыша гупсысэхэри, ахэр усакуэм кьызэриуатэ щыкIэхэри. Абы и дэтхэнэ усэ сатырри «поэзии льягэ» хэлэрэ, эстетикэр и пщальгьу гьэпсащ. Щапхьгьу кьэпхь хьунуц абыхэм языхэзри: «Дахагьэм и чысэр / Псэм уагьгьу ещыж»; «Уэрэд псалъэнишэм игьэхьей / Дунейр хуэмей шынауэ»; «ТэкIу пасэIуэу гуль тIэпIахэр / Бжьэхуцыщхьгьу жьым дохьей»; «КIыфIым ськьыхэкIым – кIэгьуасэмэт жьэгур, / Шыгьуэгубжэ дазэм бзу гуэр кьысхудэплт...»; «Дыгьужь нэщIауэ си псэр сиIоуцыкI»; «...Ауэ кьосыр щIымахуэр / Чэсей налхэр Iулхьэлбу»...

КьаIуатэ гупсысэ, ящцэлъ щцагьыбзэ и лъэныкьуэкIэ усакуэм и усэ сатырхэр афоризмхэм (псалъэжьхэм, псалъэ шэрыуэхэм) щыхуэкIуэри мащцэкьым. Псалъэм папщцэ, фочышгьу кьилгьэлхэрэ гущхьэм зэпхидзу гьэпсащ мыпхуэдэ сатырхэр: «Хьуапсэм зи псэр ириIар / Дунейм хуэгумахэщ»; «Тыншыгьуэм емысам / И гьащцэр сыру ехь»; «Бжьыхьэр Iэпэлъ щхьэкIэ – / И кIэр жьапщэ уджщ»; «Зи хулъэ изыр кьазыхьуу мэкIий»; «Щхьэж, имыщцэжми, едыжыр и фащэр! / Уэрэд хэмытым – дунейжьыр дьиджщ»; «Кьабзэ псори нэ техуапIэщ»...

Тематикэ и лъэныкьуэкIэ Хьэлупэ ДжэбрэIил и усыгьэм кьызэщцэубыдэ уафэми, щыльгьэми, хьэршми епха Iуэхугьуэхэр, нэгьуэщцу жыпIэмэ – зэрыдунейуэ. Псом хуэмыдэу усакуэр егьэпIейтей лъэпкьым и блэкIам икИи тогузэвыхь абы и кьэкIуэнум.

Кавказыр узу зыпкьрыг кьэралым

Хьэлэбэлыкьыу ноби ирехьэкI.

Пщэдей кьэкIуэнур мы уз зэрыщцалэ:

Лъэпкь мащцэ псори зыхьыжын льыкIпсыкIщ.

Кавказыр узу зыпкьрыг кьэралым...

щыжелэ абы и зы усэм. БлэкIар ноби узу кьыдэфыкIми, апхуэдэ льыкIпсыкI ди Хэкум кьимыхьуэжын, дьапкIэ адыгэм и щхьэ мыгьуагьуэ кьримыкIуэн папщцэ, усакуэм ЩыпIынэ Аслгьэн и фэеплбу итха усэм и кIэух сатырхэмкIэ Ухыгьэм мыпхуэдэу зыхуегьазэ:

Иджырей нобэм и пщыхьэщхьэм

СьхигьэпIгьакьуэу сьы дуней,

Дауц-щашьхур кьыщхьэщыпхьэу,

Кьэхьумэ лъэпкьыр, гуащцэр зей!

Льэлү

«Лэужыр бжыблклэ мауэ» жейэ адыгэ псалгэжым. Хъэлупэ Джэбрэил усакуэпсэ Iуту кызыериггэщлар зыгуэрклэ епхьэллэ хъуну кыщлэкынуш и анэм и лъэныкыуэклэ ар кызыхэкклэ ллакыуэм – Пашлэ Бэчмырзэ и пхъурылгыуу зэрыщытым. Ауэ и анэшымыкклэ кыкклауэ Джэбрэил и лъынтхуэхэм щызежэ лбыр нэхъ жыжъэжи кыщожъэ, зэ еплъыгыуэклэ узэригуггэнуу нэхърэ нэхъ гуащлэжуи кыщлэокл. Абы и щыхьэтщ усакуэм и адэшхуэ Бэчмырзэ и анэжыр (Слъонхэ япхьут) кыщалгыуа кыуажэм – Дыгъужыкыуей (Аушыджэр) – хуиггэпса усэр. Абы щызэлъэщлысащ усакуэм и Хэкуми, и Iыхьыхэми, зыхуэусэ жылэжымы хуилэ гурыщлэ кыабзэр, фылыагыуныггэ куур:

Уи лъапсэ сыкыхьэху,
Гупсэхуу соху жыджэр.
Уи ныджи тафи нэхуш,
Лъапсэж, Аушыджэр!

Уи лъапсэ сыкыхьэху...

Зыхуэусэ жылэм и цлэр нэхъ щлэггэхуэбжыауэ, хэкузауэ кыыхиггэщу усакуэм кыеггэщл Дж макымы и кыгтезыггэзэж зэщлэжыуэр: *жыджэр – ныджэ – Аушыджэр*. Абыхэм «ядежыууэ» адэклэ усэм кыыхохьэ *кыщиджэгуам, нэджэж, Шэрэдж* псалгэхэр. Нэггэуэщлу жыплэмэ, усэм укыщеджэклэ, абы и Iыхьагыкклэ щызэхох Шэрэджыпсымы и даущыр. Абы кыдэкуэуи, Андемыркыан Iыхьужымы и шымы – Жэманшэрыкы – и цлэр кыыхиггэхэкклэрэ Джэбрэил и усэм хуехуанэ зытеусыхь жылэжымы и тхыдэри (усэм кыыхэщыж Жэманшэрыкы шыр зейуэ щыта, зи цлэр тхыдэми Iуэрыгуатэми кыыхэна Андемыркыан Iыхьужымы и фэеплъ Iуащхэр Аушыджэр и Iэхэлъахэхэм щылэщ, ар щауыккы абы и «лъыпсыр зыхаша»^{*} Хьыу псы цыкылури а жылэм и Iэггэуэблаггэуэхэм деж Шэрэдж щыхохуэж).

И хэкумрэ лъэпкымырэ хуилэ фылыагыуныггэр Джэбрэил и усэм хэт зы сатырклэ, уеблэмэ зы псалгэклэ кыщигуатэ кыохуэ. Абы и Iэдакыэщлэкхэм кыыхэхуэрейщ адыгаггэм, адыгэ хабзэм, тхыдэм, гыащлэм и нэпкыжжэ зытелъ псалгэхэр: *арджэн, уэркыжжэ кыафэ, фащэ, уаггэ, дэнлъэч, удж, чысэ, шыкIэпшынэ, лэггунэ* нэггэуэщлэхэри.

^{*} «Шэрэджыккэпс (жери) Хьыуклэ псына гушцэмэ лбыр хашэ» – жейэ Андемыркыан и уэрэдым.

Хьэлупэ ДжэбрэИл и усыггэм и Гыхьэ щхьэхуэу кьоклуэ лъагьуныггэ лирикэр. Абы и лирикэ лыхьужьым и гухэлгыр нэхьыбэрэ нэщхьейщ, жэуапыншэщ, ауэ сытым дежи псэр иггэхьыщлэу гуащлэрэ гур иггэусэу Гэфлу гуггэ нэхуклэ гьэнщлэщ:

Гуггэ шшэхум кыпыху уаггэр
Гьатхэм и Гэрыклт.
Ди лэггунэ-уафэ щлаггым
Нэхульэфл дькыщиклт.

Дытехьамэ пианэ лъаггуэ...

ДжэбрэИл и усыггэ псом, зэм налуэ дьдэу, зэми нэрымылъаггуу кыхьэщ зэпытщ анэм и образыр. Дунейм темыгж анэмрэ, абы хуэзэш защлэу гьащлэрэ езыхьэкл бынымрэ я зэхуаку дэль псэ зэпыщлэныггэр куууэ, гум ешэкьыллэу хэхуэнащ абы и усэ куэдым. «*Клэртлоф уэздыггэр жэщклэ щлгытызганэр, – / Си анэм и фэеплэу араггэнищ*», – щлгыжиГэри аращ усаклэм. А зэпыщлэныггэр, уеблэмэ, зэгуэр жырри зыггэщэщэжыф зэманым нэхгэрэ нэхь льэщщ. Сыт хуэдиз ггуэгуанэ я зэхуаку дэмылъами, сыт хуэдэ щхьэусыггуэклэ зэпэлэщлэ мыхьуами, анэр сыт щыггуи быным и псэхгумэщ.

Кьурггакъ защлэ си ггуэгуанэм
Зэми сриплэжым:
Кысклэлгыплэу щыггщ си анэр,
Башыр и Гэдэжу.

Махуэ кьэс зыгуэр слэщлоклыр...

Хьэлупэм и усэ куэдым сабииггуэм епха гупсысэхэр щыпхрышауэ кыщыклуэри мащлэкьым, ауэ ахэр сабий усэу кьэплгытэныр кьезэгкьым. Атлэми, абы и языныкьуэ усэхэм я гьэпсыклэр сабий усэм и ухуэклэм (техникэм) тету, нэггуэщлэу жыплэмэ «псынщлаггэ», жьджэрагг хэлэу, нэхь куууэ ухэплэмэ, гушылэ щабилэ щлэлу кыщыклуэ щылэщ. Псалгэм папщлэ, «*Уэшхыр, паклэ-паклэу, / Махуих хьуауэ кьошх! / Щлгылэ лъэдакгачэм / Хуэдэщ щыдыхьэшх*» жыхуилэ едзыггуэмклэ кыщщидзэ усэ цыклум и кыхьаггклэ хьболгьаггуэ ищхьэклэ зи гуггэу тцла гушылэ щабэри, сабий гупсысэклэм и клапэлэапэ гуэрхэри. Ахэр щлэггэбыдэжаш усэм и ритмикэ «псынщлэ» шэщлэмклэ.

Ищхьэклэ щыжытла псори щыхьэт зэрытехуэщи, Хьэлупэ ДжэбрэИл и усэхэм адыггэ лгэпкь усыггэм щлгыплэ хэха щаубыд.

И ныбжьэгъухэм зэрыжагэмкIэ, езы ДжэбрэИл и усэхэр сэтей кьищIыну фIэмыфIыщэми, дэ дызэреплъымкIэ, игъуэ хъуащ ахэр утыку кыитхъэну, тхыльеджэм и пашхъэ итлхъэну, ди усагIуэ нэхьыфIхэм я IэдакъэщIэкIхэм бгъурыдгъэувэу щIэныгъэ лэжьыгъэ зэхуэмыдэхэр тедгъэпсыхъыну.

L.B. Havzhokova

**«I WRITE ABOUT THE UNEXPLAINED...»
(about Dzh. Naupa's poetry)**

This article is devoted to the poetry of the famous kabardinian composer and poet Dzhabrail Naupa. It first presents an analysis of his poems, which has not yet been published. The focus is on the motives of the lyrics of the poet, as well as the poetics and poetry decoration.

Keywords: composer, poet, poetry, song, poetic, artistic image.

А.Д. Болатова (Атабиева)

ПРИНЦИП ХУДОЖЕСТВЕННОЙ УСЛОВНОСТИ В РОМАНЕ З. ТОЛГУРОВА «БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА»

Предметом анализа в предлагаемой статье является специфичность реализации принципа художественной условности в прозе балкарского писателя З. Толгурова (главным образом на примере романа «Большая медведица»).

Ключевые слова: ассоциативность, образы-символы, художественная условность, миф, философское обобщение, символический реализм, метафорический подтекст.

Творчество писателя-символиста – всегда есть создание целостного художественного мира, управляемого своими внутренними законами. Этому миру свойственно особое образное воплощение реальности. В его пределах господствует своя иерархия жизненных и эстетических ценностей, сложные пространственно-временные отношения, понимание причинности и природы, соотношение вещного мира и человеческого сообщества; вереница предметных деталей, мыслей и чувств, широкий смысловой диапазон афористических словесных сочетаний. Закономерности индивидуально-художественного мира постоянно обнаруживаются в изображении реальности, и это пространство подчинено образно-символическим канонам специфического мировосприятия художника.

В выделенном аспекте проза балкарского писателя З. Толгурова представляет собой предельно оформленный, пластически гибкий художественный мир, в котором убедительно конкретно воплощены «общее и частное», индивидуально-личностное и общезначимое слагаются в органичное целое. В образной системе писателя неопределенное получает отчетливость, а просто вещь

нередко оформленное живого существа. И это опредмечивание весьма плодотворно. Толгуровскому почерку присущи тщательность и продуманность художественной структуры. Велика в этом жанрообразующая роль авторских ремарок. В типологическом срезе в сравнении с произведениями других национальных авторов, проза З. Толгурова стоит особняком в силу качественных особенностей. Она демонстрирует специфический реализм внутреннего переживания, превосходящий иные формы воплощения темы психологически проникновенной сложностью и глубиной. Каждое новое произведение – художественная находка. И вовсе необязательно для этого отходить от традиционных в литературе тем. Доминирующими свойствами в данном случае являются аналитичность, тяготение к символике, мифологизации и художественному обобщению.

В смысловом контексте толгуровской прозы каждый образ это эмпирический символ, несущий в себе определенную содержательную нагрузку. Вместе с тем немаловажное значение имеет и фон. Характер условности у Толгурова таков, что наравне с широкой употребительностью символов заметно наличие выходов в иные хронотопические ярусы, стремление автора синтезировать в своем творчестве прошлое, настоящее и будущее посредством монологов. Повествование идет по нарастающей: от предмета к анализу, осмыслению и резюмирующим тезисам; от иллюстраций и описаний к диалогической речи, к лирическим отступлениям, в которых отчетливо проступают философские сентенции автора. Развернутое ассоциативное мышление писателя во многом определяет выбор средств выражения его мировоззренческой позиции, индивидуальный подбор образных конструкций, выстраивание композиции произведений.

Рассмотрим в качестве подтверждения сделанным умозаключениям содержательные и структурные особенности романа «Жетегейле» («Созвездие Большой Медведицы»). При вдумчивом прочтении не сложно заметить такой значимый для поэтики Толгурова момент, как столкновение двух сфер действительности: сознание художника балансирует между реальностью и мифом. Произведение по своей содержательной фактуре совмещает материализованный мир и психологически достоверную условность. Тем самым, романное повествование выходит за логически очерченные пределы и вбирает в себя до-

полнительные, расширяющиеся символические смыслы. К ним подводит и эмблематичность художественных образов. Опорные образы, обрисованные в данном произведении, выхвачены из материальной действительности, но постепенно приобретают символический подтекст, сохраняя при этом свою «эмпирическую достоверность и подлинность».

Классическая форма повествования предполагает однократность воспроизводимых событий, их смену и несовместимость во времени. В романе «Большая медведица» событие соотносимо и с прошлым героев, и с их настоящим. Тематика произведения монументальна, принимая во внимание тот факт, что здесь нашли отражение идейные противоречия и социальные конфликты времен революционных преобразований на Кавказе. Автор ставит своей целью тщательно исследовать примеры столкновения различных убеждений и отследить путь нравственного и социального самоопределения личности в условиях кардинальных историко-идеологических перемен. Писатель естественным образом умеет перевести задуманное на язык условности, облечь индивидуальные ценностные представления в специфическую образно-знаковую систему. В романе имеет место событие, происходящее на грани сна и яви – это встреча неприкаянного духа умершего князя Нуха и главного героя Казака. Указанный эпизод полностью лишает читателя ощущения исторического времени, создавая фантастически ирреальную атмосферу. Примечательной особенностью этой сцены является сочетание условно-фантастической ситуации со скрытой за текстом реально-психологической мотивировкой – конфликтом идей. Неразрешенность конфликта между Нухом и Казаком обусловило его продолжение и после смерти одного из героев. Нух был убит бывшим своим батраком в годы гражданской войны. Он не был похоронен как подобает на кладбище, а закопан в яме у тропы возле реки. При жизни он слыл злым человеком, многих обманывал и умер без уважения (похоронен без савана), оставшись без вечного приюта, без успокоения, обреченный на вечные муки. Его дух витал возле реки в овраге и пугал людей леденящими душу проклятиями. Смысл его существования – месть. Такова действительность, поданная в индивидуальной авторской интерпретации.

Такую же функциональную роль выполняет в романе и сон Ахмата (отца революционера Аслана). Мотив сна, столь харак-

терный для поэтики символизма, обыгрывается писателем следующим образом: образ змеи («багъырбаш» – кобра) как олицетворение врага – старого мира с его патриархальными устоями, чья участь исторически предрешена. Три дня змея выползала из щели, подходила к месту, где спит Аслан, приподнималась и долго смотрела на него. Один ее глаз заплыл кровью и перебит хребет. Послышалась тихая мелодия, и змея вдруг встала на кончике хвоста и начала кружить над комиссаром. А через некоторое время разделилась надвое в том месте, где была рана, затем одна ее часть задержалась и упала в горящие угли очага. Символический подтекст этого эпизода легко угадывается читателем. Эти примеры убедительно демонстрируют, что мотив сна или видения всегда сопряжен с изображением ирреальности как параллельно сосуществующей действительности.

В прозе З. Толгурова, бесспорно, преобладает эстетика символизма, ибо автор любит вкладывать в свои образы мистическое содержание. Эстетизирование природы, факты исторического значения, увязанные с подробностями отдельной человеческой судьбы, находятся на одной орбите, а непосредственные жизненные связи отфильтрованы условными эстетическими нормами. Писатель обладает развитым ощущением связи слова со сферой его типового употребления, что и определяет сложную цепь ассоциаций.

Толгуров берется решить в своем романе довольно сложную задачу: проследить духовное развитие характеров, многоаспектно их раскрыть в ракурсе межличностных взаимоотношений. Жизнь в новой действительности многих лишила точки опоры, выбила из колеи, заставила пересмотреть привычные взгляды, по-иному увидеть существующую реальность. Оставалось выбирать: либо в корне изменить свои суждения, либо еще более укрепиться в определенных убеждениях. В этом аспекте неоднозначные взаимоотношения хозяина (Нуха) и слуги (Казака) следует рассматривать как проекцию сословного разделения, бытовавшего на тот момент, а их мировоззренческие установки – прямым следствием их социального статуса. Герои романа и в самом деле выстроены с соблюдением принципов традиционной антитезы. Вместе с тем существенно подчеркнуть, что Толгуров несколько отходит от традиции предшественников характеризовать героев в зависимости от их происхождения и сословной принадлежности. В оценке своих персонажей писа-

тель придерживается принципа исторической объективности, стремясь выявить определяющие черты характера и психологии, максимально проявляющихся в моменты наивысшего душевного напряжения.

Хорошо чувствуя «пульс» времени, балкарский прозаик сумел обозначить сущностные свойства отдельных героев, выводя так называемые психологические типы (таковы в романе образы Бекболата, Мамаша, Байдуллаха, князя Нуха, его дочери Саудат и др.). В эпоху, когда «многоступенчатая сословная лестница рушилась и налаженные веками патриархальные институты феодально-родового устройства жизни распались под напором новых» [3:126], люди, принадлежавшие к различным социальным нишам (такие как Нух и Казак), выражали собственное отношение к насаждаемой идеологии. Да она и сама по сути была в определенной степени противоречивой. При кажущейся стереотипности избранной проблематики, очевидна нацеленность автора на выявление причинно-следственной связи между событиями истории и поступками персонажей. Писатель избирает для себя форму, наиболее адекватную содержанию, способную с предельной точностью передать художественный замысел. Этому в полной мере способствует условно-символическая знаковая система, индивидуализация речи, монологическая форма передачи мыслей и переживаний героев, панорамность и одновременная конкретизация их внутреннего мира, двухвариантное соотношение сравнительных характеристик – те слагаемые, из которых складывается эпическое полотно романного повествования.

Язык произведения подчеркнуто афористичен. Тяготение автора к философским раздумьям, к отражению сурового пафоса жизни выявляются в словах: «Жашау, дуния – тирменди. Аз, кёп жашагъанны да ол ун этерикди» – «Жизнь и мир – подобны мельнице. Они перемалывают в муку и тех, кто давно живет, и тех, кто едва начал жить». Характеризуя историческую эпоху, писатель использует емкое сравнение: «Черекни теренине киргенге алгъа баргъан бла артха къайтхан да бирча къыйынды» – «Для того, кто добрался вброд до середины реки, продолжить путь и вернуться назад одинаково сложно». Образ-символ приобретает двузначность, совмещая свой прямой и переносный смысл, сливая субъект и объект сопоставления, проводя прямые аналогии.

Анализ формирования психологии и самосознания человека, его личностного самоопределения и социальной ориентированности становится доминирующим акцентом в романе «Большая медведица». Но мотив выбора присутствует едва ли не во всех произведениях З. Толгурова. Его герои оказываются вовлеченными в историю, находятся на распутье глобальных эпохальных событий в конкретной жизненной ситуации, требующей разрешения. Таков Казак, в ком происходит неустанный внутренний поединок чувства и долга, желаний сердца и голоса совести, мечты и жизненной необходимости. Казак – герой неоднозначный, сомневающийся, метущийся в поисках истины и единственно верного пути. Понимая несправедливость извечного разделения людей на богатых и бедных, видя пропасть между ним и любимой девушкой Саудат, он все же не спешит примкнуть к идеологам советской власти. Просчеты новой идеологии очевидны даже для него. Она не оправдала надежд и чаяний простого народа, а во многом шла вразрез с нравственно-этическими представлениями Казака о справедливости. Герой осознает двусмысленную сущность межклассовой розни и гражданской войны, неоднозначно и его отношение к прежнему хозяину. Привязанность Казака к семье Нуха вполне объяснима. Тем тяжелее герою определиться в жизни. Он не может всецело принять сторону Советов, видя как представители системы открыто проявляют необъективность в принятии важных решений и в трактовке позиций отдельных людей. Враждебно-агрессивный настрой новой власти к народу наводит Казака на мысль, что не стоит торопиться в выборе, а действовать обдуманно и отстаивать правду. Несмотря на свою необразованность и относительную неопытность, он способен распознать суть происходящего, проявив психологическую зоркость и даже политическую дальновидность в вопросах, касающихся объективной оценки исторической ситуации. Казак мучим чувством вины за неспособность сразу определиться в выборе пути. В романе на этот счет имеется высказывание автора о глине, никто не волен предугадать, что будет изваяно из нее, все зависит от того, в чьи руки она попадет. Так же попадает в зависимость и человеческая судьба. Расшатывание вековых моральных устоев неминуемо ведет к трагическим необратимым событиям. Обрубить связь с прошлым в одночасье столь же безумно, как дереву лишиться

опоры – своих корней. Судьба и жизнь Казака уподобляются писателем засыхающему дереву, птице, оставшейся без гнезда.

Трагична в романе и судьба князя Нуха. Устоявшиеся в обществе и закрепленные в художественной литературе предшествующих десятилетий в соответствии с идеологией, представления о богатом человеке подвергнуты развенчанию в прозе З. Толгурова. В отстаивании интересов семьи, рода и в защите собственности, доставшейся ему от предков, Нух видит смысл своей жизни. Несмотря на то, что этот человек является носителем индивидуалистической психологии и ставит собственную выгоду выше интересов простого народа, он однако не лишен житейской мудрости и прозорливости, но что еще более важно – предан родной земле. Имея реальную возможность отправиться в Турцию, оградив при этом себя от назревающей опасности и сохранить нажитое добро, герой принимает трудное, но единственно приемлемое для себя решение не покидать родину, остаться ближе к своему народу. Входя в число открытых врагов и жертв советской системы, Нух до последнего верен своей позиции, проявляя (если чувствует в этом необходимость) то твердость характера, то дипломатию. Ему достает ума понять, что агрессия не есть выход в сложившихся обстоятельствах. Хотя несправедливость новой власти и порождает в его душе ответную озлобленность. На «ныгышы» Нух выступил с убедительной речью, находя нужные слова и доводы: «Посмотрите на горы. Разве они равны – одни высокие, другие низкие. Посмотрите вокруг, разве деревья здесь одинаковы, скажите? Что же делать, если даже лошади разные; так и люди – одни беспомощны, другие – трудолюбивы, третьи – горды, четвертые – богаты, пятые – бедны. У каждого своя удача, своя печаль. Станете ли вы богаче, прибрав к рукам то, что принадлежит другому, пролив кровь соседа, сможете ли спокойно есть свой хлеб, замешанный на крови своих братьев». Эти слова князя оказались пророческими. Герой Толгурова хитроумен и дальновиден, умеет быть нарочито заботливым по отношению к слугам, обращаясь к Казаку не иначе как «сынком», одаривая его. Но это, одному Нуху понятный «маскарад».

Символичны мысли героя о непредсказуемом стихийном характере толпы: «Бегущее стадо – черная лавина, неуправляемая сила, все растопчет, разрушит на своем пути. Разве что, отойти в сторону, затаиться...». Народ воспринимается князем как

«черный муравейник, выбежавший из-под земли при первых обманчивых лучах солнца». «Хотя и огромна эта черная толпа, она только трава под серпом. А что не скосит серп, достанется косе». Совершенно очевидно, что это прямая аналогия с революцией и советской идеологией. В разговоре Нуха и Мамаша также употребительны иносказания. Если бедняков они называют «стадом», то Аслана – «спрыгнувшей первой овцой», а революцию – «ветром, дующим с гор». Подобные символические эпизоды изобилуют в тексте: «Князь Нух никогда не любил проходить мимо собачьей своры. Стоит одной огрызнуться в твою сторону, как все готовы накинуться. Хорошо, если у тебя в руках есть буханка хлеба или кость, можешь бросить их собакам, тогда и шуба цела останется, и те, кому кость не досталась, начнут грызться друг с другом»; в его понимании «Люди ничем не отличаются от животных. Встретишься с одним, взглянешь на него уверенно, поднимешь палку, и тот прижухнет, тут же хвост прижмет. Но, если их много, то не только звери или люди, но и камни становятся стеной, крепостью». Сидя у реки князь охвачен дурными предчувствиями, тягостными размышлениями («Ты, как и я, терзая берега, спешишь, плачешь. Верно оплакиваешь свою погибель, ведь затеряешься, влившись в бездонное море»). Человек, примкнувший к толпе, уподобляется влившейся в море и потерявшей себя реке. И тут же еще более яркое сравнение в продолжение того же синонимического ряда: «река, слившаяся с морем – человек, оторванный от своей земли».

Характеризуя несовместимость традиционного патриархального уклада жизни с идеологическими насаждениями, автор проводит следующие параллели-связи: «Мир – это мельничные жернова. Одни дают сверху, иные – теснятся внизу. Взобравшиеся наверх стремятся растолочь оставшихся внизу – это ли жизнь?! Жернова эти крутятся под напором некоей силы, а силу может побороть лишь другая сила»; «В одну борозду не вместить двух волов, каждый норовит вытеснить другого»; «Так же, как два медведя вряд ли уживутся в одной берлоге».

Внутренние переживания каждого из героев индивидуальны, их жизненные устремления разнятся, и выбор пути у каждого свой. В обрисовке внутреннего состояния персонажей писатель щедр на сравнения, метафоры, аллегории. Выражая собственные чаяния и надежды, иллюстрируя свое нынешнее положение

ние, довольство или недовольство таковым, демонстрируя свое отношение к тем, кто «находится по ту сторону реки», называемой жизнью, герои Толгурова ищут аналогии в природе, в предметном мире. Казак чувствует унижительность роли батрака («Хау, керти айтады, жалчы болмай, ким боллукъ эдим. Жалчы уа – мидел, къаудан, кесеу баш, ат кѣпчек, быкъы. Жукъ ангыламайды, кѣрмейди»; «Казакъны жюреги кысылып, бууулуп, кычырыкъ этеди. Уллу эмилик жюреги, тары бюртюклей гитче болуп къалады...Кюн тьякъ черекде сууугъанлай, жулдуз жарыкъ сууда эригенлей...»). Сравнительные параллели, антитезы-контрасты создаются из наблюдений Казака за природой. Герой внимательно следит за поединком двух раненных орлов в небе, а позже за тем, как коршун находит себе пищу. Завидев цель, он бросается вниз и поднимается уже с добычей. Жертва слишком крупная, чтобы легко взлететь, птица не расчитала силы и теперь ее жадность и инстинкт самосохранения вели между собой мучительную борьбу. Когда стервятник достигает двора Нуха, его убивают выстрелом из ружья и он падает ничком. Символический смысл этого эпизода не требует дополнительной расшифровки.

Метафорический или аллегорический способ передачи душевного состояния персонажей проявляется и на примере образа Саудат. Дочь Нуха оплакивает свою несчастную судьбу и несбыточные мечты («Уллу Аллах – бирлеге кюнню, айны да берип, башхалагъа жау чыракъ тутдуруп къояргъа нечик сюесе. Арбазымда балли, шаптал чакъдырдынг, энди барысы да – кюл: от жагъама къар жауа турады. Мени къадарым кемелей уллу эди, энди аягъымда окъа чарыгъымлай – гитче. Къадарым – къолумда сары алтын жюзюгом – ычхынып кетип, ташла ортасында зынгырададынг»). Драматизм ее судьбы заключается в неспособности примириться со своей участью и нежеланием приспособиться к жизни в советской системе. Она живет прошлым, в настоящем же – злоба от бессилия что-либо изменить и мрак помутненного рассудка. Писатель нанизывает и сцепляет воедино все детали, характеризующие душевные движения своих героев, через воспоминания и внутренние монологи, что придает романному повествованию характер развертывания мысли, нарастания психологического напряжения. Это своего рода эмоциональный ступок, впечатляющий, врезающийся в память, цепляющий за живое.

Символом прошлого, уходящего безвозвратно, служат в романе образы камня, скатившегося вниз, и листа, опадающего с дерева. В иной интерпретации трава и деревья, гнущиеся по направлению ветра, олицетворяют сам народ, становящийся слепым орудием в руках победившей силы. Жизнь же уподобляется художником стихийно крутящемуся веретену, а судьба нации – тонкой нити, едва выдерживающей его отчаянное вращение. Последовательно развивая философскую мысль о характере времени и месте человека в нем, автор вкладывает в уста Мамаш бия слова: «Адамла чаш-тюк – араларында кьутургъан суу – кечию жокь, хар адам кеси жагъасында, хар бирини ёз тыягъы...» («Люди разбросаны, разъединены – между ними взбушевавшийся речной поток – нет брода, каждый на своем берегу, и у каждого свой посох...»). Так в произведении реализуется акцентная установка Толгурова к изображению «человека во времени». Для прозаика важен не сам ход событий или динамичное развитие сюжета, а весомость концептуального содержания, вкладываемого в него, и, что немаловажно, ценностная ориентация читателя.

Многозначные художественные образы служат в романе, как уже было сказано, выражением двойственной сущности бытия, антогонизма идей, а также категорий жизни и смерти, силы и слабости, доброго и злого начал. Роман З. Толгурова – пример масштабного эстетического мышления нового уровня. Резкий смысловой и стилистический контраст вводит в повествование мотив высокой патетики (разговор Казака с девушкой Жалдуз). Предметность образов и их обобщающая метафоричность – отличительные свойства авторского мироощущения. Созвездие Большой медведицы, выведенное в заглавие произведения, вырастает в символ человеческого счастья, надежды на лучшую долю земного существования. Надежды героев романа так и не сбылись, никто не сумел дотянуться до своей «Большой Медведицы».

Анализируя творчество писателя, исследователь Сарбашева А. подчеркивает в частности, что «Эволюцию идейных поисков своего героя З. Толгуров прослеживает через внутренние монологи. Писатель применяет новый тип повествования в балкарской прозе, в котором реализуются принцип «потока сознания» и внутренний монолог. Эти два элемента в балкарском романе дают возможность сосредоточить внимание на глубинных процессах духовной и эмоциональной жизни человека, сквозь

призму индивидуального сознания выявить важные социальные и идеологические коллизии эпохи» [3:435]. Поликонфликтность романа усложняет разветвленную систему объективизированных образов. Многообразие человеческих судеб и характеров подаются в динамике и соотнесены с историческими реалиями. Взаимоотношения людей в определенной социальной среде обуславливают формирование их взглядов на действительность. «Главное для писателя – показать, осмыслить сущностное в характерах, их духовное движение в противоречивых обстоятельствах и столкновениях» [3:329]. Истоки трагизма судеб главных героев произведения (Казака, Нуха, Саудат) видятся художником в их социальной обусловленности, в полярности мировоззрения и неспособности примириться с данностью. Толгуров стремится обозначить типологию их характеров. Они показаны художником «в единстве всех формирующих и обуславливающих их обстоятельств» [3:171]. Пресловутая нормативная эстетика отступает под напором реалистического письма. Реалистическая тенденциозность его прозы утверждается через реализацию социально-психологического конфликта.

Глубина проникновения в философскую диалектику бытия, активно используемый прием «реминисценций» (проекции в несколько плоскостей), психологическая и художественная убедительность образов, сложное переплетение драматических жизненных ситуаций, масштабность мысли и панорамность изображения – залог неизменной эстетической востребованности толгуровской прозы. Ее скрытая философская основа заключена в «суггестивности», под которой подразумевается наличие подтекста, второго и третьего планов и тяготение к так называемому «второму диалогу», что социопсихологи обозначают как внушение, подсказывание слушателю (в данном случае – читателю) той или иной идеи, мысли, эмоции, настроения (скажем отчаяния, безысходности, растерянности, сомнения либо надвигающейся опасности и так далее). Желание проникнуть в суть множества загадочных, не поддающихся на первый взгляд логической интерпретации картин, эпизодов, намеков толгуровской прозы побуждает нас соотнести его внутреннюю организацию с поэтикой русского символизма. Сопоставление некоторых текстологических образцов дает нам основание полагать, что знаки, коды, ассоциации, шифры – наиболее употребительные в тех-

нике художника приемы, а принцип поэтики основан на образах – многозначных символах. Иными словами это искусно замаскированная в символах мифология. А центральный постулат толгуровской философии – не положение о трагичности земного существования, как может показаться, а гуманистическая идея могущества человеческого разума, возможность выбора и вера в торжество истины.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Дмитриев В.А.* Реализм и художественная условность. М.: Сов. писатель, 1974.
2. *Разумный В.А.* О природе художественного обобщения. М.: СОЦЭКГИЗ, 1960.
3. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 2010.

A.D. Bolatova (Atabieva)

PRINCIPLE ARTISTIC CONVENTION IN THE Z. TOLGUROV'S NOVEL «The Great Bear»

The subject of the analysis in this paper is to implement the principle of specificity of artistic convention in prose writer balkar Z. Tolgurova (mainly on the example of the novel «The Great Bear»).

Keywords: associative thinking, imagery-symbols, art convention, myth, philosophical generalization, symbolic realism, metaphorical subtext.

Бозий Н.Б.

**КЪЭРМОКЪУЭ М.М. И «ПСЫХЭКИУАДЭ» ПОВЕСТЫМ
И ДЕРСХЭМРЭ, ТХАКИУЭМ КЪИГЪЭСЭБЭП
ХУДОЖЕСТВЕННЭ ИЭМАЛХЭМРЭ**

Статья посвящена проблематике повести М.М. Кармокова. Автор уделяет отдельное внимание художественным приемам, используемым писателем в повести. В статье также рассматривается тематика и идейная направленность произведения.

Ключевые слова: монолог, документальная проза, образ, сюжет, эпитет, метафора, повесть.

ГъащIэм и пэжыр тхакIуэм къызэриIуатэ образым хэпщаш ар къэзыгъэщIым и гупсысэ, и Iуэху епIыкIэ, и гурыл-гурацэхэр. Документальнэ повестым и къалэныр лIыхъужьым и гъуэгуанэр къыигъэлъэгъуэнырщ, абы щекIуэкI Iуэхугъуэхэм удахьэхуу, уи фIэщ пщыхъуу, образ гъэщIэгъуэн хэту тхылъеджэм и пашхьэ ирилъхьэнырщ. Ар сэбэп мэхъу цIыхубэм, псом хуэмыдэу щIалэгъуалэм, я зэхэщIыкIымрэ я гурыгъу-гурыщIэхэмрэ узэщIынымкIэ, ахэр гъуэгу захуэ, гъуэгу тэмэм тегъэувэнымкIэ.

Документальнэ тхыгъэхэм гъэсэныгъэ-ущииныгъэ мыхьэ-нэшхуэ яIэщ. Ахэр нэхьыбэу теухуаш псэемыблэж лэжыгъэм зи цIэр жыжьэ игъэIуа цIыху гуащIафIэхэм, абыхэм я псэукIэм, я дуней тетыкIэм, нэгъуэщI IуэхугъуэфIхэми. А жанрым лъэпкэ литературэм зыщегъэужьынымкIэ куэд зэфIигъэкIаш Къэрмокъуэ М.М. Нэхьыбэу тхакIуэр зыхуэлэрыхуэ, нэхь дэзыхьэх жанру ар зэрыщытым и щыхьэтщ абы и художественнэ тхыгъэ пIащэхэми документальнэ къэлэуэтэкIэм, гъэпсыкIэм и щапхьэхэм куэдрэ уазэрыщрихьэлэр.

Сыт хуэдэ темэ къищтэми, сыт хуэдэ жанр Iэпэгъу ищIми, Къэрмокъуэ М. и дэтхэнэ тхыгъэмкIи нэхьыбэ къызэрызэщIиу-

быдэным, цыхур зыгэпӀейтей гупсысэ гуэр кызыриуэтэным яужь итц. Художественнэ Гэмал щӀэщыгъуэхэр кыигӀэсэбӀпурэ, гъэпсыкӀэ екӀу, къӀуэтэкӀэ гъэщӀэгъуэнхэр кызыхуигъуэт и тхыгӀэхэмкӀэ абы Гэзэу кӀегӀэлыгъуэф и лъэхъэнэгъу цыху зэмышцхъэм я псэукӀэр, я дуней тетыкӀэр; абыхэм я зэхушытыкӀэхэм Гейуи фӀыуи хэлъыр. Езыр зыхэпсэукӀ дунейм, гурэ псэкӀэ зыхищӀэ къэхъутгӀэхэм къагӀэщӀ а тхыгӀэхэр. Абы и пӀжагъыр кӀрибгӀэлыгъуэ хъунуц «ПсыхэкӀуадэ» повестым. Дэ дызэрпӀлымкӀэ, ар адыгӀэ художественнэ-документальнэ прозэм и щӀапхъэ нэхъыфӀхэм ящыц зыщ.

Къэрмокъуэ Мухъэмэд хэтц кууэ кыигӀэлыгъуэну и лыхъужь нэхъыщхъэм и гъащӀэр, и гуащӀэдэкӀыр, ар зыщӀэ-хъуэпсымрэ зыхущӀэкъухэмрэ, и гупсысэхэмрэ и зэхэщӀы-кӀымрэ. «ПсыхэкӀуадэ» повестым тхакӀуэм кыщӀелуэтэж Щауей Мурид и гъуэгуанэ хъэлъэр. 1930 гъэм Мурид и адэ ЗаурбӀэч «народым и бий» цӀэр фӀащри ягӀэкӀуэдащ. ЯукӀар ящыгъуп-щӀэжри, узыфӀэр Мурид кӀеуэлӀащ «народым и бийм и къуэ» кыыхужалэу. А цӀэ дыджым фӀӀэка адэ щӀӀэин кызыхуэмына бынхэр, сыт хуэдиз гутъуехъ хэмылыамаи, фызабэм имыгӀэ-мэжаллэу ипӀащ, иригӀэджаш.

Мы тхыгӀэм и щхъэхуэныгӀэхэм ящыц зыщ зы лыхъужьым и образымкӀэ лъэхъэнэ псом и тхыдэр повестым лъабжъэ зэрыхуищӀыр. Абы щыгъуэми лыхъужь нэхъыщхъэм и хъэл-щӀэнхэр – фӀыри Гейри – имыбзыщӀу ди пащхъэ кӀрелъхъэж, ди нэгу кыщӀегъуэувӀэж. Къэрмокъуэм и повестым щӀилъхъэфащ лиричeskэ макъамэ дахи. Апхуэдэщ зэманыр. Лыхъужьым псэкӀэ щӀӀэрыщӀэу егӀэвыж куэд щӀауэ щыла, къэхъуа ГӀэхугъуэхэр.

Повестым кыщӀедзэ мыпхуэдэу: «Бахъсэнъж и сэмэгур-абгъу Гуфэм етӀысӀэка ХъэтӀохъушыкыуей жылэжъым и гупэ дыгӀэмыхъуэ бгы задэшхуэм лы лъэс закъуэ докӀ. Лы къуэгъу абрагъуэр, и ГӀпкӀыльӀпкӀы лъэщыр идзу, задэм докӀ, бгыр хигуэрэ езым зигӀэт пфӀӀэщӀу.

Щыгум ихъащ. ЕтӀысӀэхуы зигӀэпсӀэхун ГӀэхуи зэримышхуэу, и къуажэжъым къыдӀэплӀэурэ мӀэгупсысэ, мывӀэ щхъэгуэшхуэм теувауэ» [1]. ТхакӀуэм япэ щӀыкӀэ тхылъеджэм и нэгу кыщӀегъыхъэ лъахэм и пейзажыр, итӀанэ хешӀэ и лыхъужьыр зыгӀэпӀейтей гупсысэхэм.

Повестым щӀыпӀӀэшхуэ щӀеубыд лыхъужьым и гупсысэм, гукӀэ иригӀэкӀуэкӀ монологом. Абы и щыхъэтц мы сатырхэр:

«АтIэ иджы сысытыж?! – Сысытын? СызырикIщ!.. Хьэуэ, ар хьункьым. ПудыIуэщ. Иджыри сызыгуэрщ. Сыт-тIэ адэКIэ кьыспэплъэр? Хэт кьысхуей? Сэри хэт сыхуей?» [2]. Монологыр здекIуэкIым, лIыхъужьым езым упщIэ зыхуегъэувывж, езыми жэ-уап иретывж, езым и щхьэм диалог дрегъэкIуэкIыж.

ЗылI гьащIэ лъабжьэ хуэхъуами, Къэрмокъуэм и повестым и хэКIыпIэр а зы цIыхум и гьуэгуанэм и закъуэкьым. Тхыггэм а гьуэгуанэм зыщидукъуэдиящ, ар цIыху куэдым кьызэдакIуа, лэжьакIуэ пашэ Iэджем я нэгү щIэкIа гьуэгуанэщ. Мыбдежым тхакIуэм дежкIэ нэхьыщхьэр зыгуэрым и гьащIэр, адэКIимыдэКIи темпылбэкъукIыу, кьэггэлъэгьуэныркьым; нэхьыщхьэр ар цIыхухэм я дежкIэ дерс кьызыхахын хуей образым и щапхъэ зэрыхьурщ. А цIыхур занщIэу зэфIэувакьым. Гугьуехь Iэджэ и фэ дэКIащ абы, щылгэпэрэпаи, гьащIэм и фэбжь кьыщытехуаи кьэхъуащ. И гьащIэ блэКIам ириплъэжурэ Мурид и кьекIуэкIыкIам Къэрмокъуэм щыгьуазэ дыхуешI. Кьуажэ еджапIэм нэужькIэ ар дзэм ираджащ. Мурид армэм щыIэу, зауэр кьэхьейри абы хэтащ. Ар иуха нэужь кьиггэзэжри я кьуажэ школым еггэджакIуэу щылэжьащ. Ауэ ефэным дихьэхаш. ХыфIидзэжым кьриггэжьэжурэ зэрэфэм кьыхэкIкIэ тутнакгэщым кьихутащ. Абы зы илгэс исауэ кьикIыжа нэужь ефэныр щиггэтащ. Ауэ и ныбжьыр илгэс тхушI щрикъуам и егуанэ махуэм ефащ иКIи и хьэдэр Бахьсэн ГЭС-м кьыццагьуэтыжащ. Аращ повестым и сюжетыр зэрыхьур. Ауэ а тхыггэм философии гупсысэхуэ щIэлъыщ.

Повестым увыпIэшхуэ щегубыд анэм и образми. Ар гугьуехь куэд зылгэгуа бзылхуггэщ. БыниплI кьыхуэнэри иплаш. А бзылхуггэм ириггэджащ. Езыр жэщ-махуэ имыIэу лэжьащ. И кьуэхэм я насып илгагьуну иухауэ кьыщIэкIынтэкьым абы: зыр псым итхэлащ, адреир нэмыщэхэм ягьусэу ежьэжащ, нэхьыжь дьдэр – Мурид – ефэу уэрамым кьыдэнащ. Абы и образыр тха-КIуэм мыпхуэдэу деггэлыгагьу:

«Фыс сабыр бэшэчт ар. Илгэс зыбгьупщI нэхь зыдэмыпсэуа щхьэггусэр «народым и бий» фIащри яукIат. IупскIэ иплIа кьуипIымы я нэхьыщIэр илгэс 34-рэ фIэкIа мыхьуу щIилхьэжащ. Институти кьихухат, еггэджакIуэуи лажьэрт, ауэ, сыт, и натIэм кьритхар мыгьуаггэ защIэт. Фадэм дихьэхри, цIыхуми Iуэхуми хэмызэггэж, дуней хуитыр кьезэвэкI хьуат» [3].

ТхакIуэм дегъэлыагъу анэ насыпыншэм зы сыхъэт дэнэ къэна, зы дакыкыи игу хуимыхуу зэгупсысыр, гугъапIэ закъуэу дунейм щыIэжыр – Мурид ефэныр щигъэтауэ, и унагъуэм яыхъэжауэ, псэхугъуэ и псэм игъуэтыжауэ илыагъунырщ. Ар зыхузэфIэкIыну кыфIэщI Алыхъталэм и нэфI зыщигъэхуэн, и лъэIур кыхуищIэн папщIэ, а зэманьшхуэм къриубыдэу анэ тхъемыщкIэм сэджытрэ бытыру, хъэтыррэ гущIэгъуу имылэжъа щыIэжкыым, ауэ а псоми кыкIаишхуэ щыIэккыым.

Къэрмокъуэм литературэ Iэмал гъэщIэгъуэн кыигъуэтащ и тхыгъэр гукыинэж тщищIын папщIэ. Мурид бгыщхъэм дэкIурэ, зэзэмызэ кыызэтеувыIэурэ и гъащIэр игу къегъэкIыж, зауэ IэнатIэм здыIута теплъэгъуэхэр и нэгу кыщIегъэхъэж. Апхуэдэ щыкIэкIэ тхылъеджэр щыгъуазэ мэхъу нэмыщэбзэмкIэ и егъэджакIуэ урыс хыджэбз Ксение фIыуэ зэрилъэгъуам, зауэм кыкIыжа нэужь урыс бзылхугъэ Шурэ кыишэу бынитI зэрызэдагъуэтам, ахэр зэрызэбгъэдэкIыжам, санаторием зыгъэпсэхуакIуэ кIуауэ Ксениерэ дунейм тету имыщIэха и къуэ Петррэ зэрилъэгъуам.

Повестым зи гугъу щыщIа Iуэхугъуэхэр кыщыIуэта мэхъу ещанэ щхъэм кыбгъэдэкIыу. Ауэ а тхыгъэм укыщеджэкIэ кыпфIощI езы лыхъужкыым и гурыгъу-гурыщIэхэр, и гъащIэм кыщыкыуа Iуэхугъуэхэр кыIуэтэжу.

ТхакIуэм иджыри зы Iэмал гъэщIэгъуэн кыщегъэсэбэп тхыгъэм. Ар дамыгъэщ. Япэу бгым щыдэкIым, Мурид IуощIэ мыщэ губжам. Ауэ абы и гугъу кыищIырккыым. ЩIакIуэр щышыкыжым абы кыкIуэцIыхуащ аркъэ пэлэщтоф закъуэр. Ауэрэ дэкIуэм Мурид IуощIэ шыджагъуэ дыгъэм игъэхуэбауэ гъуэгубгъум кыIуль мывэжкыым блэ дахэшхуэ теукъуэдияуэ. Абы зэрыхуэзам кытохъеикIри тхакIуэм и лыхъужкыр хуешэ мы гупсысэм: «Япэм зэи слъэгъуаккыым, а блэшхуэри си пашхъэм нобэ щхъэ кыигъуэлъхъа? Е «си гъащIэр нэхъыфIщ ууейм нэхърэ» – кызжиIауэ ара хъэпщхупщ шынагъуэм? Пэж хъунщ. Сыт и гукъеуэ абы? Кыхукъуэплъа дыгъэм зрегъэури тхъэжу мывэм телъщ. И щхъэри, и псэри хуитщ. Сэр-щэ?...» [4]. И лыхъужкыым и гупсысэхэм адэкIэ заригъэужкын папщIэ, Къэрмокъуэм ар зытет гъуэгуанэм щыIуегъащIэ як псэущхъэ абрагъуэм, мывитIым якум дашхыкыуэ. АдэкIэ Мурид ирохъэлэ псыщыкIур лъэмыIэсыжу нэпккыым едзылэжа псыхъэлъахуэ жыг дакъэжкыым. Абы и теплъэм езым и гъащIэр ирегъэщхъыр.

Ар тхаклуэм мыпхуэдэу кьеуатэ: «Абыи псэ хэтыжктым, фейцей хуаш, хэдэ и цэщ, ауэ психьэлбахуэщ. Сэр-цэ? Сэ сысыт? Псэ зыпыт хэдэ. Кыхуеиж щымылэу, езыри зыми хуэмеижу. Зеджадэу дунейм кыитена цыху лей. Мис мы пхэа дакэжым хуэдэу фейцейуэ, психьэлбахуэм хуэдэу пуду. Мыр мафлэм пэрыпльхэми исынуктым, ятлэпсыр хуэфлуэ зэщифащи. Сэри аращ. Си псэри, сипкэри фадэщ. Мыр пхэагэсын кудей хужын папщлэ, лэджэрэ гэггущын, гэггун хуейщ. Сэри аращ. Сэ кбуэ, адэ, щхэагэсэ, егэджаклуэ сыхужын щхэклэ, фадэр хэрэм сщын хуейщ. Слэкыну пэрэ? Слэкынщ. Ар слэмыклэм, сылэн хуейщ. Ари слэкыну пэрэ? Слэкынщ...» [5].

Ауэрэ гуэгуанэр иухри Мурид дэклуэм нэсащ. Икли клапсэклэ аркэр жыгым флишлэщ, адэклэ клапсэ зэрыгэальэдауэ кыфилльхэщ. Мурид тхэмахуэклэ емыфэу хуэфлэклэщ.

Образыр нэщлыса хун папщлэ, ар зыхэт луэхухэри, зыпыщла цыхухэри, абыхэм я луэхушлэфэри пэжу цытын зэрыхуейм шэч хэлыктым. А кьалэри тхаклуэм кьехуллащ. Апхуэдэ цыхуу тхыгэм кыхошчыж Мурид и классэгуэ, и ныбжьэггухуэ Кьэбэрдей-Балккэрим и Министрхэм я Советым и унафэщлэ, Хьэтлохушыкбуей щыщ Балккэр Мухэз, генерал хуа Мэремыкбуэ Мурзэбэч, зауэм кыдыщыла, полковник Степан Семенович Савицкий, фэепль клэрахуэр зи лэклэ зауэм кыщезытауэ щыта маршал Г.К. Жуковыр.

Кэрмокбуэ М. образхэр зэриухуэ щыккэри, и лыхужьхэм я теплэр (портретыр) зэриубзыхури, дунейм, щыуэпсым я теплэхэр кызэригэальаггүэри щлэщыггүэщ. Тхаклуэм и зэггэпщэныггэхэм, шэрыуэу кыггүэта эпитетхэм, метафорэхэм повестыр гуккынэж ящлэ.

«Психэклуадэ» повестым хэлэ гуауэри гүфлэггүэри гьащлэм кыхэкклэщ. Тхаклуэм и лэзагыр нэх иныху абы и гупсысэхэри кызэриуатэ, гьащлэр кызэригэальаггүэ образхэри нэх лэщ мэхуэ. Абы и щапхэщ Шауей Мурид и образыр. Ар «цыху гьащлэклэ» зэджэ философием и зы теплэггүэщ, дерс дыджхэмрэ гупсысэ хэлгэхэмккэрэ гьэнщлауэ. Ар сэтей кызэрищлэ зы лэмалщ и тхыгэм тхаклуэм хыгыххэ «прозэу тха усэ» жозыггылэ пычыггүэхэр. Абы и щапхэщ мыр: «Зэрыдэхэщ нэм кыпльыхыр. Кавказ зи залэр мае» [6]. Псалгэклэ «щла» сурэт мащли ущрихэллэктым тхыгэм. Тхаклуэр дихэхырктым «лэрыщлуэ зэщлэггэплла» псалгэхэм. Абы и псалгэхэр и

«ПсыхэкӀуадэ» документальнэ повестыр иджыри зэ щыхьэт техуащ Кьэрмокъуэр жыджэру а жанрым и зегъэужьыныгъэм зэрыхуэлажьэр, ар и пэкӀэ зыгъэкӀуатэхэм, езыгъэфӀакӀуэхэм ящыщ зыуэ зэрыщытыр.

ЕӀУЭЛӀАПХЪЭХЭР

1. *Кьэрмокъуэ М.М.* Пшапэ зэхуэугъуэ. Повестхэр. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2007. Нап. 5.
2. Ар дыдэм. Нап. 6.
3. Ар дыдэм. Нап. 35.
4. Ар дыдэм. Нап. 50.
5. Ар дыдэм. Нап. 52.
6. Ар дыдэм. Нап. 27.
7. Ар дыдэм. Нап. 91.

N.B. Bozieva

PROBLEMS AND ARTISTIC DESIGN OF M. KARMOKOV'S STORIES «VAIN»

The article is about the story of M.M. Karmokov. The author pays special attention to artistic techniques used by the writer in the story. The article also addresses themes and ideological direction of the work.

Keywords: monologue, documentary prose, image, story, epithet, metaphor, story.

УДК – 91.9:398

Х.Х. Малкондуев

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО И ВДУМЧИВО
НАПИСАННАЯ КНИГА**

Статья посвящена научному анализу монографического исследования Берберова Б.А., где особое внимание обращается на ее композицию и изобразительные средства. Также внимание уделяется проблеме анализа фольклорной временной категории, а также особенностям жанра, включая детский песенный фольклор.

Ключевые слова: поэтика, жанр, композиция, Киргизия, Карачай, Манас, контекст.

Монографическое исследование Б.А. Берберова «Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии» (на материале устной и письменной словесности 1943–2000 гг.) (Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. 12,5 п.л.) является первым научным исследованием в карачаево-балкарской фольклористике, где всесторонне и широко рассматривается круг вопросов, связанных с проблемой насильственной депортации карачаево-балкарского народа в республики Средней Азии и Казахстана в 1943–1944 годах.

Предметом исследования ученого является внушительный по своему объему достоверный материал устной словесности по данной теме, в которой охватываются различные жанровые модификации национального фольклора: поэзия, проза, детский фольклор, публицистика и ономастика, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме.

Б.А. Берберов долго и кропотливо собирал соответствующий фольклорно-исторический материал как у очевидцев данной

трагедии в Балкарии и Карачае, так и сказителей устной словесности, у непосредственных авторов, создателей драматических произведений (поэм, кюев-плачей, песен, инаров, преданий и т.д.). Собранный материал подвергался тщательному атрибутивному анализу, систематизации и глубокому научному осмыслению.

История показывает, что профессиональные карачаево-балкарские поэты Кязим Мечиев, Исмаил Семенов, Саид Шахмурзаев и другие с первых дней трагедии обращались к данной теме, по временной хронике не отставали от них и безымянные авторы поэтической словесности. С учетом данного факта, Б.А. Берберов особое внимание обращает на взаимосвязанность фольклорной и профессиональной этнокультурных линий в освоении выселенческой темы.

Монография состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии. Следует отметить ее научно-обоснованную структуру, всецело отвечающую поисковым задачам заявленной проблематики.

В первой главе «Тема народной трагедии в зеркале карачаево-балкарского фольклора», состоящей из четырех взаимосвязанных разделов, рассматриваются особенности становления и развития жанра выселенческой лирики как поэтической системы, включая детский фольклор и циклические песни по данной проблеме.

Неслучайно указанные разделы являются предметом исследования в первой главе рукописи. Тем самым ученый ставит цель – показать, как в первые дни депортации, когда целый этнос под конвоем военных покидал родные места, народ в лице безымянных авторов реагировал искусством поэтического слова на все происходящее, привнеся в традиционную карачаево-балкарскую лирику новые образы и мотивы, значительно обогащая народную песню разными видами художественно-стилевых и композиционных систем.

На конкретных примерах Б.А. Берберовым проводится обстоятельный анализ поэтических текстов 1943–1950 годов, когда в первые же годы народ испытал на чужбине социально-экологическое бедствие, голод и нищету, но не пал духом, не смирился с трагизмом происходящего, упорно верил в справедливость, которую может принести только время в лице достойных людей

общества, преодолевая трудности и ужасы комендатуры на чужой земле.

Автором мастерски выявляются живые художественные образы, характеризующие предметный мир и природу Кавказа и выступающие в роли символических знаков народной трагедии. Здесь ученый справедливо выделяет и интерпретирует комплекс метафизических значений словоформы «ит» – «собака», которая в текстах является постоянным и устойчивым образом-символом грусти. Зооморфный образ, следующий за машиной горцев-спецпереселенцев, одухотворяет фольклорные тексты.

Особо тонко анализирует исследователь произведения сказителей Р. Жамурзаева и Д. Тебуева, уже ставших достоянием устного народного творчества. В полном объеме излагаются повествовательные и художественно-эстетические достоинства их фольклорно-поэтического наследия, начиная с грустных песен элегического характера и, завершая лиро-эпическими поэмами, в которых полновесно выражается талант и душа народа.

Касаясь теории терминологического обозначения словоформы «цикл» в отношении лирической поэзии, соискатель рассматривает концепции ряда ученых-филологов и излагает собственное отношение к данной проблеме. В указанном вопросе также проявляется прирост к жанровой теории лирики, что следует отметить как положительное явление в науке.

Применительно же к карачаево-балкарской народной лирике и поэмам о депортации, данное терминологическое обозначение является максимально аутентичным, поскольку речь идет о группе текстов лирического или лиро-эпического характера, воспевających какое-либо узкое, конкретное, но значимое событие в жизни общины.

Впервые в национальной фольклористике ученый обращается к теме депортации в карачаево-балкарском детском художественном воззрении. Автором привлекается обширный материал по исследуемой проблеме: это запечатлевшееся в детском сознании прощание с родной землей, долгая и мучительная дорога, голод и нищета, встреча с комендатурой на чужой земле детей спецпереселенцев и радостное возвращение на Кавказ. Как подтверждает автор с опорой на тексты, в детском воображении заметна устремленность к высоким идеалам, желание быть похожими на героев эпоса «Манас», учиться воинскому искусству и защищать родную землю от врагов.

В художественном сознании карачаево-балкарских детей спецпереселенцев возникает идея создания произведения о любимшемся им богатыре Манасе на родном языке. Как доказывает в монографическом исследовании, со временем появляется карачаево-балкарский детский вариант данного памятника, отвечающий требованиям богатырского эпоса (детские подвиги, необыкновенная сила, формулы невозможного, любовь и дружба с конем, обладающим фантастической силой и т.д.).

Во второй главе книги «Авторская поэзия: художественная интерпретация проблемы «человек и история» рассматриваются не изученные до настоящего времени в фольклористике внутрижанровые особенности, национальное своеобразие взаимосвязи текста и контекста в карачаево-балкарских народных поэмах и устных преданиях о депортации. Здесь, как исследовательское достоинство диссертанта, следует отметить как эдиционную работу, так и сюжетно-повествовательный, композиционный анализ фольклорных текстов.

Ученый обращается к конкретным фольклорным материалам, которые помимо устной информации распространялись главным образом в списках. По справедливому замечанию ученого, в становлении и развитии карачаево-балкарской народной поэмы о депортации большую роль сыграли произведения богатырского нартского эпоса, лирические поэмы-кюй и историко-героические песни, по повествовательным и композиционным особенностям напоминающие жанр баллады или драматической поэмы.

Заслуживает уважения и рассуждение ученого о двуполюсности рассматриваемых текстов, которые с одной стороны являются авторскими, а с другой стороны – народными, иными словами коллективными, то есть в их окончательном формировании сыграли большую роль отдельные талантливые представители народа, безымянные мастера поэтического слова, неравнодушные к трагической судьбе своих близких и всему этносу.

Выделяя внутрижанровую особенность карачаево-балкарской народной поэмы о депортации на примере таких произведений, как «Судьба старой собаки», «Козленок-сирота и бесчестный охотник», «Карачаево-цыганская девочка», «Девочка, спасающаяся на дереве» и, органично прижившегося в местной духовной этнической среде карачаево-балкарского сказания, о

знаменитом Манасе, заимствованного у киргизов безымянными талантливыми мастерами поэтического слова, Б.А. Берберову удается выявить и идентифицировать общие мотивы и постоянные художественно-эстетические формулы, которые имеют место в текстах и контекстах указанных произведений.

Не упущен из поля зрения ученого также феномен иносказательности фольклорно-художественных систем, вбирающих в себя конкретику исторических реалий и метафизику этико-эстетического опыта.

Б.А. Берберов справедливо отмечает, что особый, новаторский жанр составляют устные предания о депортации. Условно подразделяя их по повествовательной структуре и композиционной манере на несколько сюжетных структур, ученый находит и общие, объединяющие их элементы, всецело служащие раскрытию трагедии того времени. По верному замечанию ученого, трагедия породила песню, хотя бывало и наоборот.

С точки зрения историко-культурных и художественно-стилистических особенностей этно-поэтики, достойное место занимает в книге раздел главы «Ойконимы как составная часть поэтики в художественном тексте». Покидая родные аулы, ущелья, горы и реки, небо и звезды, фауну и флору, с которыми была тесно связана их жизнь, безымянные создатели выдающихся поэтических творений и представители письменной творческой интеллигенции сразу же обращаются к явлениям духовного порядка, где следует особо выделить широкий круг ономастики: топонимы, ойконимы, гидронимы и вообще широкий круг художественно-предметного мира.

Первым 8 марта 1944 г. откликается на данную тему старейший балкарский поэт Саид Шахмурзаев в своем, полном иносказательными системами стихотворении «Ласточка – дочь скалы», где гнездо пернатого олицетворяется с жилищем горца, скала – с его аулом, а ветер – со злой силой. Народные певцы и сказители значительно обогащали эти образы, придавая им статус символических знаков народной трагедии.

Безымянными авторами поэтического слова были созданы десятки и сотни стихотворений и поэм, в которых названия покинутых ими родных аулов и их инфраструктура превращаются на языке поэзии в воспеваемый ими художественно-предметный мир.

Б.А. Берберовым рассмотрен широкий круг научных проблем устной словесности, начиная с 1943 года по настоящее время, касающихся темы насильственной депортации карачаево-балкарского народа 1943–1944 годов.

Предметом исследования явился большой, достоверный, добротный материал, собранный и систематизированный ученым на протяжении более двадцати лет.

Глубоко, вдумчиво и профессионально раскрыт Б.А. Берберовым тема насильственной депортации, принесшая народу неисчислимые бедствия.

H.H. Malkonduiev

VOCATIONAL AND THOUGHTFULLY WRITE A BOOK

The article is devoted to the scientific analysis of a monographic study B.A. Berberov's, with special attention paid to its composition and visual tools. Special attention is paid to the analysis of the folk category of the time, as well as the peculiarities of the genre, including a children's folk songs.

Keywords: poetics, genre, song, Kyrgyzstan, Karachay, Manas, context.

Б.А. Берберов

ЗООМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ ВЫСЕЛЕНИЯ

Сквозь призму анималистических образов автор статьи раскрывает особенности поэтики фольклорных текстов, возникших в период депортации карачаево-балкарского народа.

Ключевые слова: депортация 1943–1957 годов, карачаево-балкарская поэзия, фольклор, анималистический образ, гуманизм, нравственный императив.

По мнению М. Эпштейна, обстоятельно изучавшего соответствующие теоретические проблемы, существуют две разновидности анимализма: аллегорический (иносказательный) и природный (экологический). В первом случае образ животного используется «для обозначения всего плохого, дурного, незначительного, природного и недуховного» [1], что соответствует аллегорической и сатирической природе басни. Во втором случае, отмечает ученый, осуществляется поэтизация образа животного в прямом собственном смысле, без введения в культурологические рамки социального этикета и морального кодекса. На наш взгляд, к данной классификации следует добавить еще одну разновидность – «нравственную анималистику», характерную для выселенческой поэзии депортированных народов СССР в середине XX столетия. Цель данной статьи – охарактеризовать этот аспект взаимоотношений спецпереселенцев с животным миром.

Когда-то в незапамятные времена человек приручил, одомашнил животных. Оторвав их от дикой природы, он подписал как бы негласный «договор», что ручается за них, что будет их

покровителем. Животные «доверились» человеку, позабыли повадки и инстинкты, воспитанные в них дикой природой. А условия, продиктованные выселением 1943–1944 годов, вынудили людей оставить домашних животных на произвол судьбы. Народ, оказавшись без вины виноватым, нарушил тот великий гуманистический закон, «обязательства» перед зооморфным другом, который очень точно выразил классик французской литературы А. де Сент-Экзюпери: «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил» [2]. Уместно сказать о том, что мысль об ответственности человека перед братьями нашими меньшими зафиксирована и в карачаево-балкарском пословичном фонде. «Юйретме, юйретсенг кьуру этме» (Не приручай, а если приручил, не лишай заботы и внимания). В другой карачаево-балкарской максиме «Мал тейриси – адам» (Бог домашних животных – человек) еще более определенно подчеркивается идея зависимости судьбы и жизни животного от его «верховного божества» – человека.

Не менее наглядным примером тому являются и тексты песен из книги «Кёчгюнчюле эсгертмеси» (Словесные памятники выселения) [3].

* * *

Бузоула кьалдыла бир ачы кьычыра
Ийнекле кьалдыла ёкюре. С. 43.

*Телята издавали жалостные звуки,
Коровы остались мыча.*

* * *

Жылкьы скорюуле да кьалыб а
кетдиле
Тауда жылкьычысыз, атчысыз. С. 43.

*И табуны лошадей остались
В горах без табунищика, и
всадника.*

* * *

Таулагъа кьачып баралла, жаным,
Изгилтин болгъан а кьойла. С. 45.

*В горы убегают, родимый,
Истуганные овцы.*

* * *

Тыгъырыкъланы кишнеп барады
Быладан кьачхан тор атынг. С. 45.

*Скакун, убегая от них,
Рево́м наполняет улицы.*

* * *

Малла таралып мёнгюрейдиле:
«Кимге кьоясыз бизни? – деп». С. 46.

*Домашние животные надрывно
мычат,
Говоря: «Кому вы нас
оставляете?»*

* * *

Ийнеклерибиз кьалдыла бауда:
«Къайрысыз?» – деб а ёкюре,
Къойла, къозула кьалдыла бауда:
«Кетмегиз!» – деб а макъыра. С. 50.

*Коровы остались в хлеву:
«Куда вы?» – они мычат,
Овцы, ягнята остались в хлеву:
«Не уходите!» – они блеют.*

* * *

Тауукъ къычырыгы, сабий
жилягъаны
Жюрек жауунгу ашай туралла. С. 52.

*Кудахтанье кур, плач детей
Сердце терзают, изводят душу.*

* * *

Итле улуй-улуй, ийнекле ёкюре. С. 54.

*Собаки воют-воют, коровы
мычат.*

* * *

Атла, ёгюзле къалып кетдиле ол кюн,
Колхоз боюнсадан ийилмей. С. 56.

*Лошади, быки остались в тот
день,
Привязанные к колхозному ярму.*

* * *

Хужусуна кьалды Къарачайны малы,
Кишней къышылыкьлада атлары. С. 77.

*Пропал в зимовьях скот Карачая,
Ржут в кишлаках лошади.*

* * *

Ийнеклерибиз орунда кьалдыла,
Эшиклери ачылмай ёкюре. С. 88.

*Коровы остались в хлеву,
За дверями закрытыми, жалобно
мыча.*

* * *

Иесиз малдан толдула, дейди,
Малкъар ёзенле, чегетле. С. 99.

*Беспризорными животными
наполнились, говорят
Балкарские ущелья, леса.*

* * *

Атам топуракъ алгъанды,
Азыкъ салычу артмакъгъа.
Къойларыбызны ким элтир,
Элибиз башы жалпакъгъа? С. 155.

*Отец положил горсть земли
В переметную суму, в которой
носил еду.
Овец кто погонит
На пастбище в верховьях села?*

* * *

Жауунла жаууп, малла ёкюрюп,
Жерибиз къаты тепгенди. С. 192.

*Шли дожди, скот мычал,
Наша земля сильно пошатнулась.*

* * *

Кёчгюнчюлюкню ачы кюнлери
Ауур жарала салдыла.
Малкьар эллени семиз маллары
Баулагьа урулуп кьалдыла. С. 209.

Горькие дни переселения
Тяжелые раны нанесли нам.
Тучные животные в балкарских
селениях
Остались запертыми в хлеву.

Подстрочный перевод принадлежит автору статьи

Спецпереселенцы фактически отправлялись на погибель, они ясно осознавали, что впереди их ждут голод, холод, унижение, смерть – тем более показательно, что среди их раздумий одно из центральных мест занимают тревожные мысли об оставленных в горах четвероногих друзьях. Почти нет упоминаний о материальных ценностях, но великая скорбь, судя по фольклорной хронике, охватывает душу лирического героя из-за вины перед высшими представителями природы – животными, прирученными человеком, разделявшими его труды и дни. Человек нарушает свое обязательство перед природой, он обманывает доверившихся ему, становится клятвопреступником. Это страшное преступление, которое народ совершил не по своей воле и, как свидетельствует фольклор, сильно об этом переживал.

Сбор фольклорной поэзии выселения был начат во второй половине XX века, осмысление материала продолжается до настоящего времени, фонд «Литература периода депортации» существенно пополняется.

Большую подборку авторских стихотворений представил житель с. Хушто-Сырт Чегемского района КБР, ветеран труда Расул Шохайович Жамурзаев (ныне житель с. Хушто-Сырт Чегемского района КБР; род. 10 апреля 1917 г. в с. Актопрак). В ней, согласно теме нашего исследования, привлекает особое внимание поэма «Къарт парийни кьадары» («Судьба старой собаки») [4]. В основу сюжета легло происшествие, имевшее место в 1958 году в одной из кошар Чегемского ущелья, по свидетельству сказителя-информатора, в качестве действующих лиц выступают реальные участники событий – Исмаил Калабеков, Ачабал Хуртуев. По форме изложения стихотворный текст комбинируется с прозаическим, бинарность композиции подчинена строгой художественной логике: авторская речь дана прозаическим

слогом, монологи главного героя Исмаила облечены в стихотворную форму. Поскольку текст поэмы еще не опубликован, позволим себе в сжатой форме передать его основное содержание.

В прологе автор дает небольшую историческую справку. 1958 год. Чегемское ущелье. Вернувшиеся с чужбины горцы восстанавливают родное село, строят новые дома, облагораживают улицы. Царит атмосфера всеобщего счастья и торжества справедливости.

Характерная деталь: даже название возрождающегося колхоза «Заря коммунизма» изменяют на новое: «Родина». Переименованием подчеркнут источник народной радости. Ликование заметно и в описаниях природы: красота Чегемских водопадов зовет к себе людей из отдаленных уголков земли. Исследователи поэзии выселения нередко подчеркивают, что при возвращении на родину горцу важно телесно, физически соприкоснуться с объектами природы. Это заметно и в поэме Р. Жамурзаева: «Люди широко открывали рот, вдыхали воздух, наполняли им легкие и дышали быстро-быстро» [4], ведь они 13 лет мечтали о родных горах, когда жили далеко от родины в степях Казахстана. Повествователь разделяет этот восторг.

Возрождаются не только колхозы и дома, но и национальная кухня: горянки готовят домашний хлеб, хычины, айран, щедро угощают ими гостей из других краев.

На фоне этого всеобщего народного ликования разыгрываются события, дающие понять, что трагедия выселения не закончилась, большими и маленькими бедствиями она еще долго будет отзываться в судьбах людей. Новое руководство колхоза «Родина» командировало троих работников – Исмаила Калабекова, Ачабана Хуртуева и Расула Жамурзаева – в Зольский район для закупки партии крупного рогатого скота. Перевалив через горные хребты, усталые, они добрались наконец до нужной им кошары на Зольском пастбище. Здесь произошло то, что потрясло всех присутствующих. Старая собака отделилась от кошары Хаути, доковыляла на слабых, негнущихся ногах до Исмаила Калабекова и положила передние лапы на его плечи. Ее горький вой дал понять всему окружающему миру, что через многие годы разлуки, она встретила своего хозяина. Трогательную встречу человека и его четвероногого друга автор описывает подробно, с обилием натуралистических элементов. «Исмаил с

трудом приподнялся с камня, на котором он сидел, опустился на корточки и, приблизив свое лицо к морде собаки, обхватил ее двумя руками. Старик как будто мед пил, целовал собаку, не обращая внимания на слюни животного, длинными нитями свисавшие до земли».

Далее рассказывается предыстория этой встречи, показавшей редкостную преданность животного человеку. В тот мартовский день 1944 года, когда балкарцев выселяли, Бойнак, тогда еще щенок, не желая расстаться, бежал за увозившей хозяина машиной студебеккер «двадцать человеческих криков».

Хозяина, Исмаила Калабекова, как и весь депортированный народ, увезли в неведомые дали, а обессилевшую собаку подобрал Хаути, кабардинский труженик, человек доброй души. Он очень сильно привязался к породистому щенку, холил и лелеял его как мог. Собака отвечала ему тем же: благодаря ее чуткости и самоотверженности, у Хаути в кошаре и на пастбище ни разу не пропала ни одна овца. Из монолога Хаути мы узнаем, как он дорожит собакой. Многие, в том числе, и родной дядя, просили ее отдать им, предлагали выгодный обмен, но в свое время он и на корову не согласился ее обменять.

Еще большей экспрессией отмечен монолог Исмаила. Он говорит о любимой собаке, что она была способна «слышать звуки подземного мира» (Жер тьюнден алыучуд // Къулакъларын тауушну), ее чувства были сродни человеческим: пес мог смеяться, улыбаться, печалиться. С помощью метафоры «Ты сегодня посадил меня на верблюда» герой-повествователь выражает высочайшую степень радости, счастье от этой запоздалой встречи. Так подчеркнута возвышенное состояние души старого горца, который тоже все тринадцать лет, проведенных на чужбине, хранил в сердце образ любимого друга, не теряя надежду на встречу с Родиной и всем самым дорогим для него. В финале стихотворного монолога Исмаил горячо благодарит Хаути – спасителя и нового хозяина собаки за теплый прием и за доброе, гуманное отношение к животному.

Кульминацией становится момент, когда наступает время решить: с кем теперь останется Бойнак. Предстоит ли ему вернуться с исконным хозяином Исмаилом в Чегем или он проведет недолгий остаток своих дней с Хаути, которому он служил верой и правдой целых 13 лет? Нравственная дилемма кажется

неразрешимой, и это усиливает трагическую линию в поэме. В качестве философского стержня выступает мысль о том, что из-за ситуации выселения не только мир людей, но и мир животных оказался трагически расколот. Многократным повтором слова «шашханды» (сошел с ума), которое используется применительно к собаке и к Исмаилу, автор подчеркивает бессилие разума человека и сознания животного перед многоликими последствиями Зла.

Поэма Р. Жамурзаева побуждает читателя искать конкретные социальные и политические причины универсального безумия, понять его как вину цивилизации, вину вершителей зла, изнутри разрушающих вековое родство человека и природы.

Как справедливо отметил Х. Малкондуев, одним из первых, исследовавший поэтику данного произведения, «народной фантазией создается художественная картина, где человек и представитель животного мира составляют единое природное целое. Мотив их насильственного разлучения подчеркивает идею антигуманности войны и депортации как двух самых глобальных зол в системе национального бытия XX века» [5:176].

Надо отдать должное творческому таланту Р. Жамурзаева, который не будучи профессиональным литератором, создал полноценную поэму с ярко выраженным гуманистическим пафосом, в которой не ограничился простым воспроизведением достоверного колоритного исторического материала. Элементы художественного вымысла и психологизма, подняли ее до философских высот: «художественное освоение мира животных, отметил М. Эпштейн, – одна из тех пограничных проблем, где пересекаются интересы этики и эстетики, экологии и культурологии. Именно животные представляют ближайший, родственнейший человеку мир природы, который в наибольшей степени нуждается в экологической защите» [6].

Итак, в карачаево-балкарском поэтическом цикле о выселении, гуманистически заостренно подана параллель «человек – животный мир». В текстах, возникавших с первых дней депортации, безымянные творцы фольклора оплакивали разлуку с «друзьями меньшими», трогательно воспевали скорбь расставания с животными («коровы», «собаки», «лошади» и др.), которых вынужденно покидали изгнанники с родной земли.

На первоначальном этапе сказывалась потребность зафиксировать реальное крестьянское чувство жалости к прирученным

существам, которые брошены на произвол судьбы. На дальнейших этапах освоения анималистической темы художники наполняли зооморфные образы сложными философско-психологическими идеями (особый тип анимализма). К подобному направлению, бесспорно, принадлежит поэма Р. Жамурзаева «Судьба старой собаки», поскольку в этом произведении воплощена нравственная высота человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Эштитейн М.Н.* Мир животных и самопознание человека // Художественное творчество. Человек – природа – искусство. М., 1986. С. 128.
2. *Экзюпери А.* Планета людей. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 466.
3. Кёчгюнчюле эсертмеси. Жырла бла назмула (1943–1957). (Словесные памятники выселения). Народные песни и стихи балкарских и карачаевских поэтов (1943–1957). Нальчик, 1997.
4. *Жамурзаев Р.Ш.* Къарт парийини къадары (Судьба старой собаки). Из личного архива автора.
5. *Малкондуев Х.Х.* Осмысление Великой Отечественной войны и депортации в одной малоизвестной авторской поэме // Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. Материалы региональной научно-практической конференции. Нальчик, 2005. С. 176.
6. *Эштитейн М.Н.* Указ. соч. С. 126.

B.A. Berberov

ZOOMORPHIC IMAGES IN KARACHAY-BALKAR FOLK POETRY OF DEPORTATION

In the light of animalistic images the author of the article reveals the peculiarities of the folk texts poetics that appeared in the period of karachay-balkar people's deportation.

Key words: deportation in 1943–1957, karachay-balkar poetry, folklore, animalistic image, humanism, moral imperative.

Л.С. Хагожева

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ПОВЕДЕНИЯ АДЫГСКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ ЗНАТИ (на материале адыгской сказки)

В статье исследуется одно из интереснейших явлений традиционной народной культуры, которое имеет многовековые традиции в истории адыгского народа. Было многократно отмечено многими отечественными и зарубежными авторами в прошлые века – «уэркъ хабзэ» в фольклорном контексте, но с совершенно новой позиции. На примере опубликованных сказок автор статьи выявляет особенности способа мышления, отношения к жизни, отражающие в наиболее концентрированном виде этническое мировоззрение.

Ключевые слова: духовно-нравственные отношения, этические институты, воин-наездник, этническое мировоззрение.

Духовно-нравственные отношения принадлежат к числу основных типов нормативной регуляции действий человека и входят концентрированное выражение в фольклорных текстах.

Адыгское феодальное общество формирует как в области этических институтов, так и в других культурных сферах некую параллельную, символическую шкалу общекультурных ценностей («социально-символический параллелизм», поднимающую общезначимые явления на новый, качественно более высокий уровень. Знаковым обозначением этого нового качественного уровня являются символический эпитет «дворянский» – «уэркъ»: «уэркъ къафэ» – «уоркский танец»; «уэркъ шы тесыкIэ» – «уоркский способ держаться в седле»; «уэркъ пыIэ» – «уоркский головной убор»; «уэркъ лэкъум» – «уоркские лакумы» [2:21].

Основные нравственные принципы этического кодекса уэркъ хабзэ формировали ряд приоритетных направлений, в которых

эти принципы должны были реализовываться. Этими направлениями были, прежде всего, воинская доблесть, защита слабых и незащищенных, щедрость и гостеприимство, толерантность, знание адыгского этикета в наиболее изысканной и утонченной его форме – уэркъ хабзэ. Сформировавшийся на базе общеадыгского этикета адыгэ хабзэ, дворянский этикет, как отмечают исследователи [1; 2; 3], отличался особыми деталями и, в целом, более жесткими, усложненными и утонченными требованиями в его реализации. Определенные его правила были необязательны для демократических слоев адыгского общества, но для дворянской его части были неукоснительны.

В данной статье ставится задача на основе анализа материала адыгской сказочной прозы выявить этнокультурные особенности стереотипов поведения и мышления, в наиболее концентрированной и выразительной форме нашедших отражение в образе жизни адыгской феодальной знати.

В сказочной прозе свод неписаных законов (обычаев) находит отражение в способе мышления, системе мировоззрения, в действиях и поступках ее персонажей, основанных на специфических культурно-определенных стереотипах поведения, носящих знаковый характер. Анализ, своего рода «расшифровка» сути и смысла этих знаков, семиотики поведения персонажей адыгской сказки является основной задачей данного исследования.

Адыгский воин-наездник (пши, уорк) должен был не только обладать присущими идеальному воину качествами: храбростью, мужеством, ловкостью во владении оружием, выносливостью, уметь переносить тяготы и невзгоды походной жизни. Он должен был, и это была его основная социальная функция, быть воином, защищающим слабых, униженных и обездоленных.

В адыгской сказке защита слабых и униженных – основная мотивация действий героя. Например, один из героев сказки «Магомед, сын Болотоко» – «одиноким всадник», рыцарь – защищающий слабых и униженных, восстанавливающий справедливость и наказывающий злодеев. «Много в ту пору развелось недобрых людей, так что приходилось Болотоко защищать честных да бедных от воров и убийц. За это ненавидели его абреки и стремились разделаться с ним. Болотоко знал об этом, но по-прежнему вставал на сторону слабых» [4:146]. После гибели доблестного воина Болотоко, его жена наставляет сына, отправ-

ляющегося на поиски своего отца: «...Помни, ты всегда должен быть достоин своего отца. Он никого зря не обижал, сразу приходил на помощь нуждающимся. Всегда отец твой был защитником слабых и обиженных, грозой тех, кто творил зло. ... Ты должен во всем походить на него. ... Не роняй своей чести и достоинства. Не берись за оружие, когда нет повода» [4:146].

В наставлениях, которые дает мать молодому рыцарю отражены основные принципы адыгского рыцарства: недопущение насилия по отношению к слабым, поддержание порядка и равновесия в обществе, соблюдение установок и правил адыгэ хабзэ, сдержанность и гуманность в отношении с людьми.

Гуманистическая основа адыгского рыцарства «уэркыгыгъэ» выдвигает, наряду с неотъемлемыми для воина качествами как мужество, отвага и удаля, такие ценностные ориентиры как бескорыстие и щедрость. Герои адыгских сказок творят добро, защищая жизнь, свободу, достоинство, честь как свою, так и слабых и беззащитных не ради собственного богатства, они бескорыстны и щедры и это обязательно подчеркивается создателями сказки. Например, в сказке «Курджимуко Лаурсен» герой сказки убивает пши, который отобрал все у его беззащитных родителей и заставил их бедствовать, прогоняет уорков, раздает все богатства беднякам, а себе оставляет только то, что отобрано у его отца и матери [4:208]. В сказке «Приключения юноши» щедрость, наряду с отвагой и удаляю входит в перечень качеств, которые ценят его соплеменники: «Когда мальчик возмужал, он добыл себе коня и оружие, стал охотиться. За отвагу и удаля, за щедрость его полюбили все аульчане» [5:205]. Герой одноименной сказки «Озермес» раздает односельчанам добытый во время своих странствий скот. «Озермес на орлах перевез все стада оленей и коз. Их раздали беднякам аула. Себе тоже оставили. Все стали жить богато и спокойно» [4:190]. В сказке «Ханская дочь» юноша трижды пригоняет сто серых лошадей со ста походными сумками, наполненными золотом и трижды раздает их своим родственникам и односельчанам. «Собрались все его родственники, и он раздал всех лошадей собравшимся, как полагалось по обычаю. Не обошел ни одного, кому надлежало дать коня» [5:189]. В сказке «Едидж» герой привозит три воза золота и серебра и также раздает их людям: «Тем, кто встретил его, он раздал воз золота и воз серебра».

«Царь отдал Едиджу табун лошадей и с почестями отправил его домой. По дороге Едидж раздал половину лошадей, остальных погнал домой» [4:116].

Кодекс воина-наездника (уэркъ хабзэ) предполагал образ жизни, целью которого не могли быть стремление к утехам, праздное времяпровождение, стремление к роскоши, ублажение плоти, личное обогащение. Герой адыгской сказки, как правило, выезжает в путь не в поисках богатства, а для того, чтобы совершить подвиги, добыть невесту и больше узнать о незнакомых краях, то есть проверить себя и свои способности как воина, утвердиться в обществе в этом качестве, а также расширить свои познания о мире.

В соответствии с этими принципами формулирует свои цели герой одноименной сказки Долетмиз: «Наш сын, ты приехал из далекой страны, и, по обычаю, я должен щедро одарить тебя! – Я не ищущу богатства и приехал не для пиршеств и развлечений», – отвечает Долетмиз. – Я приехал, наш отец, чтобы больше увидеть и услышать, а потом рассказать своим друзьям о вашем крае. Больше мне ничего не нужно, – отвечал джигит старику» [4:193]. Согласно принципам адыгского этикета воин должен был быть вынослив, уметь преодолевать большие расстояния, не проявляя признаков слабости, жаловаться на усталость и недомогание, ощущения желудка, обременять своими негативными ощущениями спутников.

В сказке «Приключения Зедеба» герой проявляет себя как воин, соответствующий этим требованиям: «Ехали пятнадцать дней и ночей. Все это время княжич готовил пищу, ночью стерег коней наездников. Трудился без отдыха, а по-прежнему был весел и бодр» («Приключения Зедеба») [4:124]. Типичен для адыгской волшебной сказки поэтический образ путешествующего всадника, чье седло вращается в спину коня, призван характеризовать его выносливость, умение переносить невзгоды. «Несколько лет провели они [Магомет и братья Озерыко] в седлах ...» [4:148].

«Мужество, – отмечает Б.Х. Бгажноков, – включают в число главных признаков адыгства, ср.: Адыгагъэр нэмыщ, цы-хугъэщ, лыгъэщ, гуццэгъуц – Адыгство – это почтительность, человечность, мужество, сострадание ближнему» [2:17].

В адыгских сказках герои демонстрируют это качество в самых различных его проявлениях. Например, в «Сказке о Тлеубокоже», главный герой Тлеубокож спрашивает у князя: «Как

поедешь – впереди табуна или сзади?» – спросил Тлеубокож у пши. [5:151]. Это традиционный вопрос, который задают друг другу богатыри, угоняющие табун. Ехать впереди табуна безопаснее, чем сзади: тому, кто едет сзади, грозит опасность быть настигнутым и вступить в поединок с владельцем табуна. Тот, кто соглашается ехать позади табуна, демонстрирует свое бесстрашие перед противником» [5:363].

В сказке нашла отражение установка, согласно которой считалось недостойным для наездника-рыцаря уйти с добычей, доставшейся без боя, без проявления доблести. В соответствии с этими правилами поступает и герой сказки «Младший сын старика»: «Ударил бы юноша своего коня три раза, тот в три прыжка доставил его домой. Но так поступить – значит дать пищу злым языкам, будут злословить: украд мол, красавицу у иньжа. Поэтому он не спеша выехал со двора и так же не торопясь пустился в дорогу» [4:118].

Идеальный образ рыцаря-уорка включал в себя не только воинские умения (владение оружием, наезднические навыки), не только тонкое, детальное владение искусством межличностной коммуникации, знание основных норм и принципов адыгэ хабзэ, но в том числе и красноречие, своеобразно понимаемую образованность, знание истории своих предков, владение различными искусствами. В соответствии с этим, герои сказок не только храбрые воины, обладающие высокой нравственностью, мужеством, стойкостью и благородством, они также искусные музыканты, обучены «чтению», т.е. образованы («Сэфилрэ Мылыгурэ» – «Сэфил и Мылыгу»). «Мысыр Пэщэр щалитым къакгэлыплащ, я лыггэ здынэсым нэлуасэ зыхуищлащ, я еджэкгэм, бэрэбанэ уэкгэм, накъырэпщэкгэм щгэдэлуащ икли гьэсэнэггэу а тлум ягъуэтамкгэ игу зэггаш» – «Мысыр Паша понаблюдал за мальчиками, убедился в их мужественности, послушал как они читают, играют на барабанах, на зурне (по другим вариантам – на зурне и флейте – накъырэ, къамыл) и теперь был удовлетворен их воспитанием» [6:40].

В сказке «Приключения Зедеба» юноша не только обладает необходимыми качествами воина, он безукоризненно воспитан, вежлив и сдержан, он искусно владеет ремеслом шорника – за ночь изготавливает седло и всю упряжь для верховой езды, кроме того, волшебным образом играет на шичепшына (род скрипки), так, что

княгиня, вышедшая за надобностью во двор, зачарованная музыкой, простояла, слушая ее всю ночь до рассвета» [4:130]. Молодой князь в сказке «Приключения молодого пши» – искусный мастер игры на апепшине.

Безукоризненная вежливость, умение выразить свои мысли во время публичных выступлений на различного рода собраниях, произносить хохи-здравицы во время застолий, умение в изысканных выражениях произносить соответствующие случаю благопожелания, являлись одними из необходимых стандартов рыцарского образа жизни в среде адыгской феодальной знати [1:2]. В соответствии с этим, герои сказок обладают умением в изысканной форме выразить свою благодарность: «Аферем, мой младший брат. Ты достойный мужчина. Наш аул совсем рядом. Кebaлaг, будь нашим желанным гостем. Мы никогда не забудем того, что ты для нас сделал. Дай бог, чтобы мы могли отплатить тебе таким же добром! – сказал он» [4:149]. «Ничего особенного я для вас не сделал» – отвечает герой сказки, проявляя предписанную этикетом скромность. И далее отвечает отказом в форме, которая не должна обидеть благодарных и гостеприимных хозяев: «Для меня честь быть вашим гостем, сейчас я не могу погостить у вас. Я разыскиваю отца, ответил Магомет» [4:149] (Магомет, сын Болотоко). В сказке «Едидж» дочь упрекает своего отца в неумении общаться с людьми, в неумении найти нужные слова, чтобы путник, герой сказки, принял предложение остановиться и стать их гостем: «...Ты совсем не умеешь разговаривать с людьми. – Почему же, дочь моя? – Да потому что упустил гостя, а если бы умел вежливо разговаривать, пригласил бы его в дом» [4:111].

Таким образом, рассмотрение лишь отдельных стандартов и принципов образа жизни адыгского воина-наездника позволяет выявить некоторые особенности способа мышления, отношения к жизни, отражающие в наиболее концентрированном виде этническое мировоззрение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 229 с.
2. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96 с.

3. Мирзоев А.С. Черкесское наездничество «зеклуэ». Нальчик: Эль-Фа, 2004. 301 с.
4. Сказания и сказки адыгов / Сост., вступ. ст. и коммент. Ш.Х. Хут. М.: Современник, 1987. 320 с.
5. Сказки адыгских народов / Сост., вступ. ст., примеч. А.И. Алиевой. М.: Наука, 1978.
6. Таурыхъэмрэ хьыбархэмрэ. Нальчик, 1970.

L.S. Hagozheeva

**ETHNOCULTURAL STEREOTYPES OF BEHAVIOR
ADYGIAN FEUDAL NOBILITY
(based on the adygian tales)**

This article examines one of the most interesting phenomenon of traditional folk culture, which has a long tradition in the history of the circassian people and has been repeatedly noted by many domestic and foreign authors in the past century – «uerk habze» in the context of folklore, but with a completely new position. On the example of fairy tales published author reveals features of a way of thinking, attitude to life, reflecting in its most concentrated form of ethnic ideology.

Keywords: spiritual and moral relations, ethical institutions, warrior horseman, ethnic outlook.

УДК – 811.352.3.374

Биццо Б.Ч.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЭХЭР ЗЭЫДЗЭКИ ПСАЛЪАЛЪЭ ЕДЖАПЭХЭМ ЯХУЗЭХЭЛЪХЪЭНЫМ И ИУЭХУР

Статья посвящена анализу состояния лексикографирования кабардино-черкесских фразеологизмов. Выявляются как положительные, так и негативные стороны фактически всех двуязычных, в том числе предназначенных для учащихся, словарей адыгских языков по обозначенной проблематике.

Ключевые слова: фразеологическая единица, развитие речи учащихся, двуязычные (переводные) словари, кабардино-черкесский язык.

Фразеологизмэхэр бзэм и къулеягъэм, и дахагъэм зэрыщыщым шэч хэлъкъым. Абы къыхэкIкIэ егугъупхъэщ апхуэдэ фразеологизмэхэр нэхъыбэу щIэблэ къэхъум я бзэм хэпщэ зэрыхъуным. ЕджакIуэхэм бзэ яIурылгъым ущедалуэкIэ уи жагъуэ мыхъуу къанэркъым абыхэм я адыгэбзэр зэрыкъулейсызыр, бзэр зыгъэдахэ, зыгъэщIэращIэ Iэмалхэр абыхэм къызэрамыгъэсэбэпыфыр. КъыщIамыгъэсэбэпыфри а Iэмалхэм щыгъуазэкъыми аращ. Бзэм елэжхэм, егъэджакIуэхэм я къалэнщ зэпымыуу еджакIуэхэм я словарнэ запасыр зэрыхэхъуэным, абыхэм я псэлъэкIэр нэхъ шэрыуэ зэрыхъуным я нэлэ трагъэтыну. А къалэныр гъэзэщIа хъун папщIэ еджакIуэхэм яхуэгъэза псалгальэ зэмылIэужыгъуэхэр щыIэн хуейщ. Фразеологизмэхэм ятеухуа псалгальэ еджакIуэхэм яхуэгъэзауэ япэу зыгъэхъэзыру къыдэзыгъэкIар Табыхъу Хъэзритщ. Ар езыр урысыбзэри, адыгэбзэри иригъаджэу школым илгъэс куэдкIэ щылэжъащ икIи бзэхэр тэмэму ебгъэджын папщIэ псалгальэхэм яIэ мыхъэнэм фIыуэ щыгъуазэщ. Табыхъум зэхилъхъа псалгальэм и къалэн нэхъыщхьэр адыгэ сабийхэм

урысыбээр нэхыфIу зрагьэщIэнырщ, абы и кyuлеягьэхэм щыгьэгьуэзэнырщ. Урыс тхакIуэхэм я произведенэхэм куэду узыщрихьэлIэ фразеологизмэхэм кьарыкIыр сабийм кьагу-рыуэн папщIэ, Табыхьум ахэр адыгэбзэкIэ зэредзэкI.

Тхылгьым ихуа фразеологизмэхэр кьышыхихым авторым кьыгьэсэбэпащ урысыбээм папщIэ зэхалгьха псалгальпI:

1. «Школьный фразеологический словарь русского языка» – В.П., А.В. Жуков сымэ ейр.

2. «700 фразеологических оборотов русского языка» Е.А. Быстровэ ейр.

3. Учебный фразеологический словарь русского языка (Е.А. Быстровэ, А.П. Окуневэ).

4. «Краткий русско-английский фразеологический словарь» В.В. Гуревич, Ж.А. Дозорец сымэ ейр.

А зи цIэ кьитIуа лэжыгьэхэм ящыщ зым и словникыр зэрыщыту кьымыщтэу, Табыхьур пIымы хэщыпыхьри адыгэ сабийхэр нэхь зыхуэныкьуэу, абыхэм нэхь кьегугьуэкIыу кьилгьытэхэр кьызэщIикьуащ. ИтIанэ Iуэхум кьыхилгьытащ а фразеологизмэхэр школ программэмкIэ ядж художественнэ тхыгьэхэм уащыхуэзэ-уащыхуэмызэр.

Псалгальгэм хьхьа фразеологизмэхэр лIэужыгьуищ мэхьу:

1) семантикэ ильэныкьуэкIэ зэкIэщIэпч мыхьуу зэхэжыхьа оборотхэр (фразеологическэ сращенэхэр);

2) семантикэ ильэныкьуэкIэ зэкIэщIэпч мыхьу псалгэ гуп зэгьэщIылахэр (фразеологическэ единствэхэр);

3) куэд дьдэрэ кьагьэсэбэп бзэ штампхэмрэ клишехэмрэ.

Урыс фразеологизмэхэр адыгэбзэкIэ щызэридзэкIым щыгьуэ Табыхьум гьуазэу иIащ лэжыгьытI: Кьардэн Бубэ и «Адыгэ-урыс фразеологическэ псалгальгэмрэ», Емуз А.Гьу. и «Инджылыз-адыгэ-урыс фразеологическэ псалгальгэмрэ».

Фразеологизмэхэм кьахуихьа цапхьэхэм я нэхьыбэр авторым ищхьэмкIэ зи цIэ кьыщитIуа псалгальгэхэм кьарихащ, ауэ езыми мымащIэу абыхэм ядыщIигьужащ адыгэ, балкьэр тхакIуэхэм я произведенэхэм щыщ цапхьэхэр (урысыбзэкIэ зэдзэкIауэ).

Фразеологизмэхэр щызэпкьрыха словарнэ статьяхэм я зэхэлгыкIэр мыращ:

1) псалгашхьэхэр, е нэгьуэщIу жыпIэмэ, фразеологизмэхэр, ар зэрызыхэт псалгэ кьэс я ударенэр кьэгьэлгьгьуауэ;

2) грамматикэ, стиль я лъэныкьуэкIэ зыхуэныкьуэ пометэхэр;
3) адыгэбзэкIэ зэзыдзэкI е и мыхьэнэр зыгэнахуэ (кьыбгурзыгыгъауэ) Iыхьэр, е а мыхьэнэ дыдэр иIэу адыгэбзэм иIэ фразеологизмэр (фразеологизмэхэр);

4) фразеологизмэм и мыхьэнэр наIуэ къэзыщI, апхуэдэ фразеологизм бзэм зэрыхэтым щыхьэт техьуэ шапхьэхэр;

5) фразеологизмэм и синонимхэр, антонимхэр (апхуэдэхэр бзэм хэтмэ);

6) жьы, гурыIуэгъуей хьуа урыс псалъэхэр фразеологизмэм хэтмэ, ахэр адыгэбзэкIэ кьыбгурзыгыгъауэ Iыхьэ.

Шапхьэхэр:

Без сучка <и> <без> задоринки *обст., разг.* тыншу, гугъуехъ пымышIауэ, лъэпощхьэпо гуэрхэр зэран мыхьуу ≈ дагъуэ лъэпкь имыIэу, пыплъхьэни пыпхьыни щымыIэу, *егъ.* гуанэцIакIэ темьту, тхьу щыхуам хуэдэу. *С холма Бекович-Черкасский видел, как эти маленькие группы откатываются назад. Ротмистр был доволен: операция прошла без сучка, без задоринки.* А. Налоев, Всадники рассвета. *Егъ. как по маслу. Задоринка – быркьуэшыркьуэ, джафэу упса пхьэбгъум иIэ фIэнапIэ.*

Не фунт изюму (изюма) *сказ., разг., одобр., нэхъыбэрэ отвлеч. предмет мыхь.* зIэ подлежа. и гъусэу кьагъ.; мыхьэнэншэкьым, пщIэншэкьым; ≈ Iуэху джэгукьым, цIыкIу-фэкIукьым. – *А что я могу поделатъ? – он серьезно развел руками. – Раз народ выбирает. А народ, это тебе не фунт изюму.* Ф. Панферов, Бруски.

Фунт – хьэлъагъ кьызэралъытгэу щыта урыс псалъэщ, г 409-рэ хьууэ.

Фразеологизмэхэр, я япэ псалъэр кьызэрыригъажьэ хьэрфым тещIыхьауэ, алфавиткIэ зэкIэлъыхьащ. Псалъэм папщIэ:

Б

без <всякого> сомнения *вводн.* шэч лъэпкь хэмылгу, ≈ хьэкьыу пхыкIауэ, *егъ.* алыхьыр и фIэщ зэрыхьум хуэдэу. *Всякий, без сомнения, заметил, как пустеют нынче усадьбы.* А. Писемский, Боярщина (н. 9).

Л

Лед тронулся *книжн.* Iуэхур ежъащ; ≈ мылыр ежъащ. *И откровенно говоря, я еще и сама не разобралась, что к чему. Во всяком случае, лед тронулся.* Г. Матвеев, Новый директор (н. 196).

Фразеологизмэхэр зэрызэхэт псалъэхэм лексикэ е грамматикэ и лъэныкьуэкIэ вариант яIэу щытмэ, апхуэдэхэр скобкэ хьурейм дэту кьэхьащ:

– **вкладывать (вложить) душу, (сердце)**; кьару псори ехьэлэн; ≈ гури псэри етын (н. 58);

– **вкривь (вкось) и впрямь** понимать, соображать, судить, толковать, рассуждать – пцIыуэ, зэхьэклауэ (кьыгурыуэн, тепсэлгьхьын, н. кь.) (н. 58).

– **не сводить (не спускать) глаз**:

1) нэр темыгьэклын (кьытемыхын, кьытемыгьэклын);

2) кIэлгьыплгьын, ≈ нэклэ гьэхьун.

Статьям и факультативнэ Iыхьэр скобкэ кьутам дэтш:

– **до <последней> нитки** вымокнуть, промокнуть, **вымо- чить**, ≈ щыщ кьыхэмынэу, и льяпэмкIэ кьижу, джеду гьэпскIам хуэдэу (н. 121);

– **до <самых> ушей** краснеть, вспыхнуть, **зардеться**, ≈ цIыплгь хьун, мафIэу кьызэщIэнэн (н. 128);

– **ни в зуб <ногой> не знать**, не понимать, не смыслить, ≈ мащIи куэди, бжьэгьукIэ кьраудми, Iэлыф кьызэрабж мыщIэн, хьырц хэмыщIыкIын, вырэ жэмрэ хузэхэмыгьэклын (н. 259).

Фразеологическэ оборотым и лексическэ е синтаксическэ кьэхуьуреихьыныгьэхэм я факультативнэ компонентхэри скобкэ кьутахэм дэгьэувауэ кьыщыхьащ псалгальгэм:

– **держать ушки на макушке** <с кем> хуабжью сакгьын; ≈ тхьэклумэр гьэклауэ щыгьэтын (н. 115);

– **бок о бок** <с кем, с чем>

1) зэгьгурыту, зэгьунэгьуу, зэгьэжьюуэ;

2) зэгьусэу, зэдэщIыгьуу, зэкьуэту, ≈ зы чысэм я псэр илгьу.

– **бросать (кидать) грязью** <в кого>; бросить (кинуть) грязью <в кого>; убын, хуэпсэлгьэн, хущIэтхьуэн, гьэикIэн, гьэпудын; ≈ бзаджэ тетхьуэн, и напэр техын, хэутэн щIын, куэншыбым хэлгьхэн (н. 25).

Псалгальгэм и адыгэ Iыхьэм зэдзэклыкIэ лэужьыгьуэ зыбжанэ кьыщыгьэсэбэпащ:

1. Урыс фразеологизмэм и эквивалент (абы пэхьун) адыгэб- зэм щимыIэм деж, абы и мыхьэнэр адыгэбзэклэ егьэнахуэ:

– **брать (взять) горлом** *прост. щхьэ мыхь. зилэ подлежа. и гьусэу кьагь*; кIий-гуокIэ (бзаджэклэ) зыхуейр зыIэрыгьэхьэн (зэгьэхьулэн). *Работа на самом тяжелом участке автобазы выработала у него манеру брать горлом там, где он не мог взять делом.* А. Рыбаков, Водители (н. 21).

Вавилонское столпотворение (мн. ч. не употр.) *доп., нео- добр., книжн.* икьукIэ зэрызехьэ (зэрыхьзэрий, зэхэзэрыхьа,

зэрызекъуэ, хьэлэбэлыкъ, Гэуэлауэ, кий-гуо). Мне случалось бывать на некоторых собраниях, и какое столпотворение вавилонское я там встречал, поверить трудно. А. Писемский, Мещане. Егъ. Содом и Гоморра (н. 44).

Важная птица (чаще употр. в ед. ч.) чаще в знач. сказ. *Щхэ мыхэнэ зиэ* подлежа. *игъусэу къагъ*; обществом увыпгэшхуэ щызубыд, пщгэшхуэ, лъэкфыныгъэ ин зиэ цыху. *Ведь он оробел не потому, что он, Репнин, важная птица. Просто Николай Алексеевич – отец Елены.* С. Дангулов. Дипломаты. Егъ. птица высокого полета (н. 44–45).

2. И зэхэлъыкIэкIэ, и мыхэнэкIэ урыс фразеологизмэм пэхуэ (ещхь) адыгэбзэм хэтмэ, ар дамыгъэ = и гъусэу къэхъащ.

Щапхъэхэр:

брать (взять) голыми руками (голой рукой) кого, что *щхэ мыхь. зиэ* подлежа. и *гъусэу къагъ.*, тыншу теклуэн (пэлъэщын), = Iэ пцанэкIэ къэщтэн. «Мы же говорили... – пронеслось в голове у тех, кто пытался защищать Борокова. – Его голыми руками не возьмешь. Х. Теунов. Род Шогемокowych (н. 21).

осиное гнездо презр. цыху шынагъуэхэм я зэхуэсыпIэ (я хэпщыпIэ), = хьэдзыгъуанэгъуэ. *На улице метались эсэсовцы – шумело потревоженное осиное гнездо.* В. Осеева, Васек Трубачев и его товарищи (н. 279).

3. Урыс фразеологизмэм и зэхэлъыкIэкIэ кыщхъэщыкI, ауэ и мыхэнэкIэ еклуалIэ фразеологизм адыгэбзэм хэтмэ, ар дамыгъэ ≈ щыгъуу кыхуэхъащ.

Щапхъэхэр:

в добрый час! псори фы ирехъу; ≈ сыхъэт махуэ улуцIэ (фылуцIэ). *В добрый час, Наташа, я не против вашего счастья, только будешь ли ты с ним счастлива? – сказала она.* П. Проскурин, Шестая ночь. Егъ. бог с тобой (3-нэ мыхь.), на здоровье (2-нэ мыхь.), ни пуха, ни пера (н. 31).

другое (иное) дело сказ. нэгъуэщI Iуэхущ, ар нэгъуэщIщ; ≈ абы и Iуэхур щхъэхуэщ. *Выбрать призвание за вас не может никто – ни папа, ни мама, ни учитель. Посоветовать, подсказать – другое дело.* Н. Долинина (н. 124).

4. Урыс фразеологизмэм адыгэ эквивалентыр образность, эмоциональнэ-экспрессивнэ окраскэкIэ кыщхъэщыкIмэ, апхуэдэхэм пометэу егъ. (*егъапцэ*) етащ:

Гонять лодыря разг., неодобр., *щхэ мыхэнэ зиэ* подлежа. и *гъусэу къагъ.*; зэманыр пщIэншэу гъэклуэн (гъэклуэдын), ≈ Iуэхуи

дэлыи имыIэн, егь. чымпэ къямыIэтын, ИтIыр зэтедзауэ шысын, жьэкIэ бадзэ ецэн, шIыбыр дыггэ еггэун. *Я не для того свою дочь воспитывала, чтобы она лодыря гоняла с какими-то приятелями.* В. Осева, Васек Трубачев и его товарищи. Егь. бить баклуши, валять дурака (1 мыхь.), лежать на боку, плевать в потолок, считать ворон (2-нэ мыхь.) (н. 101).

Держать нос по ветру разг., неодобр. Иуэху еплыкIэхэр, дуней тетыкIэр тыншу хьуэжкIэрэ, шытыкIэм зыдеггэкIун, егь. зи гупхэ уисым и уэрэд жыIэ. **Держи нос по ветру**, и все пойдет как по маслу... Г. Данилевский, Девятый вал (н. 114).

Къяггэлыггэуапхьэщ а зэдзэкIыкIэ Iэмалхэм ящыцу зы фIэкIа кышчымыггэсэбэпа статьяуэ псалгальгэм итыр зэрымащIэ дыдэр. ИнэхьыбапIэм IэмалитI, Iэмалищ, зээмызэ уеблэмэ IэмалиплI цызэкIэлхьхьащ. Ар цапхьэхэмкIэ къядггэлыггэуэнти:

а) IэмалитIкIэ зэдзэкIа урыс фразеологизмэхэр:

бабушка <еще> надвое сказала (гадала) апхуэдэу хьунрэ мыхьунрэ иджыри IупщIкыым, пльаггункгэ, депльынщ иджыри, пщIэну шыткыым, ≈ кьушхэ мазэр къяунэхуху. *Если меня обманул сосед, не должен ведь я всей улице не доверять. – Это еще бабушка надвое сказала...* М. Геттуев, Телефонный звонок (н. 8).

без обиняков говорить (сказать) обст. занщIэу, ≈ лъяныкъяуэ емыхьэкIыу, къяхьэкI-нехьэкI хэмылгу. (*Чичиков*), не откладывая дела даме, без всяких обиняков, тут же изъявил готовность принять на себя обязанность платить подати за всех крестьян, умерших таковыми несчастными случаями. Н. Гоголь, Мертвые души (н. 11).

б) зэдзэкIыкIэ Iэмалу шы кышчыггэсэбэпахэр:

втапгивать (втоптать) в грязь кого, что разг., неодобр. щхьэ мыхь. зиIэ подлеж. и гьусэу къягг.; гъяульиин, гъяикIэн; ≈ хуэмыфащэ жеIэн, темыль тельхьэн, шыбггэм кыльхьэн (къяидзэн), и напэр техын; егь. куэншыбым хэльхьэн, фIейм хэльхьэу кыхэхыжын. – *Аллах создал нас мусульманами. Разве к лицу кабардинцам втапгивать в грязь веру отцов?!* Х. Каширгов, Ореол. Егь. бросать грязью, бросать камнем, смешивать с грязью, обливать грязью (н. 77).

выбивать (выбить) из колеи кого отвлеч. предмет мыхь. зиIэ подлеж. и гьусэу къягг.; зэпIээрытыггэм иггэкIын; ≈ и пIэм ихун, зэщхьэщыхун; егь. хьийм ихун. *Человек, обиженный грубым окриком, оскорбленный нечутким поступком, оказывается выбитым из колеи на недели.* Л. Алешина (н. 79).

в) зэдзэкЫкІэ ІэмалипІри зыхэт статьяхэр:

голова кружится (закружилась) чья, у кого 1. = и щхьэр мэуназэ. *Запаситесь также и смелостью, чтобы у вас не **закружилась** голова, когда, взобравшись на иной уступ, взглянете вниз.* К. Ушинский. *Егъ.* в глазах темнеет. 2. ≈ щхьэзэ мэхьу, и щхьэр хоунэзыхь (хокІэрэхьухь), ищІэр ищІэжыркъым. *Голова **закружилась** у бедной степенячки. Василий совершенно покорил ее.* И. Тургенев, Три портрета. *Егъ.* голова идет кругом (2-нэ мыхь.), терять голову (1 мыхь.) (н. 100).

наступать (наступить) на хвост кому прост. *щхьэ мыхь. зиІэ подлеж. и гъусэу къагъ.* 1. лъэщІыхьэн, = и кІэпкъым теувэн. *Кажется, ведь за нами никто не гонится, – неприятель не **наступает** нам на хвост, отчего же, спрашивается, такой беспорядок?* С. Сергеев-Ценский, Лютая зима. *Егъ.* наступать на пятки (1 мыхь.). 2. ≈ и жагъуэ щІын, игу еуэн. Енота знают все. *Он в обхождении прост. Не **наступает** никому на хвост.* С. Михалков, Енот, да не тот. *Егъ.* наступать на ногу (н. 240).

Иджыпсту зи гугъу тцІар, шэч хэмылъу, тхылъым и фІагъ нэхьыщхьэхэм ящыщц. Іэмал зэриІэкІэ, лъэныкъуэ нэхьыбэкІэ урыс фразеологизмэхэр зэпкърихыну авторыр зэрыхущІэкъум и фЫгъэкІэ, псалъалъэр еджакІуэхэм я дежкІэ нэхь гуры-Іуэгъуэ мэхьу, абыхэм информацэ нэхьыбэ къалэрохьэ. Тхылъыр къзыгъэсэбэпхэм урысыбзэр нэхьыфІу къагурыІуэ къудейкъым, атІэ адыгэбзэм и къудеягъхэм, абы хузэфІэкІыным куууэ щыгъуазэ мэхьу ахэр.

Псалъалъэр и кІыхьагъкІэ бджа нэужь нэрылбагъу мэхьу Табыхьум абы тригъэкІуэда къарум и куэдагъыр, абы и гумызагъа-гъэр, и Іэзагъыр дэтхэнэ статьями хьболбагъуэ. Мы псалъалъэр къызэрыдэкІам куэдкІэ нэхь тынщ къищІащ урысыбзэмкІи, адыгэбзэмкІи езыгъаджэхэми, еджэхэми я къалэныр.

Иджы псалъалъэм хэтлбагъуэ щыщІэныгъэхэм ятеухуауэ.

1. Мыбы ихуа фразеологизмэ лІэужьыгъуищым (гупищым) ящыщу ещанэр – бзэм и штапм, клише жыхуаІэхэр – фразеологизмэхэм хыхьэрэ хэмыхьэрэ иджыри зэхэгъэкІа хьуакъым – щІэныгъэлІхэр щІызэдауэ Іуэхуц мыр. Апхуэдэхэр псалъалъэм зэрихуам зэран хэлъу къыщІэкІынкъым, мыхэри еджакІуэхэм тэмэму къагъэсэбэпыф хьун папщІэ. Ауэ ахэр фразеологизм нэхсэм пометэ гуэркІэ къахигъэщхьэхуаІамэ нэхьыфІт:

друг друга, более или менее, выходит замуж, главным образом.

2. Пометэхэр урыс Ихьэм шыурысыбзэу, адыгэ Ихьэм шыадыгэбзэу шытамэ нэхь тэмэмт.

3. Мыхьэнэ зыбжанэ фразеологизмэм щилэм деж, дэтхэнэ зы мыхьэнэри абзацыщлэклэ кышщидзамэ, псалгальгэр нэхь зэхэха, зэхэмызэрыхь, нэхь кьэггэсэбэпыгыуафлэ хьунут. Псалгальгэм папщлэ, псалгальгэм «не за горами» статьяр мыпхуэдэу итщ:

не за горами *обст.* 1. гьунэгьущ, жыжьэкьым, улэбэм улээлэсынущ. *Где ты? Для других – не за горами, для меня – за тридевять земель.* Н. Браун, Ты теперь придешь ко мне не скоро... *Егь.* под боком, под рукой (2-нэ мыхь.), под носом, рукой подать (1 мыхь.), в двух шагах. 2. мыгувэу, кьэклуэну гьунэгьум (благгьэм). *Мне казалось, что Милочка проходит начальную школу материнства, и не за горами то время, когда и сама призадумается над многим.* В. Лидин, Воробьиново поле. *Егь.* на носу, со дня на день, за плечами (2-нэ мыхь.), рукой подать (2-нэ мыхь) (н. 246).

А статья дьдэр зэрыжытлэм хуэдэу пщлымэ, нэхь ефлакцүэркьэ:

не за горами *обст.*

1) гьунэгьущ, жыжьэкьым, улэбэм улээлэсынущ. *Где ты? Для других – не за горами, для меня – за тридевять земель.* Н. Браун, Ты теперь придешь ко мне не скоро... *Егь.* под боком, под рукой (2-нэ мыхь.), под носом, рукой подать (1 мыхь.), в двух шагах.

2) мыгувэу, кьэклуэну гьунэгьум (благгьэм). *Мне казалось, что Милочка проходит начальную школу материнства, и не за горами то время, когда и сама призадумается над многим.* В. Лидин, Воробьиново поле. *Егь.* на носу, со дня на день, за плечами (2-нэ мыхь.), рукой подать (2-нэ мыхь) (н. 246).

4. Иллюстрацэхэм (щапхьэхэм) ехьэллауи мыбыхэм гу льедгьэгтэну дыхуейт.

Япэрауэ, зээйдээгчл псалгальгэхэм апхуэдэу иллюстрацэ куэд, зызыубгьуа кьыхуахь хабзэкьым. Ар зи нэщэнэр псалгэгьэнахуэхэрщ (толковэ псалгальгэхэрщ).

Зээйдээгчл псалгальгэм иллюстрацэ кьыхуэпхьыну яужь уихьэмэ, а иллюстрацэри Гэмал имьлэу ээдзэкьлпхьэщ. Арыншамэ, зээйдээгчл псалгальгэхэр зэрызэхалхьэ хабзэ нэхьыщхьэр кьута мэхьу: зээйдээгчл псалгальгэм и Ихьытлри зэхуэдэн хуейщ, н.ж. Табыхьум и псалгальгэм и урыс Ихьэри, адыгэ Ихьэри информацэ кьуатымклэ зэщхьэщыкьын хуейкьым. Мыбдеж шызэщхьэщокл: щапхьэхэр зилэр урыс фразеологизмэхэм я закьуэщ, адыгэ Ихьэм щапхьэ лэпкь хэткьым.

ЕтІуанэрауэ, а урыс фразеологизмэхэм кѡахуихь шапхѣэхэм урыс тхакІуэхэм я тхыгѣэхэм кѡадэкІуэу куэду яхѣтщ адыгѣ, балѣкѣэр литературэм шыщхэр, урысыбзэкІэ зэдзэкІауэ. Псалгѣм папщІэ:

не твоего (моего, его, ее, нашего, вашего, их) ума дело ≈ уи Іуэху хѣлѣкѣым. *Прошу заранее, не говори о нем пока ни слова Люте. Сам знаешь, какой он взбаламошный, да и не его ума это дело.* А. Налоев, Всадники рассвета (н. 225).

отдать жизнь щхѣэ мыхь зиІэ подлежа. и гѡусэу кѡагѣ.; = гѡащІэр (псѣр) тын. – *Нафисат, не осуждай меня. Я это сделал оттого, что люблю тебя. Прости мне эту жестокость! Не плачь и не убивайся! Я готов жизнь отдать за тебя.* Т. Керашев, Дорога к счастью (н. 286).

Мыпхуэдэу пщІѣныр шыуагѣэщ. ЗэдзэкІа литературэм хѣт фразеологизмэхэр зейр произведенэр зытха тхакІуэр аракѣым, атІэ ар зѣыдзэкІарщ, сыту жыпІэмэ, зѣрызрадзэкІа бзѣм хѣту зэдзэкІакІуэм кѡыгѣэсѣбѣп фразеологизмэхэм ещхьыркѡабзѣ зѣрадзэкІа бзѣм иІѣу ущрихѣэлІэр зѣэмызѣэххѣщ. Псалгѣм папщІэ, **делать нечего** урыс фразеологизмѣм иллюстрацѣу етащ Кѡашыргѣэ ХѣэпащІэ и «ПшѣкІухь» романым кѡыхаха псалгѣуха (н. 111). Езы тхакІуэм кѡыгѣэсѣбѣпар **сыт ищІѣнт** жыхуиІѣрщ. АтІэ Кѡашыргѣэм ейуэ кѣэпльытѣ хѣуну пІѣрѣ **делать нечего** жыхуиІѣр? ДауикІ, хѣунукѣым. Апхуэдѣ шапхѣэхэр куэду кѡыпхуѣхьынущ.

ИщхѣэмкІѣ зѣрыщыжытІащи, зэдзэкІыкІѣ Іѣмал псалгѣальгѣм кѡыщыгѣэсѣбѣпахѣм ящыщщ урыс ФЕ-м пѣхѣу адыгѣ ФЕ кѡызѣрыгѣэлѣгѣуар, дамыгѣэ = яку дѣту. Пѣжщ, мымащІѣу урохѣэлІѣ бзитІым я зѣхѣлѣыкІѣкІи, я мыхѣэнѣкІи зѣгѣунѣгѣубзѣ ФЕ-хѣр хѣту. Псалгѣм папщІэ, апхуэдѣхѣщ:

кровь с молоком = шѣрѣ лѣырѣ зѣщІѣтщ;

капли в рот не брать = ткІуѣпс зыІумылѣхѣэн; нѣгѣуѣщІхѣри.

Ауѣ псалгѣальгѣм ущрохѣэлІѣ мо зи гугѣу тщІахѣм езы Табыхѣум калѣкѣ ищІа (зѣрыщыт дѣдѣм хуѣдѣу зѣридзэкІа) шапхѣэхѣм:

надевать (носить) маску (личину); надеть (личину) *чаще* *неодобр.* щхѣэ мыхь зиІэ подлежа. и гѡусэу кѡагѣ.; = маскІѣ зыІулѣхѣэн (зыІугѣэлѣын, зѣхѣэн), зѣрыщытыр щІѣхѣумѣну хѣтын. – *Значит, ты на время твоего вояжа перестаешь быть самим собой? Надеваешь маску?* С. Дангулов, Кузнецкий мост. Но кто знает людей? Как многие из них могут носить личину и казаться совершенно не тем,

чем они есть на самом деле. Н. Гоголь, Письмо М.И. Гоголю. Егъ. играть роль. Ант.: сбрасывать маску (н. 235).

сидеть на чемоданах щхъэ мыхъ. зилэ подлеж. и гъусэу къагъ.; хьэпшыпхэр зэщлэкъуауэ, гъуэгуанэ пэплъэн, = шумэданым тесын. Он уже сидел на чемоданах, совершенно готовый к отъезду, и ждал брата (н. 383).

Мыпхуэдэ шапхьэхэр пхуэгъэбэгъуэнущ. Дэ дызэрепльымкIэ, «эквивалент» жыхуаIэмрэ калькэмрэ зэхэбгъээзэрыхъ хьунукъым, абы псалгальгэр къээыгъэсэбэпхэр игъэщхьэрыуэнущ.

Иджыри зы гукъанэ худиIэщ Табыхъум и псалалгэм. Мыбы и мыхьэнэр хуабжыу нэхъ ин ищIынут адыгэбзэ фразеологизмэу узыщрихьэлIэхэм я указатель псалгальгэм дыщIигъуауэ щытамэ.

Табыхъу Хьэзрит и IэдакъэщлэкIым и мыхьэнэр зыкIи ягъэщIыкIурккъым мы нэхъ иужыу къэдгъэлъэгъуахэм. ДяпэкIэ мыпхуэдэ псалгальгэ зэхалхьэну яужь ихьэнухэм дежкIэ дызытепсэлъыхъа лэжыгъэр гъуэгугъэлъагъуэ хьарзынэ, щIэгъэкъуэныфI зэрыхъуфынум шэч хэлькъым.

ЕIУЭЛIАПХЪЭХЭР

1. Апажев М.Е. Лексикография и классификация словарей русского языка. Нальчик: Эльбрус, 1971. 44 с.

2. Бабкин А.М. Фразеология и лексикография / Задачи русского фразеологического словаря // Проблемы фразеологии: Исследования и материалы. М.–Л.: Наука, 1964. С. 7–36.

3. Багов П.М. О толковом двуязычном фразеологическом словаре // Исследования по адыгским языкам. Вып. 1. Нальчик, 1977.

4. Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. 191 с.

5. Бэрбэч Б.Ч., Биццо Б.Ч., IутIыж Б.Къу. Адыгэбзэ фразеологизмэхэм я псалгальгэ. Налшык, 2001.

6. Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский А.М. Учебный фразеологический словарь русского языка. М., 1984.

7. Карданов Б.М. Фразеология кабардинского языка. Нальчик, 1973.

8. Карданов Б.М. Некоторые вопросы составления двуязычных фразеологических словарей. Сборник статей по адыгейскому языку. Майкоп, 1976.

9. Табухов Х.К. Школьный русско-кабардино-черкесский фразеологический словарь. Нальчик, 1997.

10. Шаов А.А. Основы адыгской лексикографии. Майкоп, 1980.

B.Ch. Bizhiev

**ON THE PROBLEM OF PREPARATION
BILINGUAL SCHOOL PHRASEBOOK**

This article analyzes the state of the kabardino-cherkess lexicography phraseology. Revealed both positive and negative aspects of virtually all bilingual, including those intended for students, dictionaries circassian languages on the designated topic.

Keywords: phraseological unit, language development of students, bilingual (translated) dictionaries, kabardino-circassian language.

М.Л. Анажев

**О ПЕРВОМ СОВЕТСКОМ РУССКО-КАБАРДИНСКОМ
СЛОВАРЕ Б.Л. ХУРАНОВА**
(К 120-летию со дня рождения Б.Л. Хуранова)

Автор статьи проводит полный анализ первого русско-кабардинского словаря Б.Л. Хуранова, подчеркивая отсутствие описания структуры словаря, что «несколько затрудняет определение и анализ его специфических особенностей, преемственных связей с предыдущими лексикографическими изданиями, русскими и национальными, а главное, все это известным образом осложняет правильное определение его места в ряду других аналогичных трудов, а также работ учебно-методического, культурно-исторического и общенаучного характера».

Ключевые слова: полисемия, омонимия, лексикография, архаизмы, синонимы, орфография.

Биографическая справка. Хуранов Батый Лукманович родился 10 февраля 1890 года в с. Нижний Куркужин. В 1911 году окончил педагогические курсы Моздокского училища. Работал учителем, помощником комиссара Нальчикского округа. Активно содействовал развитию народного образования в КБАО. По его инициативе было открыто педагогическое училище. Участвовал в создании кабардинского алфавита на арабской, а затем на латинской основе. В 1920–1925 гг. возглавлял Областной отдел народного образования. В 1926–1928 гг. работал инспектором Северо-Кавказского краевого отдела народного образования. Был членом Кабардинского ревкома и Кабардино-Балкарского облисполкома. В 1928 г. был незаконно репрессирован, реабилитирован в 1962 г. Им написан «Учебник кабардинского языка» (1924), составлен и издан русско-кабардинский словарь (1927).

Среди работ Б.Л. Хуранова особое место занимает его Словарь, который включает в себя около 6000 слов. В нем, к сожалению, нет предисловия и послесловия, отсутствует также опи-

сание структуры словаря или принципов его составления, что, естественно, несколько затрудняет определение и анализ его специфических особенностей, преемственных связей с предыдущими лексикографическими изданиями, русскими и национальными, а главное, все это известным образом осложняет правильное определение его места в ряду других аналогичных трудов, а также работ учебно-методического, культурно-исторического и общенаучного характера. Тем не менее, можно смело утверждать, что работа Б.Л. Хуранова заслуживает самого серьезного внимания и в высшей степени примечательна, как первая попытка отразить современную ему словарную картину родного языка, упорядочить новую послереволюционную кабардино-черкесскую терминологическую лексику.

В работе такого рода, каким является словарь Б.Л. Хуранова, неизбежны были определенные недостатки и упущения. Необходимо учесть чрезвычайно сложный характер того времени как в социально-экономическом, так и в чисто лингвистическом плане, когда весьма нелегко было отобрать из далеко не устоявшейся, довольно зыбкой, фактически лишь создававшейся терминологической (особенно общественно-политической) лексики самые необходимые словарные единицы и дать им правильные дефиниции или найти убедительные эквиваленты в слабо разработанном тогда еще родном языке. Общеизвестно, что этот период оказался таким же и лингвистически сложным даже для русского языка, на котором в течение всех 20-х и первой половины 30-х годов не удалось составить массовый толковый словарь. И только в 1935–1940 гг. вышел в свет первый советский толковый словарь русского языка, каким явился знаменитый четырехтомный словарь под редакцией Д.Н. Ушакова.

Вполне естественно, что, создававшиеся в тот период в автономных республиках и национальных областях, словари не отличались ни большим объемом, ни разносторонностью охвата лексического материала, ни глубиной разработки семантики слова. О грамматических, словообразовательных и стилистических характеристиках слова говорить и не приходится. Нуждались они в серьезном улучшении и в чисто техническом плане. Главная цель, которую они преследовали, это сугубо практическая.

Как отмечает известный исследователь развития младо-письменных языков народов СССР проф. Ю.Д. Дешериев, словари

20-х годов охватывали обычно от двух до пяти тысяч слов. Это были, выражаясь современной терминологией, словари-минимумы, в которых давалась наиболее употребительная лексика с элементарным объяснением значений переводимых слов. Почти полностью отсутствуют в этих словарях фразеологический и вообще афористический материал языка (пословицы, поговорки, загадки), нет попытки определить специфику словообразовательной структуры слова национального языка. Неясными и неопределенными остаются принципы выделения лексических единиц, разграничения омонимов и разных значений одного и того же слова, как и построения словарных статей в целом. Вдобавок к сказанному отметим, что грамматический очерк как таковой к этим словарям не прилагался. Дело в том, что фронтальное изучение языков народов СССР тогда начинало только разворачиваться, и в 20-е годы еще очень мало было сделано в области исследования фонетического строя, грамматической структуры и лексико-семантической системы младописьменных языков.

Такова была картина состояния изученности языков народов Северного Кавказа, на фоне которой предпринимаются первые шаги в области двуязычной лексикографии.

Кабардино-черкесская лексикография не составляет в этом отношении особого исключения. Отсюда должно быть понятно, какие обстоятельства необходимо учесть для объективной оценки первого советского словаря кабардино-черкесского языка, каким явился «Русско-кабардинский словарь» Б.Л. Хуранова.

Словарь Хуранова в известной мере отражает лексико-семантическую систему кабардино-черкесского языка середины 20-х годов, что делает анализируемую работу особенно ценной. Известно, что изучение словарей и словарных материалов различных периодов развития общества имеет большое культурно-историческое и научно-познавательное значение, ибо, как было замечено еще великим французским энциклопедистом Дени Дидро, «одно лишь сравнение словаря языка в разные эпохи даст возможность представить характер прогресса народа». Следовательно, показания словарей весьма существенны не только для самого языка, но и для народа, создавшего его и говорящего на нем.

Большой интерес в этом плане представляют лексические и семантические архаизмы и другие явления, обнаруженные в словаре Хуранова. Эти факты весьма поучительны и служат важ-

ным свидетельством о сдвигах не только в языке, но и в социально-экономической и культурной жизни кабардинцев и черкесов за годы Советской власти. Напр.: зритель – *къэзыплъыхъ*, совет – *чэнджэщ*, союз – *зэгъусэныгъэ*, звонить – *уэджынэ еуэн*, изгнанник – *хэкум ирахуа*, абрэдж, деготь – *щГыдагъэ*, кисель – *бэджынэ*, гусли – *Іэпэшынэ*, порядок – *унафэ*, къябзагъэ, делопроизводитель – *писыр*, залп – *шампаул*, грациозный – *назыкъ*, горлица – *къыдрьгъуу*, грабли – *тырнауш*, грузин – *куржы*, сатира – *къебжэкІ*, ситец – *франдж*, лагерь – *дзэгъуэлъыпІэ*, климат – *хъэуа*, памятник – *кхъэлэгъунэ*, печать – *мышъур*, пиво – *сырэ*, пистолет – *фоч кІэщІ*, переводчик – *тэрмэш*, список – *дэфтэр*, налог – *подыт* и др.

Наряду с архаизмами различных типов и некоторыми фонетическими вариантами слов, в словаре Хуранова нашло себе место немало примеров синонимов, свидетельствующих об известном богатстве, выразительности и гибкости языка: бессовестный – *нэмысынышэ*, *щэнынышэ*, *напэнышэ*; вдоволь – *ирикъухукІэ*, *хуеихункІэ*; боязнь – *къэрабгъагъэ*, *шынагъэ*; виновность – *мысагъэ*, *къуанышагъэ*; возбуждать – *къызэщІэгъэплъэн*, *къэгъэгубжьын*; возрождение – *къызэфІэгъэувэж*, *къэтэджыж*; ворожить – *Іэгу иплъэн*, *джэщ дзын*; гадалыщик – *Іэгуиплъэ*, *джэшыдз*; воскресить – *къэгъэтэджыжын*, *къэгъэхъужын*; защищать – *тепсэлъыкІын*, *къыщхъэщыжын*; сверкать – *цІыун*, *лыдын*; вследствие – *папщІэ*, *щхъэкІэ*; встречать – *ІущІэн*, *зэІущІэн*, *пежъэн*; выцветать – *текІыжын*, *фэм зихъуэжын*; вежливость – *Іэдэб*, *нэмыс*; примета – *дамыгъэ*, *тхъэбзэ*, *берджылы*; верный – *пэж*, *къомыщэж*; герой – *лыхъужъ*, *щэджащэ*; тонкий – *псыгъуэ*, *пІащІэ*; гнет – *залымыгъэ*, *текъузэныгъэ*, *леиныгъэ*; голубой – *щІыху*, *щхъуантІэ*, *щхъуантІафэ*; ошибка – *хъэлэтІ*, *щыуа*; город – *къалэ*, *щыхъэр*; плетень – *чий*, *бжыхъ*; для – *щхъэ*, *щхъэкІэ*, *папщІэ*; итак – *аркъэ*, *арици*; корм – *Іус*, *шхын*; дно – *лъащІэ*, *щІагъ*; скупой – *быдэ*, *къээр*; жеребенок – *шыщІэ*, *нэбгъэф*, *къунан*; горожане – *къалэдэс*, *щыхъэрдэс*; гадить – *Іей щІэн*, *бзаджэн*, *зэран хъун*; кант – *нэз*, *гъунэ*; караул – *плъыр*, *хъумакулэ*, *къэрэгъул*; кучер – *шыгузехуэ*, *гущхъэІыгъ*; исправный – *этес*, *зэгъээхуа*; испытать – *еплъын*, *зэгъэцІыхун*, *кІэлъыплъын*, *имущество* – *мылъку*, *псэуалъэ*; изобилие – *куэдэгъэ*, *къелыж* и мн. др.

Общеизвестно, что кабардино-черкесский язык излишне богат омонимией, т.е. словами одинакового звучания, но разного значения. Эта особенность языка отразилась в словаре Хурано-

ва: 1. *Иэзэ* – лекарь, врач, доктор; 2. *Иэзэ* – мастер. 1. *Быдз* – груди; 2. *Быдз* – кран. 1. *Жан* – острый (о ноже); 2. *Жан* – поворотливый (о человеке). 1. *Лы* – муж; 2. *Лы* – мужчина. 1. *Гъуапльэ* – медный; 2. *Гъуапльэ* – медь. 1. *АкъылыфIэ* – мудрец; 2. *АкъылыфIэ* – мудрый и др.

Полисемия как результат обобщения, результат группировки и своеобразного исторического нанизывания разных значений в пределах одного слова нашла определенное отражение в анализируемом словаре, напр.: *къом* – группа, груда, куча, стая; *пщтыр* – горячий (напр., чай), вспльчивый (о человеке); *псынщIэ* – легкий (напр., груз, ноша), несерьезный; *къабзэ* – чистый, красивый (ср.: *пэш къабзэ* – чистая комната, *хъыджэбз къабзэ* – красивая девушка) и др.

Вопрос о разграничении полисемии и омонимии весьма сложен, и он не получил однозначного решения даже в современной лингвистике. Поэтому естественно, что смешение этих явлений характерно для словарей первых лет после октябрьского периода. Не избежал этого и Хуранов, который нередко дает в одной словарной статье, под одной крышей, как факты многозначности явные омонимы: *коса* – *шэмэдж* (сельскохозяйственное орудие), *щхъэц* (волосы на голове), *кулак* – *ИштIым* (кисть руки со сжатыми пальцами), *бей* (богач), *къару зилэ* (властелин, власть имущий); *сырой* – *мышъу* (незрелый, неспелый), *цIынэ* (сырой), *псыIэ* (влажный); *травить* – *еуштын* (науськивать), *гынкIэ укIын* (отравить ядом); *колода* – *дакъэжь* (обрубок бревна), *куэзыр* (игральные карты); *ложе* – *пIэ* (место,местилище чего-н.), *тIысынIэ* (сиденье), *фочынIэ* (ложе ружья); *мир* – *зэклуж* (примирение), *дуней* (Вселенная) и мн. др.

В целом ряде довольно сложных случаев автор обнаруживает правильное понимание многозначности слова. Напр.: *принимать къэщтэн, гъэхъэщIэн, щIэдзэн*; *мелкий* – *жьгъей, кэнж*; *выучить* – *егъэсэн, егъэджен, щIэныгъэ етын*; *легкость псынщIагъэ, жаныгъэ*; *грязь ятIэ, фIей*; *деревня* – *къуажэ, жылэ*.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что Б.Л. Хуранов впервые фиксирует массу новых слов (в отличие от Ш.Б. Ногмова и Л.Г. Лопатинского), среди которых немало и абстрактных понятий: *сознание зэхэщIыкIыныгъэ, существовать щыIэн, создание къагъэщIа, легкость псынщIагъэ, жаныгъэ, сомнение шэч, наука щIэныгъэ, еджэныгъэ, понятие*

зэхэщыкыныгыэ, понятный зэхэщыкыгыбуафлэ, разгар гуэщлэгьуэ, сожаление – гуэщлэгьу, стыд – емыкгу, справедливость – захуагыэ, нэжыгыэ, судьба натлэм илгыр, слияние зэхэхэныгыэ, могущество гуащлэ, кьару, лъэщыныгыэ, слой – кьат, мужество – лыгыэ, мука – гугьуехь, снисхождение (гу) щлэгьуныгыэ, хуэгьэгьуныгыэ, стихотворение шыналэ, мысль гунсысэнныгыэ, яловый бгыэ, мнительность кьыфлэщыкыныгыэ, существо псэушхьэ, сущность Гуэхур зытетыр, соблазнять дэхэхын, трогательный гур хэзыгыэщлэ, соvestливый укытэх, сомнительный гурышхьуэ зыхэлъ, сосредоточить зэхуэсын зыщыплэ, судорога хуэш, складка зэгьалъа, ступица гунхьэтлэкгу, сплетня бзэгухэхэныгыэ, теснина зэвыплэ, толковать егыэщыкыхун, тревога гузэвэгьуэ, тыл щлэыб, тупость гунэфыгыэ, составной зэхэлъ и мн. др. Нельзя не отметить, что автор нашел немало удачных соответствий русским словам, хотя некоторые из них оставляют желать лучшего (ср., напр., сущность, создание, трогательный и др.).

По сравнению с предыдущими словарными записями и изданиями, новым моментом для кабардино-черкесской лексикографии являются также сочетания слов свободного или связанного (фразеологического) характера, которыми, правда, редко оперирует Б.Л. Хуранов как во входной (русской), так и в выходной (кабардинской) частях своего словаря. Например: вытаращить глаза – нэр кьыгыгьэжын, выездить лошадь – (шыр) зэхуэфлэщыкын, водяная мельница – псышхьэл, винокуренный завод – аркьэ щыщлэ завод, борзая собака – хьэ джафэ, подозрительный – шэк зыхэлъ, приемный отец – аталыкь, санный путь – лэжьакгуэ, ткацкий станок – щэнджатэ, удить рыбу – бдзэжьей ещэн, устье реки – псы хэхуанлэ, утренняя заря – пцэдджыжь пшэплъ, орошать – псы щлэгьэлъэдэн, опозорить – нанэ техын, подзорная труба – нэрыплэ, проводить время – махуэр гьэкгуэн, проливной дождь – уэшхышхуэ и др.

В словаре Хуранова, как впрочем и в других русско-национальных словарях этого периода, имеют место нередкие случаи неверного перевода значения, или неполного охвата пучка значений русских слов, или охвата лишь их неглавных, переносных значений. Ср.: сорная трава – хьэкьыриш (сурепка), борозда – вагыэ (пашня), высиживать – кьуртын, кьышын (стать наседкой, выводить цыплят – о курице), горчица – шыпс (соус), климат – хьэуа (воздух), гостинец – шханлэ (столовая), грош – уасэ

зимыIэ (не имеющий цены), дерн – банэ (колючка), домовитый – пцIантIэм дэсырей (домосед), донос – лъэIэс (достигающий), замысел – мурад бзаджэ (злое намерение), знакомить – благъэ хуэцIын (породнить), клещ – хъэдзыгъуанэ (оса), клюква – зэрыджэ (калина), олово – бдзамцIэ (свинец), пепел – сабэ (пыл), повод – шхуэмылакIэ (ремень узды), пологий – задэ (крутой), поражение – текIуэныгъэ (победа), родители – Iыхълы (кровные родственники) и нек. др.

Б.Л. Хуранов иногда пользуется приемом развернутого, энциклопедического толкования значений русских слов на кабардино-черкесском языке, особенно он прибегает к этому приему в начале своего словаря. По-видимому, автор намеревался создать не просто переводный двуязычный словарь, а двуязычно-толковый. На подобное предположение наталкивает нас анализ специфики переводов и определений целого ряда слов на букву «А». Приведу несколько примеров.

Адвокат – уэчыл, Iуэху зыфIэзыгъэкIыф цIыху, хабзэ Iуэхум еджа цIыху.

Артель – лэжьыгъэкIэ зэхыхъа гуп.

Архитектор – псэуалъэ Iээу езыгъэщI цIыху.

Атака – зэуэ зэдилъу теуэ.

Автономия – хэку щхъэхуит, я Iуэхур езы цIыхухэм зэрэхъэжыну.

Авантюрист – бзаджэнаджэ, цIыху къэгъапцIэ, гъэпцIагъэкIэ цIыхухэм яфIэзышх.

Агрикультура – мэкъумэшыр езэгъыу щIэн зэрыхуейм тепсэлъыхъ щIныгъэ.

Агроном – мэкъумэш зехъэкIэм хуэгъэса цIыху.

Активист – Iуэху и пщэ иралъхам щхъэкIэ гугъу зыригъэхъу и лэжьыгъэр и кIэм нэзыгъэс.

Анатомия – Iэпкъ-лъэпкъым тепсэлъыхъ щIэныгъэ.

Аристократия – зызыгъэлъапIэу щыт цIыхухэр: пщыхэр, уэркхэр, тетыгъуэ зиIэхэр, бейуэ щытхэр.

Архив – тхылъхэр зыцахъумэ щIыпIэ, ахэр зыдэщыль.

Астрономия – вагъуэхэмрэ, мазэмрэ, дыгъэмрэ тепсэлъыхъ щIэныгъэ.

Данный подход может быть оправдан тем, что автор впервые знакомит с этими словами народные массы. Нам думается, что Хуранов здесь не преследовал каких-либо пуристических це-

лей, как может показаться на первый взгляд, – изгнать русские и интернациональные термины из кабардино-черкесского языка, не вводить их в родной язык. Скорее всего, наоборот: давая на родном языке разъяснения научных понятий и терминов, автор явно стремится популяризировать, сделать более доступными, понятными и близкими русские и международные слова.

Орфография любого словаря, кроме основного своего назначения, имеет, на наш взгляд, и другое немаловажное значение как хранилище известной информации о состоянии языка того или иного периода. В этом плане сравнение орфографии словаря Хуранова с современными нормами кабардино-черкесского правописания не лишено филологического интереса. У Хуранова фиксируются такие написания: *бзэджэ-наджэ* – скверный, негодяй; нечистая сила; *Іэпкъ-лъэпкъ* – тело; *мэкъу-мэи* – сельское хозяйство; *уафэ-хъуэпскІ* – молния; *щІалэ-гъуалэ* – молодежь; *кІыхь-лІыхь* – затяжной, долгий; *Іэпс-лъэпс* – сбруя; *хъэкІэ-кхъуэкІэ* – звери; *къуанишэ-бынишэ* – искривленный и нек. др. Хотя орфография в основном и условна, все же многое в ней опирается на сознание, здравый смысл, логику. О чем могут свидетельствовать приведенные факты? Они говорят не просто о неустоявшихся орфографических нормах и допусках колебаниях. Причины их лежат глубже. Сами эти случаи написания зависят от восприятия, понимания данных слов носителями языка, зависят от того, вычлениются ли в них те или иные части, осознаются ли они как состоящие из нескольких элементов. Здесь мы видим, как тогдашнее языковое сознание кабардинцев воспринимало данные слова (ретроспективно-сложные) в качестве словосочетаний или тавтологических выражений, находящихся на пути превращения в самостоятельные лексические единицы, т.е. на пути лексикализации. Ср.: *уафэ-хъуэпскІ* – букв.: небо + сверкающее = молния; *фэрэкІ-напэ* – букв.: оспа + лицо = оспенное лицо; *тэмакъ-кІэщІ* – букв.: горло + короткое = вспыльчивый и т.д.

В словаре Хуранова еще одно место требует некоторого разъяснения. Речь идет об отступлениях от алфавитного порядка расположения слов, что, в общем-то, считается недопустимым, по крайней мере, весьма нежелательным.

Чем вызваны эти зигзаги? Нам кажется, что причиной такого нарушения явилось то, что Б.А. Хуранов, воспользовавшись

словником какого-то дореволюционного русско-национального словаря (возможно, «Русско-кабардинского словаря» Л.Г. Лопатинского), не учел последствий реформы русской графики в 1917–1918 гг., и в результате появилась отмеченная выше непоследовательность в расположении слов. Как явствует из приведенных примеров, за редкими исключениями эти нарушения связаны с изъятием из русского алфавита знака «Ъ» (ять) и изменением функции буквы «ъ».

Из всего сказанного можно заключить, что Словарь Б.Л. Хуранова, несмотря на некоторые его недостатки, является важным памятником кабардино-черкесского языка первого послереволюционного десятилетия, положившим начало нелегкому пути становления и развития советской кабардино-черкесской лексикографии. И трудно поверить, что этого интересного памятника нет ни в учебных заведениях, ни в книгохранилищах республики. Нам удалось с ним познакомиться лишь в Москве.

В связи с таким положением было бы логично и справедливо поставить вопрос о необходимости скорейшего переиздания этого замечательного свидетельства нашего языка и нашей культуры с соответствующими разъяснениями.

M.L. Apazhev

**THE FIRST SOVIET RUSSIAN-KABARDIAN
DICTIONARY OF B.L. HURANOV**
(To 120-th anniversary of the birth of B.L. Huranov)

The author of this article carries out a full analysis of the first russian-kabardian dictionary B.L. Huranova, emphasizing the lack of description of the structure of the dictionary, which, according to the author, «somewhat difficult to determine and analyze its specific characteristics, continuity with previous editions of lexicographical, russian and national, and most importantly, it's all in a known manner complicates the correct definition of its place in a number of other similar works, as well as educational and methodical work, cultural, historic and scientific nature».

Keywords: polysemy, omonimiya, lexicography, archaisms, synonyms, spelling.

Н.Р. Иванков

К ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМА НАТТЫХЪУАЙ

В статье проводится детальный анализ по морфемам слова «наттухай». Установлены значения его составляющих частей, откуда выводится общее значение «субстанция, покрытая участками».

Ключевые слова: этимология слова, топоним, составляющие морфемы, общее значение, этноним.

Существуют три этнонима, обозначающие одно и то же племя – наттыхъуай, наттыхъуэккъуадж и наттыхъуадж.

Наттыхъуай. Образован при помощи суффикса «й» от наттыхъуэ, в свою очередь образованным от ттыхъуэ, которая значит «покрытая участками», при помощи префикса «на» со значением «предмет, субстанция» и значащей «предмет, субстанция, покрытая участками». Конкретное значение префикса «на» устанавливается по предметной соотнесенности (денотату, референту) формы, в которой функционирует эта морфема. Так, например, в форме *натырыф* «кукуруза», образованной от *тырыф* со значением «дареный злак», «на» с обобщающим значением «предмет, субстанция» конкретно обозначает кукурузу. Происхождение этого злака обыграно народно-этимологически в нартском эпосе лицом, хорошо знавшим, что форма *натырыф* значит «дареный злак»¹. В этом обобщающем значении «предмет, субстанция» «на» выступает в форме *нэгъучъыцц* (*нэгъучъыцэр*) колдунья, людоедка, выступающая в адыгейских сказках в роли бабы-яги – «субстанция, существо» с железными зубами», конкретно – «старуха с железными зубами». Ср. еще: *напэ* «лицо», толкуемое как *глаз+нос*, игнорируя такой существенный

факт, как лишенность сложной единицы, состоящей из форм с номинативными значениями (в смысле В.В. Виноградова), возможности выступать в функции номинативной единицы, так как такое сочетание, такая «форма» может значить только то, что значат его компоненты. В *напэ* «на» реализует то же значение, что и в *натырыф*, *нэгъучыцц*, а именно – «субстанция» и *букв.* значит «субстанция «перед», «перед», «переднее», то, чем в первую очередь предстает как некая сущность. Образования с этой морфемой передаются на русском языке и адъективными формами, что в свою очередь наводит на мысль о типологической близости ее окончаниям русских прилагательных и причастий. В том же значении «на» выступает в формах нарт «нартт» («предмет, субстанция, существо», конкретно – «человек»), Нау, Наужьый, Науцъыкы, Хэнау (собственные имена с тем же значением «на», что и в нарт) и т.д. В *Наттыхъуэ* конкретным значением «на» является «пространство, территория». Разумеется, отдельно взятая фонема-морфема «н(а)» не значит «человек, лицо», «кукуруза», «пространство», «старуха», но отдельно взятая фонема-морфема, например, «с» тоже не значит «сидеть, покоиться».

Корневая морфема «тты» означает «участок». В этом значении «тты» выступает в форме ттыкку «кут», *букв.* «участок закрытый, прикрытый», «одетый» в смысле «опоясанный» (лесом, горами и др.) (для «кку» см. ккуамэ «крона», *букв.* – «прикрытие, одежда» (дерева), ккуэны (каб. гуэн) «турлучная постройка, предназначенная для хранения зерновых культур»³, *букв.* «прикрытие, одежда» (для зерновых культур). Ср. еще формы с корневой морфемой «кку» – сэшшккуэ «пашка», *букв.* «навершие», («верхнее» одеяние для «сэ» «сабли» (для «шш» ср. шшыгу «макушка»), шшккуэл «вымя», *букв.* «навершие», «субстанция – навершие, «одежда», ккуэл, ккуэлх, «колы» (все формы бжедугские), «колхи», «Колхида» и др.) (значение «субстанция» в формах шшккуэл «вымя», Ккуэл «кол» заключено в морфеме «л», «х» в Ккуэлх значит «территория», «страна», ср. Абыдзах, Клах). Участки, о которых идет речь в данном случае, отличаются друг от друга как по ландшафту, так и по климату. (См. ниже).

«Хъуэ» причастная форма от глагола хъуэн «покрывать». Ср.: Мэзыджэ хъуэгъэ чыналь «Лесами покрытый участок». Наттыхъуэ, как топоним, в целом значит «субстанция (т.е. «тер-

ритория»), покрытая участками» (*адыгск.* «ттырыттэу хъуэгъэ субстанц, чыпI»), как этноним – «житель места, названного топонимом (метонимически), точнее – «из Наттыхъуэ», «натуховский». (Ср. другое название этого края, известное до сих пор отдельным жителям Причерноморской Шапсугии – Хъаттырамттыкку – «сплошь покрытый участками кут, угол, край» (как топоним) и «человек, живущий в Хъаттырамттыкку» (как этноним).

Территория (бывшая) «Наттыхъуэ» действительно испещрена долинами многочисленных малых и более крупных рек, подъемами и спусками, оврагами и равнинами и т.д. Характерной особенностью этого края является то, что каждый такой участок характеризуется, как уже отмечено, собственным не только ландшафтом, но и климатом. Так, например, от долины реки Псызэуапэ, где располагается небольшое селение Тхагапшшш, долина реки Ашшэ с селениями Хъаджыккъу, Къэлэжь, Лыгъуэтх (*букв.* «опалаяющий, обжигаящий холодом хребет») и др. и по своему ландшафту, и по «суровости» климата отличается настолько заметно, что жители приравняли ее (долину Ашшэ) к Соловецким островам. Ср. бытующее у местных жителей выражение: Зачем надо было возить особо провинившихся в Соловки, достаточно было отправить их в долину Ашшэ.

Долина же реки Шэпсы характеризуется более мягким по сравнению с долиной Ашшэ климатом, но более снежной зимой.

Более подробные и достаточно полные сведения о ландшафте и климатических условиях этого края можно получить из произведений Дж. Бэлла, Спенсера и др. иностранных авторов.

В отличие от производящей формы ттыхъуэ производная Наттыхъуэ – топоним – и метонимически образованный от топонима этноним наттыхъуэ/натхъуэ функционируют в языке с редуцированной в разной степени фонемой «ы»: у этнонима до нуля, у топонима – до пределов, оставляющих возможность сохранения внутренней формы. Это различие степени редукции «ы» в топониме и этнониме связано с особенностями их образования. Значение топонима Наттыхъуэ словообразовательно мотивировано значениями составляющих его морфем. «Значение» же этнонима наттыхъуэ не имеет никакого отношения к составляющим его морфемам, оно не «сложено» из них, не мотивировано ими. Наттыхъуэ, как этноним, повторяем, – ме-

тонимическое образование от топонима Наттыхъуэ и значит «из Наттыхъуэ», «натуховский». Образовавшееся формальное различие между топонимом и этнонимом объясняется отсутствием связи значения этнонима наттхъуэ с его составляющими, отсутствием выводимости его (этнонима) значения из значений составляющих, а также известным свойством гласной фонемы «*bi*» редуцироваться до нуля. То, что позволительно (имеется в виду редукция «*bi*» почти до нуля) словообразовательно не мотивированному и потому не сдерживаемому значениями морфем, из которых состоит, а потому в определенном смысле немотивированному знаку этнониму наттхъуэ, не позволительно словообразовательно мотивированному топониму Наттыхъуэ.

Возникшее на фонетической и словообразовательной почве формальное отличие этнонима наттхъуэ от породившего его топонима Наттыхъуэ, однако, не мешало выступать ему в функции этнонима, по крайней мере в течение определенного времени, в виде наттыхъуэ с редуцированным, но прослушиваемым «*bi*» и в виде наттхъуэ с редуцированным до нуля «*bi*». (Ср. аналогичное натрыф, редукция «*bi*» до нуля в которой объясняется стертой внутренней формы слова натырыф).

Образование формы Наттыхъуай (как топонима) могло проходить двумя путями – от топонима Наттыхъуэ при помощи суффикса «*й*» и значить *букв.* «ареал, территория субстанции (пространства) покрытой участками» или от этнонима наттыхъуэ/наттхъуэ, метонимически образованного от топонима Наттыхъуэ, и значить «ареал проживания племени наттыхъуэ/наттхъуэ». Наттыхъуай (как этноним) со значением «человек, проживающий в Наттыхъуай», «из Наттыхъуая» «натухаевский», являясь метонимическим образованием может восходить как к результату первого, так и к результату второго путей образования топонимов под названием Наттыхъуай.

В настоящее время форма натхъуэ/наттыхъуэ, можно сказать, уже не употребляется как этноним. Ее «заслуженно» заменила форма, порожденная ей, – Наттыхъуай. Форма же Наттхъуэ функционирует как фамильное имя, происхождение которого может быть связано с именем или прозвищем одного из представителей этого рода или восходить к этнониму наттхъуэ (ср. фамилию этнонимического происхождения Къэбэртаи в а. Шанчериехабль РА).

Не надо думать, что образование топонима Наттыхъуай проходило «постепенно», в смысле: сначала появилась форма ттыхъуэ и ждала своего привлечения для образования формы Наттыхъуэ (топонима), которая в свою очередь выжидала, когда ее позовут для образования топонима Наттыхъуай. Такая «постепенность», такое «нанизывание» одной морфемы на другую «с полком» чуждо языковой номинации. В языке номинация любая всегда одноактна. Постепенность имеет место лишь в получении гражданства, т.е. в распространении, освоении возникшей формы носителями языка. Поэтому такие «способы» образования фразеологических единиц, как «в результате утасания значений компонентов», «деактуализация значений компонентов», «метафоризация свободного словосочетания» и т.д. не имеют ничего общего с фразеономинацией. Фразеологизм и не результат утасания значений компонентов фразеологической единицы, или деактуализации значений составляющих ее, не метафоризированное, а метафорическое образование. Фразеологизм, как и любая метафора, одноактно возникшая метафорическая номинативная единица.

Все, только что перечисленные топонимы и метонимически образованные от них этнонимы сосуществовали со своими значениями определенный период времени. Об этом свидетельствуют восходящие к этнониму наттыхъуэ/наттхъуэ образования Наттыхъуэкъуадж и Наттыхъуадж (сегодня уже архаизмы) как топонимы и как этнонимы. С течением времени язык (вернее, носитель языка) определил каждому из них, где и в каком значении пребывать каждой из этих форм. Современным адыгам и как топоним, и как этноним известна лишь одна форма – «Наттыхъуай».

Наттыхъуэккъуадж (топоним). Состоит из наттыхъуэ в указанном выше словообразовательно немотивированном этнонимическом значении «натухаец», «натухайский» (адыгский эквивалент – просто «наттыхъуэ/наттхъуэ» без какого-либо словообразовательного аффикса) и основы ккъуадж «поселение», букв. – «ответвившегося», «ветви» субстанция («поселение», «место»), Нааттыхъуэккъуадж в целом значит «Ветви (племени) наттыхъуэ субстанция («место», «поселение»). (Исходная форма топонима Нааттыхъуэккъуадж – форма множественного числа Наттыхъуэккъуаджэхэр). Значение «субстанция» («место») за-

ключено в морфеме «дж». В значении «субстанция» «дж» выступает в формах шэндж «стог», лъэмыдж «мост» и др. Значение «ветвь» заключено в морфеме «ккъуэ». Ср.: Гъуэбэккъуай «Габукай» (аул Чеченаевского племени на р. Пшиш (Пшшьышшь), букв. – «субстанция (место) ответвления, ветви Гъуэба», Адыгей – «Субстанция адыгов» (т.е. – «территория»). (В формах Гъуэбэккъуай, Адыгей значение «субстанция» («место») заключено в суффиксе «й». (О значении «ккъу» подробнее см. этимологию этнонима бжъэдыгъу).

Наттыхъуадж (топоним) образован также от этнонима наттыхъуэ+суффикс «дж» с тем же значением, что и в ккъуадж, шэндж и в целом значит «субстанция (территория, земля) племени Наттыхъуэ».

Этнонимическое значение «наттыхъуэккъуадж», «натыхъуадж» «из наттыхъуэккъуаджа», «наттыхъуэккъуаджевский», «из наттыхъуаджа», «натыхъуаджевский» у топонимов Наттыхъуэккъуадж и Наттыхъуадж вторичное, метонимическое, не мотивированное составляющими.

Из трех этих форм в настоящее время для обозначения и территории и племени, как уже отмечено выше, употребляется только форма Наттыхъуай.

По мнению П.У. Аутлева, «среди адыгских этнонимов нет ни одного такого, смысл которого был бы так прозрачен, как у натхъуай. Он образован из двух частей: нэ «глаз», тхъуэ – «серый» (ср. нашхъо «синеглазый», нагъо «желтоглазый») и ай (йай) – притяжательный суффикс, употребляемый «для словообразования в именах, обозначающих селения, племена, страны, народности, растения и т.д.». Следовательно, этноним (выд. мной. – И.Н.) натхъуай может быть осмыслен как «владение сероглазых»⁴.

Предложенная П.У. Аутлевым этимология формы Наттыхъуай, на наш взгляд, неприемлема потому что, во-первых, нет вообще такой формы, как Натхъуай. В топониме-этнониме Наттыхъуай, состоящем из этнонима наттыхъуэ, восходящего к топониму Наттыхъуэ со значением «субстанция покрытая участками», после части «натт» всегда слышится и произносится «ы» полного образования или редуцированное. Образованный же, как считает Аутлев, от наттхъуэ «сероглазый» топоним Натхъуай не имеет после первого слога «нат» ни в каком качестве гласного «bi», а само образование звучит не как Натхъуай, а как

Нэтхъуай. Во-вторых, потому что форма со значением «владение сероглазых» не может в этом значении быть этнонимом, как считает Аутлев. В этом значении форма эта – топоним, в котором в качестве этнонима выступает наттхъуэ «сероглазый». Нэтхъуай «владение (место. – И.Н.) сероглазых» (топоним) может также, как и другие топонимы, приобретать метонимически этнонимическое значение, но это уже будет не «владение сероглазых», а «из владения сероглазых», точнее – «из Сероглазьева», «сероглазьевский». Суффикс «*и*» здесь и в аналогичных случаях не притяжательный со значением «владение», а морфема, реализующая значение «место», «место пребывания». В третьих, само толкование натхъуэ как «сероглазый» не убедительно по той простой причине, что ттхъуэ в адыгских языках не значит «серый» и наттхъуэ не значит «сероглазый». Адыгским эквивалентом русской форме «сероглазый» является слово нашшхъуэ. См.: *Нашшхъуэ* (нашхъор, нашхъохэр) голубоглазый, -ая, -ое, сероглазый, -ая, -ое. Зынэ шхъуантгэр ары. Кгэлэ нашхъу. Пшгъэшгъэ нашхъу⁵. И, наконец, трудно поверить в то, что таким редким у адыгов цветом глаз, как «серый», обладало целое адыгское племя наттхъуай.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нарты. Майкоп, 1971. Т. 7. С. 194, 195.
2. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 1960. С. 427.
3. Там же. С. 266.
4. Аутлев П.У. Из адыгской этнонимии / Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 248.
5. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 1960. С. 421.

N.R. Ivanokov

FOR THE ETYMOLOGY OF THE ETHNONYM NATTUHAY

The article gives a detailed analysis of the components of the words «nattuhay». Set the values of its constituent parts, where displays the total value of «substance covered with plots».

Keywords: the etymology of the word, toponym, components morpheme, the total value of the ethnonym.

А.К. Аптоев, М.А. Качалаева

АНТОНИМИЯ КУМЫКСКОГО, КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В данной статье рассматриваются процессы антонимии фразеологических единиц в кумыкском, карачаево-балкарском и английском языках. Рассмотрены способы образования антонимичных фразеологизмов в этих языках. Показана взаимосвязь рассматриваемых языков.

Ключевые слова: антонимия, лексема, семантика, фразеологическая единица.

Как известно, антонимия носит универсальный характер. В сравниваемых языках существует значительное количество ФЕ, созданных на основе противопоставления компонентов. При антонимии обязательным является наличие минимум двух раздельно оформленных единиц с лингвистически выраженной противопоставленностью.

Рассмотрим способы выражения антонимии в сравниваемых языках.

1. Лексемы, не являющиеся антонимами в речи, в составе ФЕ придают фразеологической паре оппозиционную семантику: баш гётермек/баш кётюрюрге «гордиться, восстать» – баш урмакъ/баш уругья «кланяться, бить челом» (Мишик ёкъ ерде чычгъан баш гётерер/Киштик болмагъан жерде чычхан баш кётюрюр – Там, где нет кота,мышь возгордится). – Тойгъан ерде тогъуз гюн баш ур/Тойгъан жерге тогъуз кере къайт – Там, где наелся, девять дней кланяйся/возвращайся (будь благодарным).

В английском языке: bad news «плохая новость» – good news «хорошая новость» (Proverb. *Bad news travels quickly, ill news flies*

fast. – «I hear you've had a big success tonight, Miss Lambert.» How quickly *good news* travelled. (S. Maugham). В английском языке возможно противопоставление более одного компонента: get on the wrong side «подойти к (к-л) не с той стороны» – stay on the right side «найти правильный подход к (к-л)» (I wouldn't like to get on the wrong side of him. (CC) – You'll need to get on the right side of Carmela. (CC).

2. Лексемы, являясь антонимами вне ФЕ, сохраняют свою оппозиционную семантику и во ФЕ: сёз бермек/сёз берирге «дать зарок, обещать; предоставить слово» – сёз алмакъ/сёз алыргъа «заручиться словом, обещанием; взять слово» (Осман да шону тюз гёрюп, дагъы къайгырмасман деп сёз берген дей) – Къызъяшдан сёз алмагъа къатынгишиге тынч болур деп ойлашаман) (Осман тоже согласившись с этим, говорят, дал слово, что не будет больше переживать. – От девушки женщине легче будет взять слово, думаю.) В кумыкском и карачаево-балкарском языках существуют синтаксические конструкции обладания/не обладания: тили бар/тили болгъан «языкастый (-ая); дерзкий (-ая) на язык» – тили ёкъ/жокъ «сдержанный, неболтливый, скромный».

3. Лексемы, являющиеся антонимами вне ФЕ, не имеют оппозиционную семантику в составе ФЕ: авур хасият «тяжелый характер» – енгил хасият «вспыльчивый человек; загорается как спичка» (Атикатны бираз авур хасияты барны Батув биле) (Что у Атикат немного тяжелый характер, Батув знает.)

В английском языке встречаются следующие формы: lay a finger on «тронуть пальцем (к-л, ч-л)» – lift (или raise) a finger «шевелнуть пальцем» (I must make it clear I never laid a finger on her. (CC) – She never lifted a finger around the house. (CC).

Противопоставленность вышеприведенных ФЕ заключается в значении корня слова, а в кумыкском и карачаево-балкарском языках также создается при помощи предикатов «бар» и «ёкъ/жокъ» в значении обладания/не обладания, и не выражается какими-либо специальными морфологическими средствами.

Другим способом выражения антонимичности является аффиксальный способ. Для кумыкского языка – это широко используемый способ перехода компонента из положительной формы в отрицательную. Антонимичная характеристика появляется в результате присоединения аффиксов –ма, –ме, –сиз, –суз,

которые и являются формальными показателями антонимичности. Примерами могут служить следующие фразеологизмы: *рази болмакъ «согласиться»– рази болмамакъ «не согласиться»* (Гьасиликалам, бу яш рази болса, тонну тапанчагъа алышдырма токъташдым) – *Яраш агъавну тишлери обзюники, – деп, яшлар рази болмайлар*) (Короче говоря, если этот парень согласится, верхнюю зимнюю одежду решил обменять на пистолет. – У дяди Яраша свои зубы, – не соглашаются дети.)

Не всегда противоположный смысл достигается за счет присоединения к слову аффикса. Иногда это может привести к искажению смысла, напр., для фразеологизма *ер гёрмек «считать к-л ниже своего достоинства»* противоположное значение достигается за счет изменения первого компонента: *оьр гёрмек «считать к-л выше себя»*.

Из приведенных примеров видно, что в кумыкском языке широко используются аффиксы при образовании антонимичных ФЕ. В английском языке аффиксальный способ образования ФЕ не зафиксирован.

Способы образования антонимичных фразеологизмов в кумыкском и карачаево-балкарском языках разнообразны. Фразеологизм *кьулакь салмакъ/салыргъа «1. прислушиваться, слушать внимательно; держать ушки на макушке; 2. слушаться, быть послушным»* отрицательный аспект приобретает при помощи: а) аффикса *-ма/-маз*: *кьулакь салмамакъ/салмазгъа*; б) деепричастия в отрицательной форме и глагола *турмакъ/турургъа* со значением «длительность или многократность действия»: *кьулакь салмай турмакъ/турургъа*. Фразеологизм *аягъы ер тутмакъ «благоустроиться, жить благополучно; стать зажиточным»* имеет фразеологические антонимы, образованные двумя способами: а) при помощи аффикса *-ма*: *аягъы ер тутмамакъ*; б) причастия в отрицательной форме и вспомогательного глагола: *аягъы ер тутмайгъан болмакъ*; в) аффикса *-сиз* и вспомогательных глаголов *болмакъ*, *этмек*: *аягъы ерсиз болмакъ*, *аягъын ерсиз этмек*. Встречаются случаи параллельной противопоставленности корневого и аффиксального антонимов в кумыкском языке: *рагъат этмек «успокоить» – рагъатсыз этмек «побеспокоить»*. Количество случаев параллельной противопоставленности слова с отрицательным аффиксом и слова иного корня незначительно в

кумыкском языке: рагъмусуз адам «жестокий человек» – асыл адам «человек редкой доброты».

Лексемы с оппозиционной семантикой могут быть оформлены одним или несколькими аффиксами принадлежности: елкесине миндирмек/желкесине миндирирге «сажать (посадить) кого-либо на шею» – елкесинден тюшюрмек/желкесинден тюшюрюрге «освободиться от кого-либо, севшего на шею». Для некоторых фразеологизмов в кумыкском и карачаево-балкарском языках противоположное значение достигается при помощи служебного слова тюгюл/туйюл: майлы ер «теплое местечко» – майлы тюгюл ер, назик ер «тонкое место; уязвимое место (дело)» – назик тюгюл ер.

Аффиксальный антоним выражает значительно более сильное отрицание. Слово с отрицательным аффиксом часто используют, чтобы подчеркнуть недостаточность простого отрицания: бавурлу тюгюл «негуманный» – бавурсуз адам «жестокий человек, бессердечный человек».

В английском языке, помимо противопоставления корневых антонимов, антонимичные ФЕ образуются: 1. от корневых глаголов в отрицательной форме: stand a chance – «иметь шанс» – not stand a chance «не иметь шансов (добиться ч-л)» (Being very good at science subjects, I stood a good *chance* of gaining high grades. (CC) – Neither is seen as *standing any chance* of snatching the leadership from him. (CC). 2. при помощи отрицания по для глагольных фразеологизмов: pay attention «обращать внимание» – pay no attention «не обращать внимания» (More than ever before, the food industry *is paying attention* to young consumers. (CC) – Other people walk along the beach at night, so I didn't *pay any attention* at first. (CC).

Прибавление отрицания не всегда приводит к образованию фразеологизма с противоположным значением: on account «в кредит» – on no account «ни в коем случае» (He was ordered to pay the company \$500,000 *on account* pending a final assessment of his liability. (CC) – *On no account* should the mixture come near boiling. (CC). 3. при помощи слова never: set foot «ступать ногой (куда-л)» – never set foot «никогда не ступать ногой» (...the day the first man *set foot* on the moon. (CC) – A little later I left that place and *never set foot* in Texas again. (CC). 4. при помощи модального глагола can в отрицательной форме: believe one's eyes/ears «верить

своим глазам /ушам» – cannot believe one’s eyes/ears «не верить своим глазам /ушам» (I could not believe my eyes. She was far more beautiful than I had imagined. (CC). 5. при помощи местоимения nothing: have something on smb «иметь (ч-л) на (к-л)» – have nothing on smb «не иметь (ч-л) на (к-л)» (He may have something on her. He may have supplied her with drugs, and then threatened to tell if she didn’t do this. – You’ve got nothing on me and you know it. (CC).

Некоторые ученые [8:252] такую противопоставленность называют «смягченной, неполной» и не считают антонимичной.

Иногда фразеологизмы совмещают в себе противоположные значения при сохранении внешней формы. На лексическом уровне языка данное явление называется внутрисловной антонимией, или энантиосемией. Нами выявлено небольшое количество энантиосем. Энантиосемия серьезной проблемы для коммуникации не представляет. Явление энантиосемии можно преодолеть, опираясь на речевую ситуацию, или контекст (это характерно для английского языка), а в кумыкском языке также на падежные формы: гёнгюн ачмакъ «1. развлекаться, веселиться; 2. развлекать, веселить» (Яхшы ишлеме де ишлеп, гёнгюмню де ачып къайтдым). Примеры из английского языка: break one’s up «1. расстроить, огорчить (к-л) до слез; 2. рассмешить» (к-л).

Возможны смешанные синонимично-антонимические группы: гёз салмакъ/кёз салыргъа «остановить свой выбор» (на к-л), юреги исинмек «привыкнуть» (к к-л) – юреги уьркмек «разочароваться, охладеть»

Проведенный анализ показывает преобладание в исследуемых языках абстрактных существительных, представляющих человеческие чувства, знания и возможности, категории времени и пространства, антропоморфные характеристики. Существует тесная взаимосвязь между синонимией и антонимией. Это свидетельствует о системности семантик кумыкского, карачаево-балкарского и английского языков, о тесной взаимосвязи лексических единиц в сравниваемых языковых системах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абдуллаева А.З. Фразеология кумыкского языка в сравнительном освещении: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Махачкала, 2002. 54 с.

2. Абдурахманов А.К. Кумыкские народные пословицы и поговорки. Махачкала, 1991. 171 с.
3. Англо-русский учебный словарь Collins COBUILD. В 2-х тт.: М.: Астрель: АСТ, 2006.
4. Аптоев А.К. Роль антонимов в коммуникативной практике (на материале карачаево-балкарского языка) // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Карачаевск, 2011. Часть I. С. 62–66.
5. Бархударов Л.С. Грамматика английского языка Д.А. Штелинг. Изд. 4-е, испр. М.: Высшая школа, 1975. 156 с.
6. Бозиев А.Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965. 88 с.
7. Комиссаров В.Н. Словарь антонимов современного английского языка. М., 1964. 288 с.
8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Изд-во «Феникс+», 2005. 488 с.
9. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1982. 272 с.

Список условных сокращений

ФЕ – фразеологическая единица

СС – Англо-русский учебный словарь Collins COBUILD. В 2-х тт.: М.: Астрель: АСТ, 2006.

А.К. Appoev, М.А. Kachalaeva

ANTONYMY OF KUMYK, KARACHAY-BALKAR AND ENGLISH LANGUAGES AS A UNIVERSAL PHENOMENON

This article describes the processes antonyms phraseological units in english, karachay-balkar and kumyk languages. The methods of education antonymous phraseology in these languages. The relationship of the languages in question.

Keywords: antonymy, lexeme, the token semantics, phraseological unit.

М.Л. Карданов

**РОДОВАЯ И БЕЗРОДОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ
НОМИНАЦИЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«ПСЭ ЗЫУТ ЩЫУЭПС» – «ЖИВАЯ ПРИРОДА» –
КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА**

В статье рассматривается один из древних пластов лексики кабардино-черкесского языка – лексико-семантическая группа «Живая природа»; родовое разграничение в ее подгруппах; наивное и объективное мировосприятие человеком природы.

Ключевые слова: лексика, живые существа, мировосприятие, лексико-семантическая группа, самка, самец, этимология, человек.

Необходимость антропоцентрического подхода при анализе языка является, сегодня на наш взгляд, одной из важных задач в языкознании. Мир воспринимается индивидом с помощью языка, в котором закрепляются исторический и общественный опыт этноса. Лексика, как известно, является самой динамичной частью языка. Поскольку слово всегда предметно ориентировано, оно может заимствоваться и образовываться из имеющихся в языке элементов. Являясь продуктом длительного исторического развития, язык подвергается большим изменениям, обусловленным различными причинами. Эти изменения затрагивают все стороны языковой структуры.

Абстрагированным высшим уровнем в лексико-семантической группе *Псэ зыут щыуэпс* «Живая природа» является слово *псэуцхэ* «живое существо», степенью ниже в пирамидальной абстракции вырисовываются группы и подгруппы. Обладая рядом свойств и качеств, живые существа находят свое отражение на лексическом уровне. К таким признакам-качествам относятся:

биологические особенности, поведение, возможность и специфика их хозяйственного использования (кроме человека) и т.д. Любой признак мог стать основой для номинации, который впоследствии закреплялся на лексическом уровне кабардино-черкесского языка.

Рассмотрение лексики живой природы, одного из самых древних пластов, которая представляет собой микросистему языка, отражает мировосприятие человеком объективного мира. Объективным для человека было то, что он видит. Общность, за исключением некоторых номинаций, функций животных, птиц, растений, обусловила идентичность их названий в адыгских языках в целом.

С наивной точки зрения *Псэ зылут цыгуэпс* «Живая природа» в представлении народа – все то, что растет, развивается, меняется, размножается. В данной лексико-семантической группе кабардино-черкесского языка, с наивной точки зрения, родовое разграничение присутствует только в подгруппах *Цыгу* «Человек», *Бзу* «Птица», *ХьэкIэкхьукIэ* «Дикое животное», *Унагуэуэ псэуцхьэ* «Домашнее животное». На соотносительность к определенному полу в кабардино-черкесском языке указывают две основы, которые употребляются как самостоятельно, так и в составе сложного слова: *хьу(ы)* «мужчина, самец», *бз(ы)* «женщина, самка»: *цыгу(ы)+хьу(ы)* – человек+мужчина/самец, *цыгу(ы)+бз(ы)* – человек+женщина/самка, *шкIэбз* – теленок/самка, *шкIэхьу* – теленок/самец. Однако эти две основы отсутствуют при переходе от общего к частному в группе *Цыгу* «Человек»: *цIалэ цыкIу/цIалэ* «мальчик/парень» – *хьыджэбз цыкIу/хьыджэбз* «девочка/девушка», *цауэ* «парень» – *пцацэ* «девушка», *лы* «мужчина» – *фыз* «женщина», *лыжь* «старик» – *фызыжь/ныуэжь* «старуха». А.К. Шагиров усматривает в *хьу* лексикализованное причастие от глагола *хьун* в значении «быть настоящим, подходящим» [1:112], а Н.Ф. Яковлев здесь видит значение «половозрелый» [2:180]. Для *бзы* имеются примеры из абх. *а-ис*, абаз. *-ис*, убых. *-дзэ* «самка». Исходя из имеющихся примеров, можно сказать, что *бзы* «самка» является общим для всех языков абхазо-адыгской группы. Номинации с частью – *цэ/а* (*цауэ* «парень», *пцацэ* «девушка», *гуацэ* «хозяйка») образованы в более позднюю эпоху, т.е. после дифференциации абхазо-адыгских языков. В кабардино-черкесском языке в сложной

номинации *бзаджэ* «послед», нами усматриваются *бзы* «самка» и *джэ* «дурной». В слове *пицацэ* «девушка», как и в *гуацэ* «хозяйка, княгиня, свекровь», на наш взгляд, собственно номинативную функцию для обозначения женского пола выполняет часть *-цэ*. Первую часть *пица-цэ* мы связываем с *пица-* в *пицагъэ* «закваска для теста», что значит «готовая, новая женщина», а *гу-* в *гуацэ* связываем с тем же элементом в *Иугуэн* «притупиться» и переводится как «состоявшаяся женщина».

В *щIалэ* «парень» А.К. Шагилов усматривает *щIэ* «молодой» и глагольную основу *лэ-* «красить», «покрывать краской» [3:151]. Соглашаясь с А.К. Шагиловым по первому значению данного слова, мы склонны видеть здесь прообраз номинации в виде *щIалэ* (букв. молодой, новый мужчина), т.е. с тем же элементом что и *лЫ* «мужчина», *лЫ-жь* «старик» (букв. мужчина старый).

В слове *хьыджэбз* Яковлев видит *хьыджэ* (*хьыгъэ*) и *бзы* «самка», «женского пола», первую часть он же делит на *хьы* «сеть» или *хьы-* «вязать» и приватный суффикс *-джэ < -гъэ*, что в целом этимологизируется как «плохо связующая женского пола» [4:273].

Образование номинаций для полового разграничения в ЛСГ *ПсэзыIут щIыуэпс* «Живая природа» (кроме человека) происходит тремя способами: 1) как и в группе *ЦIыху* «Человек» получаем основосложение – *танэхъу-танэбз* «бычок (букв. теленок самец) – телка (букв. теленок самка)», *хьэхъу-хьэбз* – «кобель (букв. собака самец) – сука (букв. собака самка)»; 2) образуются от разных основ – *жэм* «корова» – *гуу* «бык», *джэд* «курица» – *адакъэ* «петух», *ажэ* «козел» – *бжэн* «коза», *хакIуэ* «жеребец» – *шыбз* «кобыла» (букв. лошадь самка); 3) в данной группе в разграничении по половому признаку к номинанту, обозначающему *бзы* «самка», прибавляется *анэ* «мать» и образуется составная номинация: *бзу анэ* «самка птицы (букв. птица мать)», *блэ анэ* «самка змеи (букв. змея мать)», *мышцэ анэ* «медведица (букв. медведя мать).

Небезынтересно заметить, что в адыгских языках наблюдается выделение безродовой номинации – *мышъумыбз* «гермафродит» (букв. ни самец ни самка, употребляется только в отношении *цIыху* «человек»), *вы* «вол» (кастрированный бык), *гъэлъэхъу* «валух» (кастрированный баран). (Если *вы* «вол», *гъэлъэхъу* «валух» относились к мужскому роду *хъу* «самец», то *мышъумыбз* «гермафродит» имеет признаки мужского и женско-

го полов). Вариативность обозначения родовой и безродовой принадлежности делает кабардино-черкесский язык еще более красочной и богатой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. 2. М.: Наука, 1977. С. 224.

2. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: Изд. Академии наук СССР, 1948. С. 372.

3. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. 1. М.: Наука, 1977. С. 224.

4. Яковлев Н.Ф. Указ соч. С. 372.

M.L. Kardanov

GENERIC AND BELONGING NOMINATIONS LEXICAL-SEMANTIC GROUP OF «WILDLIFE» OF KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

This article examines one of the ancient layers of vocabulary kabardino-circassian language – lexical-semantic group «Wildlife»; generic distinction in its subgroups, naïve and objective perception of the world of nature by man.

Keywords: vocabulary, living beings, attitude, lexical-semantic group, female, male, etymology, man.

Т.К. Алиева, М.И. Айбазова

ПОЛИСЕМИЯ И ОМОНИМИЯ НАРЕЧИЙ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ФОРМ ПАДЕЖЕЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В представленной статье обращается внимание на полисемию наречий, значительно уступающей полисемии глаголов, существительных и прилагательных. Авторы особо выделяют наречия, образованные от форм падежей в тюркских языках.

Ключевые слова: полисемия, омонимия, тюркские языки, падеж, наречие, семантика, лексика.

Судя по материалу словарей и специальных исследований, в тюркских языках полисемия наречий значительно уступает полисемии глаголов, существительных и прилагательных, а полисемия наречий исследуемого типа – тем более. Видимо, основной причиной этого является то, что наречие в этих языках является довольно «молодой» частью речи, образовавшейся из других именных частей речи и деепричастий. Первообразных наречий во всех этих языках, по нашим подсчетам, меньше трех десятков.

В словарях очень мало многозначных наречий исследуемого типа. По многозначности не только наречия, образованные от падежных форм, но и все разновидности этой части речи значительно уступают существительным, прилагательным и особенно глаголам. Однако из этого незначительного количества производных от падежных форм в словари попало меньше половины, например, такие как башкир., татар. *алдан* 1) сначала, сперва; 2) заранее; карач.-балк. *алгъа* 1) раньше, прежде какого-нибудь момента; 2) прежде; 3) заранее, заблаговременно и др.

Если у существительных и глаголов количество значений может доходить до 30–40, а то и больше, то у наречий, в т.ч. и исследуемых, оно редко превышает двух.

Конечно, в словарях отмечаются, хотя и редко, наречия с тремя-четырьмя значениями, например: *артха* 1) назад, обратно; 2) впрок (про запас); 3) в долг; 4) позже; спустя некоторое время (КБРС); *артдан* 1) сзади; с задней стороны 2) после, потом; 3) *послел.* после (СБЯ); *ары* 1) туда; дальше; 2) после; 3) *разг.* больше, сверх (ТРС) и др. Однако эти значения давно разошлись и стали омонимами: в *артха* – четыре наречия, *артдан* – два наречия и послелог, в *ары* – три наречия.

В некоторых словарях, особенно толковых и изданных в последние тридцать лет, омонимия и полисемия наречий, образованных от падежных форм, разграничены в основном правильно. Это СБЯ и ТСКБЯ: *башкъа I 4) нар.* «целиком, весь» – *башкъа II послел.* «кроме, помимо»; *алда I 1) впереди; 2) в будущем; 3) раньше* – *алда II «прежде, до» (СБЯ); артда I нар. вр.* «потом, после» – *артда II нар. мес.* «сзади, позади» – *артда III послел.* «после», *ары I нар. мес.* «туда, в ту сторону» – *ары II послел. разг.* что, с, начиная с (ТСКБЯ).

В приведенных и подобных им примерах видна генетическая связь лексикализации (в данном случае лексикализации падежных форм) с конверсией: падежные формы *бире* (би+*ре* дат. пад.), *алда* (ал+*да* – мест. пад.), лексикализовавшись, стали наречиями, затем они стали употребляться и в значении послелогов. Употребление этих и подобных им словоформ в значении двух разных частей речи одновременно не факультативно, не окказионально, а постоянно. Таким образом появились генетически родственные, т.е. лексико-грамматические омонимы.

В тюркологии долгое время, вплоть до конца 80-х годов XX века, господствовало мнение, согласно которому употребление слова в функциях разных частей речи следует считать проявлением грамматического синкретизма этих частей речи на разных ступенях развития тюркских языков (Севортян 1962: 379, 403, 423; Кайдаров, Кажибеков 1980: 17–23 и др.).

Сторонники теории лексико-грамматического синкретизма в оценке не только наречия и послелога, но и всяких полисемантических слов исходили из того, к какой части речи они первоначально принадлежали, т.е. придерживались их этимологического тождества.

Исследования последних 30–40 лет не оставили никакого сомнения в том, что критерий этимологического тождества слова в оценке его современной двойкой природы неприемлем принципиально, что это тождество не имеет никакого отношения к современной природе слов типа приведенных выше (Юлдашев 1972: 235; Серебренников 1979: 149; Кононов 1980: 82; Гусев 1985: 49–86 и др.).

Образование лексико-грамматических омонимов на основе лексикализации форм падежей занимает в тюркских языках в целом небольшое место. Кроме послелогов, от наречий – падежных форм образуются некоторые союзы и частицы, например, *карач.-балк. андан* нар. мес. «оттуда» → *андан* подчин. союз «поэтому, потому»; *ары* 1) туда; на ту сторону; 2) дальше → *ары* 1) туда; на ту сторону; 2) дальше → *ары* част. «-ка»: *Мындан барсанг – тик энишиге, андан келсенг – тик ёрге* (посл.) «Отсюда пойдешь – пойдешь круто вверх, отсюда придешь – придешь круто вниз» → [Тюлкю:] *Мен экигизден да къарыусузма да, андан айтасыз* («Малкъяр халкъ жомакъла») «[Лиса:] Я слабее вас обоих, вы поэтому говорите».

Малла, не ары, не бери барыргъа жол тапмай, бир бирни урадыла, тюртедиле (Шауаланы М.) «Скотина не может идти ни туда, ни сюда, толкает, бодает друг друга» → *Бисмилла эт ары* (КБРС) «Попробуй, отведай-ка».

Распад значений многозначных наречий, производных от падежных форм, и образование лексико-семантических омонимов распространен в тюркских языках больше, чем образование лексико-грамматических омонимов. Однако анализ этого процесса в тюркско-русских словарях и толковых словарях тюркских языков показывает, что он отражен в них очень слабо. Абсолютное большинство семантически разошедшихся значений многозначных наречий указанного типа не квалифицировано омонимами. Ср.: *алайына* 1) даром, бесплатно, безвозмездно 2) вдруг; *артха* 1) назад, обратно; 2) впрок, про запас; 3) в долг; 4) позже; спустя некоторое время; *артда* 1) потом, после, затем, впоследствии; 2) сзади, позади; *ахырда* 1) наконец, в конце концов; 2) совсем, до конца, полностью, окончательно, совершенно и др. (КБРС); *монда* 1) тут, здесь; 2) сюда; *бирэдэ* 1) тут, здесь; 2) в этом случае, тогда; *анда* 1) там; туда (ТРС); *ары* 3) там, туда, дальше; 4) назад; *бирдэн* 1) вместе, совместно; 2) сразу; неожиданно (КРПС); *бирден* 1) сразу; зараз; 2) вдруг, внезапно, неожиданно; *jaxындан* 1) вблизи,

невдалеке, неподалеку, поблизости; 2) в ближайшем будущем; 3) недавно, наемни (АРС) и др.

О расхождении на этой основе омонимов свидетельствуют и переводы их на русский язык. Еще больше в этом убеждают текстовые примеры.

Выделение значений лексикализованных падежных форм осуществлено в указанных словарях не лучше, чем разграничение полисемии и омонимии их. Например, досадным промахом их составителей является квалификация собственно падежных значений как лексикализованных, например: *анда* 1) у него, в нем; 2) у того, в том; *андан II* от него; с него, из него; из нас; с нас; *бездэ* «у нас» (ТРС); *унга* 1) ему; *унда* 1) в нем; *ундан* 1) от него (УРС) и др.

В ряде случаев омонимизированные значения приводятся как одно общее значение: *бурунда* «раньше, прежде; вначале» (КРПС); *башка* 2) кроме; особо; отдельно (КРС).

Данные значения этих форм падежей не лексикализованы, лексикализовались у них другие значения: *анда* «там», *андан* «оттуда» – *андан* «оттого; потому; поэтому», *унга* «тому, на что», *ундан* «оттуда», *унда* 1) там; 2) тогда.

Что касается падежных форм *бездэ*, *бездэн*, то они не лексикализовались вообще.

Итак, вышеизложенное о полисемии и омонимии наречий, образованных путем лексикализации форм пространственных падежей, можно резюмировать следующим образом:

1. Определенная часть таких наречий является многозначной, отличающейся от многозначных слов таких частей речи, как глагол, существительное и прилагательное, обычно ограниченностью двумя значениями.

2. От подобных значений образуются омонимы двух типов: 1) лексико-семантические и 2) лексико-грамматические. Источником появления первого типа омонимов является разрыв в семантической структуре многозначных наречий. Второй тип возникает путем перехода наречий в послелогии, союзы и частицы, т.е. конверсии, который, сравнительно с первым типом, распространен меньше.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Гузев Ж.М.* Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик, 1985.
2. *Кайдаров А.Т., Кажибеков Е.З.* Гомогенные корни и их лексико-семантическое развитие (на примере *кѡа – кѡа*) // Советская тюркология. 1980. № 3.
3. *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.
4. *Мусаев К.М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (западно-кыпчакская группа). М., 1975.
5. *Севертян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
6. *Серебрянников Б.А.* Глагол // *Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
7. *Юлдашев А.А.* Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.

Сокращения названий словарей

- АРС – Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1962.
КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
КРПС – Караимско-русско-польский словарь. М., 1974.
КРС – Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1989.
СБЯ – Словарь башкирского языка. М., 1993 (т. 1, 2).
ТСКБЯ – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1996 (I), 2002 (II), 2005 (III).
ТСКЯ – Толковый словарь казахского языка. Алма-Ата, 1984–1996 (1–10 т.).
ТРС – Татарско-русский словарь. М., 1966.
УРС – Узбекско-русский словарь. М., 1959.

Т.К. Aliyeva, M.I. Aybazova

POLYSEMY AND HOMONYMY OF ADVERB FORMED FROM FORMS ABLATIVE IN TURKIC LANGUAGES

In the present article draws attention to the polysemy of adverbs, much inferior to the polysemy of verbs, nouns and adjectives. The authors particularly distinguish adverbs derived from forms of cases in the turkic languages.

Keywords: polysemy, homonymy, turkic languages, case, adverb, semantics, vocabulary.

М.А. Качалаева

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕКА В КУМЫКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье дается сопоставительный анализ фразеологизмов, обозначающих возраст человека, в кумыкском и английском языках. Рассматривается внутренняя форма фразеологизмов в двух разносистемных языках.

Ключевые слова: фразеологическая единица, внутренняя форма, кумыкский язык, английский язык.

Жизнь человека в понимании кумыков и англичан можно разбить на три периода. В соответствии с этим можно выделить следующие тематические группы: 1. «Возраст до совершеннолетия»; 2. «Расцвет жизни»; 3. «Закат жизни». Рассмотрим ФЕ, характеризующие каждый период. Семантический диапазон тематической группы «Возраст до совершеннолетия» очень широкий.

Обозначения грудных и очень маленьких детей в кумыкском языке передаются следующими фразеологизмами: авзундан сют ийиси таймагъан «молоко на губах еще не обсохло», авзундан сют ийис геле «желторотый птенец». ФЕ авзундагъы сариси таймагъан «желторотый птенец, молоко на губах не обсохло (молокосос)» используется также для обозначения человека, не имеющего жизненного опыта.

Анализ фактического материала показал, что фразеологизмы со значением возраста человека занимают важное место в кумыкской и английской языковой картине мира.

По мнению В.П. Жукова, фразеологизм является «носителем образного представления, подлежащего дальнейшему преобра-

зованию в понятие»*. Исследование фразеологизмов в двух сравниваемых языках показало, что фразеологизмы со значением возраста человека представляют собой полностью или частично переосмысленные фразеологические обороты в основном со структурой словосочетания и предложения.

«...Авзундан сариси таймагъан шу сэйлейген затлагъа къарасана», – деп ойлашып, Давутну бир яман юреги авуртуп йиберди. (Ш. Альбериев). («Посмотри, что говорит этот желторотый птенец», – подумал Давуд и у него вдруг очень сильно начало болеть сердце.) Фразеологические обороты имеют отрицательный оценочный характер.

Кумыкским фразеологизмам соответствуют английские ФЕ с полностью переосмысленными компонентами и отрицательной оценкой: *spring chicken* (humorous) «желторотый юнец, младенец», *salad days* (literary) «зеленая юность, юный, незрелый возраст»: At 85, he is *no spring chicken*, but Henry Cook is busier than ever. (CC) The Grand Hotel did not seem to have changed since her *salad days*. (CC)

В английском языке для обозначения молодого возраста используют ФЕ *tender age* (1) «молодой, незрелый; ранний, нежный» (о возрасте), *before one's time* (2) употребляется в значении «раньше времени, в раннем возрасте»:

He had become attracted to the game at the *tender age* of seven. (CC) The small print has forced me, years *before my time*, to buy spectacles. (CC) Рассмотренные ФЕ имеют положительную оценку (пример 1) и демонстрируют отсутствие оценки (пример 2).

Приведенные фразеологизмы в двух сравниваемых языках можно применить к детям разного пола, общим для них является понятие «быть простодушным, наивным, неразумным». В отличие от приведенных примеров, фразеологизм в кумыкском языке *къарт болуп тувгъан* «родился старым» используется применительно к разумному, много знающему ребенку.

Отсутствие возможности принимать правильные решения в силу юного возраста (до 16–17 лет) отмечается во ФЕ *гъакъылбалыкъ болмагъан* «не достигнуть совершеннолетия»:

Аглюсюню ва *гъакъылбалыкъ болмагъан* уланыны буса бир гелими де, онгача есликдеги бир малы да ёкъ. (Елдаш 29.04.11)

* Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Изд-во «Высшая школа», 1986. 309 с.

(У супруги и не достигшего совершеннолетия сына нет никакого дохода, нет имущества в отдельной собственности.)

В английском языке можно отметить следующие фразеологизмы, относящиеся к подросткам: *under age* «несовершеннолетний», *at the awkward age* «трудный (в общении) возраст, неразумный возраст», *in the awkward age* «переходный возраст». Последний пример используется в значении «отсутствие ловкости и гибкости в движениях», т.е. возраст, для которого угловатость движений является характерной.

Because she was *under age*, her parents were still responsible for her. (CC)

She is *at the awkward age* now, Milly, she is sure to become a beautiful, graceful young woman. (S. Maugham)

Вышеприведенные английские ФЕ, и в кумыкском языке ФЕ эрнине эр мыйыгы битмеген «молодой, не достигший совершеннолетия парень; безусый юнец», огъар янгы мыйыкъ гегерип геле эди «1. у него только-только пробиваются усы; 2. он еще очень молодой», юрегин уллу тутагъан чагъына етишмек «возраст, когда подросток начинает осознавать себя взрослым» описывают физиологические и психологические изменения, характерные для данного возраста.

Можно отметить значительное количество ФЕ и в тематической группе «Расцвет жизни». В кумыкском языке нам встретились фразеологизмы, обозначающие совершеннолетних людей: азув тиш чыкъмакъ «достигнуть совершеннолетия», чагъына етишген «совершеннолетний», эр санына гирмек «достигнуть совершеннолетия»:

Бу мерлешге гере *чагъына етишгенде* яшерюмлер ватаныны аманлыгын ва парахатлыгын сакълама аскерге чакъырыла. (Елдаш 29.04.11) (Согласно этому, совершеннолетних молодых людей забирают в армию для сохранения благополучия и мирной жизни Родины).

Эр саныма гирип, мыйыкъ гегерип, / Йигирма-отуз йыллар битип яшыма, / Оьрленген сонг, эниш болма тюшген де, / Къара гюнлер гелип къопду башыма... (Йырчи Казак).

Следующие фразеологизмы отмечают готовность молодых людей к женитьбе (замужеству): етишген яш «20–25 лет парню», етишген къыз «18–20 лет девушке», гелин чагъына гирген «на выданье»:

Посл. Етишген къыз еринде яхшы. (Девушка в возрасте невесты должна быть пристроена) ...Эр сайлагъан аревню -/Къобагъа болур бурну аны, / Гелин чакъгъа гиргенде.. / (Иырчи Казак) (У красавицы, которую выбрал мужчина, -/Будет приплюснутый нос, /У девушки на выданье...).

В английском языке используется фразеологизм *come of age* «достигать совершеннолетия»:

The company was now officially owned by Eddie, but held in trust until he *came of age*.

В кумыкском языке ФЕ адам къуранына къошулмакъ «стать взрослым, стать совершеннолетним» выражает принадлежность человека социальному коллективу, всему человечеству в целом. Представление о старости, понимаемое как «изжитый век»: оъзюню оъмюрю бар чакъы яшамакъ «прожить свой век», тоже обозначает принадлежность человека социальному коллективу, всему человечеству в целом. В таком понимании ФЕ в английском языке нет.

ФЕ улусу-яхшы «стар и млад» имеет собирательное значение:

Шагъар яллай, халкъы, улусу-яхшы, къатты ябушувларда къырылгъан. (Къумукъ тюз 29.04.11) (Город горит, народ, стар и млад, в жестокой борьбе был уничтожен).

Характер человека, его будущая жизнь закладывается до достижения человеком совершеннолетия, затем наступает расцвет его жизни: дер деген заманда «в расцвете лет, во цвете лет», арслан чагъына етишмек «возраст расцвета сил»:

Нарт арслан чагъына етишгендеми, о ерин оъзюнг гысап эт, ондан берли гючюклер ит болду... (Аткай) (Нарт в возрасте ли расцвета сил, это ты сам посуди, с тех пор щенки стали псами...)

Лучшая пора жизни в понимании кумыков – это возраст до 40 лет. Интересно, что и у англичан такое же представление о периодах жизни человека. Это подтверждается фразеологизмами, ныне редко употребляющимися: *prime of life* «расцвет, лучшая пора жизни» – *past one's prime* «закат жизни»:

There is surely nothing in life more painful than to meet the wreck of a fine athlete whom one has known *in his prime*. (Conan Doyle) Nelson was now *past his prime*, he was in his forty-second years. (CC)

По результатам исследования, доминантными в количественном отношении являются ФЕ, обозначающие старый возраст человека. С точки зрения лексического наполнения в двух сравни-

ваемых языках также наиболее разнообразны фразеологизмы тематической группы «Закат жизни». Так, старость в понимании кумыков идентифицируется с определенной чертой, за которой чувствуется приближение смерти: чагъы етишгенде «на склоне лет». Вообще, старость – это последний отрезок жизни, закат жизни человека: оялю чагъына етгенде «на закате дней». ФЕ рызкъысы битгинче яшамакъ означает «жить сколько на роду написано». В английском языке встретился фразеологизм, подчеркивающий длинную жизнь: live to a ripe old age «жить до глубокой старости»:

He lived to the ripe old age of 95. (СС)

В английском языке представления о старости передаются ироничными ФЕ: long in the tooth (informal) «старый», over the hill (informal) «состарившийся, отживший свое, ставший ненужным», (as) old as Methuselah «очень старый».

В кумыкском и английском языках наблюдается стилистическая дифференциация фразеологизмов, передающих возраст человека. Вежливой формой для обозначения пожилых людей в кумыкском языке служат ФЕ уллудукъгъа чыкъгъан гиши «преклонный», акъ сакъалы (или башы) булан «старик»:

Уллудукъгъа чыкъгъан гиши кёмекни тилеп алмай, огъар шону гелтирип берелер. (М. Абуков) (Человек преклонного возраста прося, не берет помощь, ему приносят ее.)

Примером для английского языка служит ФЕ advanced in age «преклонный». Примерами фразеологизмов тематической группы «Закат жизни» могут служить фразеологизмы: advanced in years «в годах, пожилой», be stricken in years «быть престарелым; быть старым и дряхлым», be well along/on/in years «быть в годах, быть очень старым».

Ироничными являются ФЕ в кумыкском языке бир аягъы къабурда «одной ногой в могиле» (можно сравнить с английской ФЕ one foot in the grave (informal) «одной ногой в могиле»), дагъыжары чыкъмакъ «песок сыплется» (из к-л), патраны битмек «песок сыплется» (из к-л), бир аягъы ерде, бир аягъы кёрде означает «на ладан дышать». В обоих сравниваемых языках ФЕ используется, когда говорят об очень старом человеке или очень больном, который, возможно, скоро умрет.

В кумыкском языке ФЕ замансыз къарт болуп къалмакъ «рано постареть» обозначает человека, который постарел рано из-за болезни, забот.

Следующие ФЕ не всегда обозначают старого человека и в основном относятся к лицам мужского пола: уйренген бёрю «старый волк; стреляный воробей»; дюнья гёрген гёк бёрю «видавший виды старый волк»; кёпню гёрген гёк бёрю «видавший виды; стреляный воробей»; кьарт бёрю «старый волк; стреляный воробей»; «заманына гелген» «в возрасте» обозначает человека не обязательно пожилого, но человека, который уже что-то повидал в этой жизни.

В английском языке ФЕ с таким же значением более разнообразны по лексическому наполнению: an old bird «стреляный воробей», an old hand «стреляный воробей», has been around (informal) «стреляный воробей», a man (или woman) of the world «человек, умудренный опытом; бывалый человек».

Можно отметить в сравниваемых языках значительное количество ФЕ, репрезентирующих возрастной фактор. Это говорит о важности данного концепта в жизни народа.

Исследование показало наличие ФЕ, которые обозначают как общие, собирательные понятия, характерные для этой тематической группы, так и тесно с ними связанные единичные понятия. Все рассмотренные ФЕ являются однозначными оборотами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Абдурахманов А.К.* Кумыкские народные пословицы и поговорки. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. 171 с.
2. *Англо-русский учебный словарь Collins COBUILD.* В 2-х тт.: М.: Астрель: АСТ, 2006.
3. *Астемирова Ф.Б.* Школьный русско-кумыкский словарь. Махачкала: Изд-во «Лотос», 2008. 544 с.
4. *Даибова К.Х.* Кумыкско-русский и русско-кумыкский фразеологический словарь. Махачкала, 1981. 88 с.
5. *Жарашуева З.К.* Карачаево-балкарский фразеологический словарь. Нальчик: Изд-во «Полиграфсервис и Т.», 2001. 476 с.
6. *Жуков В.П.* Русская фразеология. М.: Изд-во «Высшая школа», 1986. 309 с.
7. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Изд-во «Русс. яз.», 1984. 944 с.
8. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. Изд. 3-е, стереотип. Дубна: Изд-во «Феникс+», 2005. 488 с.
9. *Мюллер В.К.* Англо-русский словарь. Изд. 19-е, стереотип. М.: Изд-во «Русский язык», 1982. 887 с.

10. Халилов У.Ю. Къумукъ сезлени баяны. Махачкала: ИПЦ ДГТУ, 2008. 60 с.

Список сокращений:

ФЕ – фразеологическая единица

СС – Англо-русский учебный словарь Collins COBUILD. В 2-х тт.: М.: Астрель: АСТ, 2006.

М.А. Kachalava

**THE INNER FORM OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS REPRESENTING
THE AGE OF MAN IN KUMYK AND ENGLISH LANGUAGES**

The article deals with the comparative analysis of the phraseological units representing man's age in the kumyk and the english languages. The inner form of the phraseological units is studied in the languages with different systems.

Keywords: phraseological unit, inner form, kumyk language, english language.

Ж.М. Локьяева

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛОВ ТИПА НЕГЛАГОЛ+ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ ЭТ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье на материале карачаево-балкарского языка рассматривается проблема сложных глаголов: приводятся доказательные факты данного явления. При этом разграничиваются случаи употребления сложных глаголов, второй компонент которых выражен спрягаемой формой, а первый неглаголом. На конкретном языковом материале отмечены их основные типовые значения.

Ключевые слова: сложный глагол, глаголообразующий аффикс, вспомогательный глагол, производящая основа.

Как и в других тюркских языках, в карачаево-балкарском языке большое место занимают сложные глаголы, второй компонент которых выражен спрягаемой формой глагола, а первый неглаголом.

Многие из таких глаголов создаются по образцу, по определенным моделям. Второй компонент их «повторяется в составе целого ряда сложных глаголов, объединяя их единым типовым значением наподобие глаголообразующего аффикса» (Юлдашев 1981: 225), которым чаще всего выступает аффикс *-ла/-ле*, ср. карач.-балк. *ачыкъ эт-* и *ачыкъ+ла-* «выяснять, вскрывать, уточнять что», *хахай эт-* и *хахайла-* «кричать караул, поднимать шум (панику)», *ох-тух эт-* и *ох тухла-* «охать и ахать» и др.

Повторяющимся компонентом довольно часто выступает глагол *эт-* «сделать, совершать, поступать», который «сочетается со всеми именными формами, за исключением местоимений...» (Урусбиев 1976: 205), а также с модальными, подражательными словами и междометиями.

Сложные глаголы типа неглагол+вспомогательный глагол имеют в основном следующие типовые значения:

1. Возбудить, вызвать свойство, названное производящей основой: *бедишлик эт-* «осрамить», *зыраф эт-* «загубить», *жокь эт-* «уничтожить» и др.: – Ой, Хамзат, сени огъесе, бизни *бедишлик этдинг!* (Хубийланы О.) «– Эх ты, Хамзат, ты нас опозорил!»; –Кесинги тыймасанг, ала сени да жокь этерле, харип (Токумаланы Ж.) «– Бедолага, если не утомонишься, они уничтожат и тебя».

2. Подвергать тому, что обозначено производящей основой: *мысхъл эт-*, *хыликкя эт-* «насмехаться над кем-чем, унижать кого», *махрум эт-* «лишить», *хыйла эт-* «хитрить, ловчить» и др.: Аскер Тахирни мысхъл этгенин ангыламады (Гуртуланы Э.) «Аскер не понял, что Тахир над ним насмеялся»; Ол [Далхат] хыйла этерге эртте юйреннген эди (Залиханланы Ж.) «Он [Далхат] давно научился ловчить».

3. Заниматься тем, что названо производящей основой: *байрам эт-* «праздновать», *кьуллукь эт-* «служить», *солуу эт-* «отдыхаться передохнуть» и др.: Ахматны тамата жашы Махти аскерде кьуллукь этеди (Кьулийланы Х.) «Старший сын Ахмата Махти служит в армии»; – Сени таныгъан огьурлу кюнню жыл сайын *байрам этеме* (Байрамукъланы Н.) «Тот счастливый день, в который я познакомился с тобой, я праздную каждый год».

4. Осуществить или совершить действие или процесс, обозначенный производящей основой: *сатыу эт-* «торговать», *бойкот эт-* «бойкотировать», *репетиция эт-* «репетировать», *зорлукь эт-* «репрессировать», *жангылыч эт-* «ошибаться» и др.: Жангылычын ангыламагъан аманды ансы, жангылыч ким да этер (посл.) «Не беда, когда ошибаются, а беда, когда не понимают своей ошибки»; Жууукъларынг бла аша, ич, сатыу этме (посл.) «С родственниками ешь, пей, но не торгуй».

5. Использовать, осуществлять ту деятельность, которая обозначена производящей основой: *таматалыкь эт-* «руководить», *патрульлукь эт-* «патрулировать», *устазыкь эт-* «учительствовать», *директорлукь эт-* «директорствовать», *дирижёрлукь эт-* «дирижировать» и др.: Чалгъычы жыйыннга таматалыкь этген Асанланы Мухтарны жашы Ибрахимди (*газ.* «Заман») «Группой косарей руководит сын Асанова Мухтара – Ибрагим».

6. Проявлять то качество, которое обозначено производящей основой: *аманлыкь эт-* «причинять зло, совершить

преступление», *залимлик эт-* «проявить жестокость», *ахшылыкь эт-* «делать добро», *жигитлик эт-* «совершить подвиг» и др.: Аман адамгъа *ахшылыкь этген* итте чабыр этген кибикиди (посл.) «Делать добро плохому человеку – все равно, что шить собаке чабуры (обувь)»; Чанкала, байла, бийле кёп *залимлик этедиле* (Гуртуланы Б.) «Князья, богачи, бийи проявляют жестокость».

7. Разделить на столько, сколько обозначено производящей основой: *эки эт-* «разделить на две части», *юч эт-* «разделить на три части», *тёрт эт-* «разделить на четыре части» и др.: Айшат ётмекни *эки этди* да бир жартысын Харун бла Амашха берди (Гулаланы Б.) «Айшат разделила хлеб пополам и одну часть дала Харуну и Амашу»; Гебендени *юч этип* бир юлюшю Масхутха жетди (Токумаланы Ж.) «Одна треть копен досталась Масхуду».

8. Сделать таким, привести к тому, как обозначено производящей основой: *адепли эт-* «сделать благовоспитанным», *зыраф эт-* «тратить попусту», *борчлу эт-* «обязать» и др.: Ол къайгырыудукъ бизни, элли урунганланы, бютюнда жигер ишлерге борчлу этеди (газ. «Заман») «Такая забота нас, сельских тружеников, обязывает работать лучше».

9. Произнести то, что обозначено производящей основой: *ах эт-* «ахать», *ох-тух эт-* «охать и ахать», *хахай-эт-* «кричать караул, поднимать панику» и др.: – Ай сени жауунг бюгюн мен сынагъанны сынасын! – деп, Антон *ох-тух эте* башлады (Гуртуланы Б.) «– Чтобы враг твой испытал то, что я сегодня испытал! – сказал Антон и начал охать и ахать».

10. Совершить действие с изданием звуков, сходных с обозначаемой производящей основой: *тарх эт-* «бабахнуть», *чыкъьарт эт-* «треснуть», *шыбырт эт-* «шуршать», *харх эт-* «хохотать», *зынгыр эт-* «звенеть, лязгать», *зарх эт-* «грохнуть» и др.: Терезени мияласы, жерге тюшюп, *зынгыр этди* (Токумаланы Ж.) «Оконное стекло со звоном упало на землю»; Къаты желге чыдамай, терек бутакъла *чыкъьарт этип* сынадыла (Къудийланы Х.) «Не выдерживая сильный ветер, ветки деревьев с треском ломаются».

11. Совершить многократное действие с изданием звуков, сходных с обозначаемым двухкомпонентной производящей основой: *дыгъар-дугъур эт-* «громыхать, грохотать чем», *боркъ-боркъ эт-* «бурно кипеть», *тарх-турх эт-* «произвести выстрелы», *занг-зунг эт-* «греметь» и др.: Жашчыкъла футбол топну *занг-зунг этдирип* буруугъа урадыла (Тёпеланы А.) «Мальчишки футбольный мяч бьют по ограде от чего издаются звуки «занг-зунг»; Жер-

жерден тарх-турх этип ушкочла атыладыла (Токумаланы Ж.) «Отовсюду издаются выстрелы из ружей».

12. Проявить многократно тот образ, который обозначен двухкомпонентной производящей основой: *лох-лох эт-* «бегать рысью», *най-най эт-* «мямлить», *гыз-гыз эт-* «ныть, жаловаться», *доу-доу эт-, доп-доп эт-* «болтать, пустомедить», *гыллыу-гыллыу эт-* «качаться, шататься, колебаться» и др.: – Сен бу *гыз-гыз этгенинги* къачан къоярыкъса? (Гыттыулары М.) «– Когда ты перестанешь ныть?»; Осман *най-най эте* тургъунчу, Салих бла Амин ишлерин бошадыла (Шауаланы Х.) «Пока Осман мямлил, Салих и Амин завершили свою работу».

13. Сделать меру, степень и предел действия или процесса таким, что обозначено производящей основой: *кѣп эт-* «множить, увеличивать», *аз эт-* «уменьшать, убавлять», *акъырын эт-* «замедлить (скорость)», «понизить (голос, тон и т.п.)» и др.: Бары да тауушну *аз этерге* кюрешедиле (Хочулары С.) «Все стараются уменьшить шум»; Тууарчыла сют алыуну *кѣп этер* ючюн уллу къыйын саладыла (газ. «Заман») «Пастухи (крупного рогатого скота) прилагают все свои усилия для увеличения удоя».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Урусбиев И.Х. Глагол // Грамматика карачаево-балкарского языка: фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик, 1976.

2. Юлдашев А.А. Глагол // Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.

Zh.M. Lokyaeva

THE SEMANTIC CHARACTERISTIC OF DIFFICULT VERBS LIKE NOT VERB+AUXILIARY VERB ET IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

In article on the material karachay-balkar language the problem of difficult verbs is considered: the evidential facts of this phenomenon are given. Cases of the use of the difficult verbs which second component is expressed by a conjugated form, and the first not verb are thus differentiated. On a concrete language material the major standard importances are noted them.

Keywords: difficult verb, glagoloobrazuyushchy affix, the auxiliary verb, making basis.

З.В. Черкесова

ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТА И МЕТОДЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ *(на примере концепта «Женщина»)*

Понятие концепта на сегодняшний день является одним из базисных в лингвокультурологии, когнитологии, филологии в целом. Тем не менее, до сих пор не существует единого общепринятого определения термина «концепт». Опираясь на мнения разных ученых, автор статьи определяет структуру концепта и методы его исследования в современной лингвистике на примере конкретного концепта – «Женщина».

Ключевые слова: концепт, понятие, структура, ментальный мир, архитектоника, вербализация.

Понятие концепта сравнительно недавно вошло в научный обиход, однако концепт на сегодняшний день является одним из базисных понятий лингвокультурологии, когнитологии, филологии в целом. Тем не менее, до сих пор не существует единого общепринятого определения термина «концепт».

Концепт как всякий сложный когнитивный лингвосоциальный конструкт не имеет однозначного толкования в науке о языке на современном этапе его развития, хотя существует множество определений концепта.

Красавский Н.А. рассматривает концепт как «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека» [10:37].

Некоторые ученые, например, М.А. Холодная, трактуют концепт как «познавательную психическую структуру, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов»

[18:23]. Концепты – это предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека. По мнению Р. Павилениса, концепты – это «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания» [5:38]. Также, концепт – это национальный образ (идея, символ), осложненный признаками индивидуального представления [6:16].

Довольно часто происходит смешение двух терминов: концепт и понятие. Концепт, как и понятие, является единицей когнитивного порядка. Архитектоника концепта как структурно-смыслового образования сложнее архитектоники понятия. Концепт состоит из понятийного, образного и ценностного компонентов [7:3]. Концепт в отличие от понятия не только мыслится, но и переживается. Объем этого термина, таким образом, шире объема термина «понятие». Концепт включает в себя само понятие, являющееся, в свою очередь, его обязательным ядерным компонентом. Концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации, он может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами. В акте речи вербализуется коммуникативно релевантная часть концепта. Концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры. Концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство взаимопонимания и общения. Будучи средством общения, концепт в этом своем «слое» включается, помимо духовной культуры в собственном смысле этого слова, еще и в структуры общения и в мыслительные категоризации, связанные именно с общением [16:6].

Вопрос о концепте и его описании является одним из сложнейших в современной науке. Проблема концепта разрабатывается культурологией, социологией, когнитологией, языкознанием, этно- и психолингвистикой и рядом других наук. В связи с этим существуют различные точки зрения на концепт и методы его описания и изучения. Но и в рамках одной и той же науки взгляды исследователей по данному вопросу нередко расходятся.

Изучение концепта в рамках когнитивной лингвистики осуществляется как отечественными, так и зарубежными учеными. Е.С. Кубрякова предлагает следующее определение концепта: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексико-

на, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [11:90–93]. С точки зрения Е.С. Кубряковой, концепт характеризуется: 1) оперативностью; 2) способностью отражать человеческую деятельность; 3) наличием инвариантного стержня; 4) гибкостью и подвижностью; 5) способностью представлять лишь часть актуализированных смыслов, относящихся к той или иной идее; 6) субъективностью; 7) отсутствием у концепта определенной структуры.

На основании признаков оперативности, актуальности, субъективности концепта когнитологами делается вывод о способности концепта отражать «один или несколько, любые, не обязательно существенные, признаки объекта». Таким образом, концепт представляет собой «продукт обыденного сознания» (Г.В. Токарев).

Зарубежными когнитологами концепт рассматривается в тесной связи с проблемой значения языковых единиц. Так, Р. Джэкендофф говорит о лексическом концепте и считает, что он равен значению языковой единицы, которая его выражает. Провозглашается тождество концептуальной и семантической структур и не проводится четкого разграничения между языковыми и энциклопедическими знаниями в структуре концепта.

В рамках когнитивной парадигмы концепт именуется по-разному и выступает как ментальная область или пространство (Дж. Лакофф), когнитивный контекст (Р. Лангакер), фрейм (Ч. Филлмор), область знания, лежащая в основе значения языковой единицы. Единства мнений в отношении возможности структурирования концепта среди когнитивистов нет. При описании структуры концепта, как области знания, целью, как правило, является определение тех его участков, которые нашли свое выражение в языке, а также способов (схем), с помощью которых происходит связь концепта и его языковой репрезентации. Кроме того, важным признается определение прототипических характеристик (инвариантной части концепта), которые легли в основу формирования значения языковой единицы, называющей концепт. Необходимо также отметить, что в исследованиях отечественных лингвистов, работающих в рамках когнитивной парадигмы, большее значение, чем в трудах их зарубежных коллег, придается субъективному характеру концепта.

Когнитивную теорию углубляет психолингвистическое толкование концепта. Такое понимание концепта отражено в работах А.А. Леонтьева и А.А. Залевской. Разграничивается концепт как достояние индивида и концепт как инвариант, функционирующий в определенном социуме или культуре, при этом акцент делается на субъективно значимых характеристиках концепта. Концепты связаны в единую сеть, которая функционирует по принципу самоорганизующейся системы. Психолингвистическая трактовка концепта близка когнитивной, особенно в постулировании субъективности концепта. Однако, с точки зрения психолингвистов, изучение языка дает сравнительно немного информации о концепте, который по своей природе невербален и реализуется в языке лишь в некоторых своих аспектах.

Лингвокультурологический подход к концепту предполагает признание концепта культурно-обусловленной сущностью. Необходимо отметить, что о влиянии культурно-исторических факторов на язык одним из первых в отечественном языкознании говорил В.В. Виноградов, рассматривавший язык как феномен национальной духовной жизни. Идеи В.В. Виноградова о взаимодействии языка и культуры получили дальнейшее развитие в лингвокультурологических теориях концепта.

В рамках лингвокультурологии концепт выступает как многомерная глобальная структура, в которую входят – первое – все, что принадлежит строению понятия, и – второе – все то, что «делает концепт фактом культуры – исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история, современные ассоциации, оценки и т.д.» (Ю.С. Степанов). Концепт существует объективно, т.е. рассматривается как явление коллективного сознания.

Концепт многомерен, в его структуру входят различные компоненты: 1) основной признак («активный слой»), 2) дополнительный или несколько дополнительных «пассивных» признаков, 3) внутренняя форма (Ю.С. Степанов); образный, понятийный и ценностный компоненты (В.И. Карасик); образ, понятие и символ, являющиеся содержательными формами концепта (В.В. Колесов).

Таким образом, концепт понимается как «часть концептосферы, которая имеет свою историю» (Г.В. Токарев) и выступает как глобальная многомерная ментальная единица, исторически и культурно обусловленная и носящая объективный характер.

Синкретичные теории концепта характеризуются совмещением постулатов когнитологии и культурологии. Так, С.А. Аскольдов, одним из первых начавший разрабатывать проблему концепта в отечественной лингвистике, говорил о схематизме этих ментальных сущностей. С мнением С.А. Аскольдова перекликается точка зрения Д.С. Лихачева, который говорил об алгебраичности концепта, так как, оперируя им в речи, человек просто не успевает охватить концепт во всей его сложности.

Тезис С.А. Аскольдова о схематизме и Д.С. Лихачева об алгебраичности концепта созвучен идее актуальности концепта, выдвигаемой Е.С. Кубряковой в рамках когнитивной лингвистики. В то же время в работах С.А. Аскольдова и Д.С. Лихачева развивается идея о взаимосвязи концепта и культуры: «концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации» (Д.С. Лихачев).

Подход, совмещающий в себе черты и когнитивистики, и культурологии и, позволяющий исследовать содержание концепта на базе языковых фактов, реализуется в трудах З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Концепт этими учеными понимается как «глобальная смысловая единица, организованная по принципу ядра и периферии, и отражающая все стороны осмысляемого явления» (И.А. Стернин).

Авторы рассматриваемой теории выделяют несколько типов концептов (форм ментальных репрезентаций): представления, схемы, понятия, фреймы, сценарии (скрипты) и гештальты. З.Д. Попова и И.А. Стернин признают возможность структурирования концепта. В частности, И.А. Стернин считает, что концепт имеет определенную структуру, хотя и не такую жесткую, как значение слова.

Отличительной особенностью рассматриваемой теории является отступление от, постулируемых в когнитивистике, оперативности, гибкости, подвижности и субъективности концепта. При этом проводится мысль о культурно-обусловленной и эмоциональной составляющих концепта, выявляемых, в основном, при анализе его интерпретационной части (периферии). К чертам, сближающим концепцию З.Д. Поповой и И.А. Стернина с когнитивными теориями концепта, можно отнести, например, структурированность концепта и наличие в его центре образа-прототипа; объективированность концепта с помощью различных языковых средств; наличие у концепта одной из форм мен-

тальных репрезентаций (фрейм, понятие, скрипт и т.д.). Однако, по мнению Г.В. Токарева, последнее утверждение «утрачивает основательность при забвении признаков операциональности и субъективности концепта». Кроме того, им усматривается невозможность включения эмоционального блока в структуру некоторых типов концепта (например, концепта-понятия).

Обзор теорий концепта показывает, что в настоящее время сформировались два основных подхода к концепту: когнитивное и лингвокультурологическое, которые, однако, не являются взаимоисключающими. Иначе говоря, «эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» (В.И. Карасик).

Учитывая специфику нашего материала, в качестве методологической базы исследования был выбран лингвокультурный подход, который, с нашей точки зрения, оказывается наиболее плодотворным при сопоставлении концептов, принадлежащих сознанию носителей разных языков и культур.

В качестве рабочего определения концепта в нашем исследовании была принята дефиниция С.Г. Воркачева: «концепт – это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [2:70].

Концепт не может быть жестко структурирован, поскольку является единицей сознания. Однако в исследовательских целях выстраивание его структуры вполне оправдано.

Рассмотрение лингвокультурологических исследований изучаемого концепта «Женщина» показало, что они выполнены на материале лексических, фразеологических и паремиологических единиц, при этом на материале лексики и паремий получено больше данных, чем на материале фразеологических единиц.

На формирование содержания концепта «Женщина» значительное влияние оказывают социальные, культурно-исторические факторы, в том числе мифология и религия, общественные процессы, промышленно-экономическое развитие, а также биологические особенности женщин.

При сопоставлении русской, кабардинской и французской культур обнаруживаются как специфические, так и универсальные черты в развитии культурно-исторической составляющей

концепта «Женщина». Общими для всех названных культур являются мифологические и религиозные воззрения, которые отразили древнейшие представления людей о женщинах, их статусе и роли в семье и обществе. Мифология, христианство и мусульманство способствовали укреплению главенствующей роли мужчины в обществе, и подчинению женщины.

Особенности в строении и функционировании женского мозга обуславливают ряд биологических характеристик, имеющих универсальный характер. К таковым относятся большая, по сравнению с мужчинами, эмоциональность, более быстрый темп речи, высокая переключаемость внимания, возможность выполнять одновременно несколько, не связанных друг с другом дел. Однако, по мнению ученых, тендерная идентичность женщины, модель ее поведения, психологические характеристики личности зависят как от биологических, так и от социокультурных факторов.

Таким образом, каждый ученый выделяет какие-то свои существенные черты термина «концепт». Однако во всех определениях можно выявить следующие общие черты: во-первых, концепт неразрывно связан с культурой; во-вторых, он является элементом человеческого сознания, будучи результатом мыслительной деятельности. И, наконец, концепт зависит от опыта человека и его знаний о мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. Антология. М.: Изд-во «Academia», 1997. С. 267–279.

2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.

3. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 36–44.

4. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.

5. Карасик В.И. Антология концептов. / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. 356 с.

6. Карасик В.И. Антология концептов. / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.

7. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
10. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецких и русских лингвокультурах. Монография. Научный редактор: доктор филологических наук, профессор В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
11. Краткий словарь когнитивных терминов. / Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1997.
12. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12–51.
13. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997. 287 с.
14. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология. М.: Изд-во «Academia», 1997. С. 280–287.
15. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2001. 192 с.
16. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40–76.
17. Токарев Г.В. К вопросу о содержании термина «концепт» в лингвокультурологии // Фразеологическая картина мира. Тула, 2002. Ч. 1. 332 с.
18. Холодная М.А. Интегральные структуры понятийного мышления. Томск: Изд-во ТомГУ, 1983. С. 23.

Z.V. Cherkesova

**DEFINITION OF THE CONCEPT AND ITS RESEARCH METHODS
IN MODERN LINGUISTICS
(on example the concept «Woman»)**

The notion of the concept is by far one of the basic concepts of linguistics, cognitive science, philology as a whole. However, so far there is no single universally accepted definition of the term «concept». Based on the views of different scholars, the author defines the structure of the concept and methods of research in modern linguistics reference to a particular concept – «Woman».

Keywords: concept, notion, structure, mental world, architectonics, verbalization.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тимижев Хамиша Тарканович, д.ф.н., профессор, зав. отделом адыгской филологии ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-47-12
E-mail: kbigi@mail.ru

Маремукова Динара Аслановна, магистрант кафедры литературы и фольклора народов Северного Кавказа КБГУ им. Х.М. Бербекова.
360000, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Баков Хангери Ильясович, д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник сектора кабардинской литературы ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-52-75
E-mail: kbigi@mail.ru

Толгуров Зейтун Хамидович, д.ф.н., профессор, зав. сектором балкарской литературы ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-34-50
E-mail: kbigi@mail.ru

Шакова Марьяна Кужбиевна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора кабардинской литературы ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 77-13-09
E-mail: kbigi@mail.ru

Алхасова Светлана Михайловна, д.ф.н., ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-70-75
E-mail: kbigi@mail.ru

Ахмадова Зайнап Мухадиновна, старший преподаватель Чеченского государственного университета, соискатель кафедры русской литературы КБГУ.

Сарбашева Алена Мустафаевна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора балкарской литературы ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-49-67

E-mail: kbigi@mail.ru

Гуртуева Марьям Бертовна, к.п.н.

360000, г. Нальчик, пр. Кулиева, 13, кв. 88

Шапарова Айшат Кучуковна, зав. научным архивом ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-38-46

E-mail: kbigi@mail.ru

Кажарова Инна Анатольевна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора кабардинской литературы ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-20-52

E-mail: barsello@rambler.ru

Хавжокова Людмила Борисовна, к.ф.н., научный сотрудник сектора кабардинской литературы ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-21-93

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора балкарской литературы ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-35-39; 8-928-717-71-40

E-mail: kbigi@mail.ru

Бозиева Наима Борисовна, к.ф.н., доцент кафедры литературы и фольклора народов Северного Кавказа КБГУ.

360000, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Малкондуев Хамид Хашимович, д.ф.н., зав. сектором балкарского фольклора ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-52-74

E-mail: kbigi@mail.ru

Берберов Бурхан Абуясуфович, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора балкарского фольклора ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-59-83

E-mail: kbigi@mail.ru

Хагожева Лиана Славиковна, аспирант сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Бижоев Борис Чамалович, д.ф.н., заведующий сектором кабардино-черкесского языка ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-47-98; 8-928-720-38-84

E-mail: kbigi@mail.ru

Апажев Мухамед Локманович, д.ф.н., профессор КБГУ.

360000, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Иванов Нурби Рашидович, к.ф.н., доцент КБГУ.

360000, г. Нальчик, ул. Ногмова, 74, кв. 8

Тел. 8 (8662) 72-29-44

Аппоев Алим Каншаевич, к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник сектора балкарского языка ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-52-75; 8-918-722-92-15; 8-928-719-15-97

E-mail: Appoev74@mail.ru

Карданов Мусадин Латифович, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

E-mail: kbigi@mail.ru

Айбазова Мадина Исмаиловна, аспирант ФГБУН ВПО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева».

Тел. 8-928-034-79-25

E-mail: mardzhana88@mail.ru

Алиева Тамара Казиевна, д.ф.н., ФГБУН ВПО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева».

E-mail: mardzhana88@mail.ru

Качалаева Мадина Алимсолтановна, Дагестанский государственный педагогический университет.

360024, г. Нальчик, ул. Ащурова, 28 «В»

Тел. 8-964-037-00-22

Локьяева Жаухар Магомедовна, стажер-исследователь сектора балкарской литературы ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Черкесова Зарета Валериевна, главный специалист сектора археологии ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

E-mail: kbigi@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Timizhev Hamisha Tarkanovich, doctor of philology, professor, the head of the adyge philology Department of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
Ph.: 8 (8662) 42-47-12
E-mail: kbigi@mail.ru

Maremukova Dinara Aslanovna, graduate student of the department of literature and folklore of the peoples of the North Caucasus KBSU behalf of H.M. Berbekov.

173, Chernyshevsky Street
360000, Nalchik

Bakov Hangeri Ilyasovich, doctor of philology, professor, the chief scientific officer at kabardian literature Department of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
Ph.: 8 (8662) 42-52-75
E-mail: kbigi@mail.ru

Tolgurov Zeitun Hamidovich, doctor of philology, professor, the head of the balkar literature Department of Institute of Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
Ph.: 8 (8662) 42-34-50
E-mail: kbigi@mail.ru

Shakova Maryana Kuzhbievna, kandidate of philology, senior research fellow at kabardian literature Department of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
Ph.: 8 (8662) 77-13-09
E-mail: kbigi@mail.ru

Alhasova Svetlana Mihailovna, doctor of philology, senior research fellow at kabardian literature Department of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
Ph.: 8 (8662) 42-70-75
E-mail: kbigi@mail.ru

Ahmadova Zainap Muhadinovna, senior lecturer of the Chechen State University, seeker of russian literature of KBSU.

Sarbasheva Alena Mustafaevna, candidate of philology, senior research fellow at balkar literature Department of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
Ph. 8 (8662) 42-49-67
E-mail: kbigi@mail.ru

Gurtueva Maryam Bertovna, candidate of pedagogical sciences.

13/88, Kulieva Street
360000, Nalchik

Shaparova Aishat Kuchukovna, head of the research archives of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
Ph. 8 (8662) 42-38-46
E-mail: kbigi@mail.ru

Kazharova Inna Anatolyevna, candidate of philology, senior research fellow at kabardian literature Department of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
Ph.: 8 (8662) 42-20-52
E-mail: barsello@rambler.ru

Havzhokova Lyudmila Borisovna, candidate of philology, research fellow at kabardian literature Department of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
Ph.: 8 (8662) 42-21-93
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Bolatova (Atabieva) Asiyat Dautovna, candidate of philology, research fellow at balkar literature Department of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
Ph. 8 (8662) 42-35-39; 8-928-717-71-40
E-mail: kbigi@mail.ru

Bozieva Naima Borisovna, candidate of philology, assistant professor of Department of literature and folklore of the peoples of the North Caucasus of KBSU.

173, Chernyshevsky Street
360000, Nalchik

Malkonduev Hamid Hashimovich, doctor of philology, professor, the head of the balkar folklore Department of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
Ph. 8 (8662) 42-52-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Berberov Burhan Abuyusufovich, candidate of philology, senior research fellow at balkar folklore Department of the Institute for the Humanities Research KBSC of RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
Ph. 8 (8662) 42-59-83
E-mail: kbigi@mail.ru

Hagozheeva Liana Slavikovna, graduate student of sector of adygian folklore of Institute of Humanities Researches KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik

Bizhoev Boris Chamalovich, doctor of philology, the manager of the Department of the kabardin-circassian language of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
Ph. 8 (8662) 42-47-98; 8-928-720-38-84
E-mail: kbigi@mail.ru

Apazhev Muhamed Lokmanovich, doctor of philology, professor of KBSU.
173, Chernyshevsky Street
360000, Nalchik

Ivanokov Nurbi Rashidovich, candidate of philology, assistant professor of KBSU.

74, Nogmova Street
360000, Nalchik
Ph. 8 (8662) 72-29-44

Appoev Alim Kanshauovich, candidate of philology, assistant professor, senior research fellow at balkar language Department of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
Ph. 8 (8662) 42-52-75; 8-918-722-92-15; 8-928-719-15-97
E-mail: Appoev74@mail.ru

Kardanov Musadin Latifovich, candidate of philology, senior research fellow at kabardin-circassian language Department of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
E-mail: kbigi@mail.ru

Aybazova Madina Ismailovna, post graduate student of Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Karachay-Cherkessia State University named U.D. Aliyev».

Ph. 8-928-034-79-25
E-mail: mardzhana88@mail.ru

Aliyeva Tamara Kazievna, doctor of philological sciences, Karachay-Cherkessia State University behalf of U.D. Aliyev.

E-mail: mardzhana88@mail.ru

Kachalaeva Madina Alimsoltanovna, Daghestan State Pedagogical University.

28 «V», Ashurova Street
Nalchik, 360024
Ph. 8-964-037-00-22

Lokyaeva Zhauhar Magomedovna, trainee-researcher at balkar literature Department of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik

Cherkesova Zareta Valerievna, chief specialist of archaeology Department of the Institute for the Humanities Research KBSC of the RAS.

18, Pushkin Street
360000, Nalchik
E-mail: kbigi@mail.ru

Информация для авторов журнала «ВОПРОСЫ КАВКАЗСКОЙ ФИЛОЛОГИИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по направлению «филология»;

2. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 стр. (с учетом требований п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

3. Статьи должны иметь:

3.1. справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);

3.2. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);

3.3. фамилию и инициалы автора на русском языке;

3.4. название статьи на русском языке;

3.5. аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;

3.6. сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);

3.7. в конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.3.–3.6.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью;

3.8. первая страница статьи подписывается автором.

4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4, шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал, страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически, нумерация сквозная, например:

1. Фотометрия и радиометрия оптического излучения М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.

2. Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному, и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители не возвращаются авторам.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Учредитель: ФГБУН Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8(8662) 42-50-94

Подписано в печать 30.10.2013
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Palatino Linotype
Усл. печ. л. 12,3. Тираж 500 экз. (1-й завод – 200). Заказ № 96

Зав. издательским отделом *К.М. Шомахова*
Компьютерная верстка и техническое редактирование *И.Х. Кушховой*
Корректор *З.В. Черкесова*

ISBN 978-5-91766-073-8

9 785917 660738